

Сибирские письма Г.Г. Шпета

№ 1. Т. Г. и М. Г. Шпет

<1 июля 1935. Поезд Москва-Красноярск.>

Милые мои Таня и Мариночка, очень уж мало я побыл с вами; хочется побольше узнать, что у вас делается на душе: какие горести, радости и ожидания. Мама и Сережа очень милы со мною и стараются заменить всех моих любимых, но от этого я не только не забываю вас, а все чаще вспоминаю. Хочется думать, что увидимся все-таки скоро. Я все больше отхожу оттого, что было, и прихожу в себя. Пишите мне про себя побольше. Дела свои устраивайте энергично и свои права отстаивайте.

Люблю, обнимаю, целую.

Папа.

№ 2. М. Г. Поливановой

3/VII 1935. <Поезд Москва-Красноярск¹>

Золотая моя девочка, обо мне думай и вспоминай, как о счастливом человеке! Такие дети и такие друзья — редкий удел, а «оказывается» на свете это — самое дорогое. — Пиши скорей — на вокзале твое взволнованное лицо... Сердечко у тебя золотое, я знаю, а жду подробностей. Внуков и тебя нежно целую, мужу сердечный привет.

Твой папа.

1 Открытка отправлена из Ишима.

№ 3. М. Г. Шпет

Енисейск, ул. Тамарова, 7.

935 VII 31.

Золотая моя Маринушка, записочку твою от 3/VII получил своевременно, но с ответными письмами раскачиваюсь очень медленно. До сих пор написал только Марго, от которой до того получил два больших письма, а сегодня — третье. Очень жалею, что не сразу тебе ответил, — тогда складывалось письмо более теплое и личное. Не думай только, что причина некоторой перемены в моем настроении ты сама, или вернее, ты одна. Нет, просто общая перемена в моем настроении. Просто первую половину июля я чувствовал себя физически хуже, но пребывал в большей душевной «слабости» или «размяклости»: меня очень растрогало и «размягчило» то общее отношение родных и друзей, в атмосферу которого я попал (и которым только и дышал), когда очутился на воле. Теперь же вместе с некоторою физической окрепостью у меня меняется и душевная настроенность: начинаю больше думать о всяких практических мелочах и «поручениях», на которые Москва реагирует очень слабо, и как-то собственное напряжение распускается и общий подъем снижается... Вы все как будто устали от того напряжения, в котором жили последнее время, и рады, что можно «передохнуть», — а у нас (по крайней мере, у меня) создается невольное впечатление, что нас забывают...

Видишь, что получается: хотелось написать, как я тебя люблю, как мне дорога и как волнует твоя любовь ко мне, как мне жаль, что с тобою мне пришлось так мало видаться, когда, может быть, именно с тобою мне придется испытать самую долгую разлуку, — и вместо всего этого получается, что я «ворчу». Нет, родная моя, прими это как выражение любви: ты знаешь, когда

человеку хочется выплакаться, высердиться, выворчаться как раз тому, кого ему хотелось бы приласкать. Ты у меня умненька — сердцем в особенности — и поймешь меня сразу!

Во время моего вынужденного досуга я, понятно, много думал обо всех вас и жалел, что так мало входил в вашу личную жизнь. В особенности это относилось к тебе. Дома мне всегда было «некогда», потому что все время уходило на то, что оказывается теперь — второстепенным, а к тому, что на самом-то деле — первостепенное, и относилось это «некогда». Говорю, что ты стояла «в особенности», потому что период жизни, до которого ты добралась, очень уж ответственный и в то же время безответственный! В этом периоде мы все склонны брать на себя самые большие ответственности и поступать наиболее безответственным образом. Я знаю, что в таком случае мы — «старики» — наименьший авторитет, хотя бы потому, что нам всегда может быть поставлен критический вопрос, оба возможных ответа на который твоему возрасту покажутся неубедительными. Если мы скажем: мы-то вели себя «благоразумно», — вы скажете: тем хуже для вас; а если мы скажем: да мы поступали так же, как вы, — вы ответите: зачем же вы нам мешаете!.. И вот если бы ты была «философкой», я просто сослался бы на то, что там, где есть эти две возможности, есть и еще две. Одна из них «положительная»: утверждение обеих половинок, — и да, и нет, — она (эта возможность 3-ья) ничего не стоит (она — ни то, ни се, ни мясо, ни горох); другая — «отрицательная»: не да и не нет, не то и не се — всего стоит, потому что по отрицательности своей она открывает беспредельный простор новым жизненно творческим выходам. Но так как ты у меня не «философка», то все эти рассуждения, может быть, сами покажутся тебе очень отвлеченными от живой жизни. Их надо заменить чем-то другим: и вот тут-то я больше всего

огорчен тем, что наше живое общение — сердцем к сердцу — отложено на какой-то неопределенный срок...

Очень ли ты огорчена, что не попала в университет? Я тем более огорчен, что думаю, свою ноль здесь сыграло мое отсутствие. Огорчен и тем, что в силу обстоятельств — тебе придется служить вместо того, чтобы усиленно учиться. И еще хуже то, что и служить-то придется не «из-за себя», а из-за того, что надо затыкать какую-то нужду. Во всяком случае, раз это нужно, не откладывай. Ко всем прочим соображениям присоедини и то, что чем скорее ты поступишь на службу, тем раньше получишь отпуск, а значит, дашь мне возможность пожить с тобою и поговорить так, когда короткое молчание или объятие может сказать больше, чем самое энергичное пользование Наркоматом народной связи.

Ознакомила ли Нора тебя со своими «заметками», которые она с секретарской добросовестностью делала весь первый день нашего пути? Там есть многое, что могла бы сделать ты. А кроме того расспроси ее и об исполнении других моих desiderata¹, и <...>

Следующий листок письма не сохранился.

1 Желания (лат.).

№ 4. Л. Г. Шпет

Енисейск, ул. Тамарова, 7.

935 VIII 3.

Золотой мой Норушок, не обижайся, что я до сих пор не писал тебе. В «норму» я вхожу не так быстро, как хотелось бы, и пока успел написать только Маргуше (от которой получил 3 письма) да Марине; и, наконец, сегодня — сразу два: Елизавете Николаевне¹ и тебе. С Ел. Ник. поскорее повидайся: в письме к ней кое-что

касается тебя, и тебе надо с нею поговорить, а также с Натальей Ильиничной² — надо так, чтобы разговор состоялся непосредственно накануне твоего отъезда. — Не писал тебе еще и потому, что многое уже тебе сказал, многое сама видела, а об остальном скоро поговорим еще. Наталья Константиновна, вероятно, уедет около 1-го сентября, а потому тебе надо выехать — что-нибудь около 20 августа, так, чтобы ненадолго здесь побыть вместе. Всем вместе долго быть не удобно по соображениям здешнего квартирного местопребывания. Точно рассчитать твое прибытие сюда невозможно, ибо неизвестно, сколько времени тебе придется пробывать в Красноярске, дожидаясь парохода в Енисейск. Мы, например, попали очень неудачно и провалялись в Красноярске 5 дней! Может ли у тебя оказаться какое-нибудь поручение от твоего учреждения в Красноярске? И может быть, это облегчит нахождение в Красноярске приюта на ночь, — а иначе ночевать негде — кроме как в Колхоздоме! А может быть, какие-нибудь художественно-воспитательные начинания можно завести в Енисейске, — с тем, чтобы я остался здесь твоим реп репрезентатом?..

1 Коншина Елизавета Николаевна (1882-1973) — литератор, сотрудница отдела рукописей библиотеки им. Ленина, друг и ученица Шпета.

2 Игнатова Наталья Ильинична (1901-1957) — филолог, переводчица, редактор, друг Шпета.

Очень меня смущает, Норик, что на все мои многочисленные поручения я получил так мало откликов: объясняю это тем, что все мои планы и поручения кончились неудачей. Это, конечно, очень грустно!.. Все-таки переговоры обо всем еще с Ел. Ник. и Н. Ил. и ответы привезешь с собою.

Очень мне не хочется противоречить твоей сослуживице, которая в восторге от Енисейска, но, вероятно, есть два Енисейска: небесный и земной — я нахожусь в земном...

Ты пишешь, что дело с «Лавкой писателей» улажено, а как — не пишешь: отсрочен платеж или нужно дать ему

книг или еще что? О Галилее³ знаю только начало «процесса» — из письма Дрюши⁴, а дальше что — ты также не пишешь; не пишет и Таня ничего определенного. Ты собрала Мицкевича, а отнесла ли в Academia — не пишешь. О денежных делах с Academia ты только в письме к Н. К.⁵ написала одну неутешающую фразу, а в чем дело — не знаю. К Любове Яковлевне⁶ зайди до отъезда, скажи, что мне были очень, очень дороги ее участие и отношение; я часто здесь вспоминаю о ней и жалею, что так мало приблизился к ней, когда располагал для этого полной возможностью. Скажи, что ей напишу, как только соберусь с силами обладания человеческой речью... Скажи еще, что мое уважение к ней издавна огромно и с течением времени только росло, личная же любовь увеличивалась скачками и в последнем скачке сравнялась с уважением!

3 В ссылке Шпег переводил что-то из Галилея.

4 Губер Андрей Александрович (1901-1970) — искусствовед, друг и ученик Шпета; после ликвидации ГАХН'а сотрудник издательства «Гранат»; позднее преподавал в университете и ГИТИС'е и был главным хранителем музея изобразительных искусств им. Пушкина; в 1936-1938 жил в семье Шпета.

5 Шпет Наталия Константиновна (1892-1956) — жена Шпета.

6 Гуревич Любовь Яковлевна (1866-1940) — писательница, переводчица, театровед, действительный член ГАХН'а.

18-го ты писала, что Н. И. наладила связь с А. М.⁷. — так как 24-го об этом нет ничего, заключаю, что из этого ничего не получилось.

7 Эфрос Абрам Маркович (1888-1954) — искусствовед, литературный критик, переводчик.

О приезде Марго поговорим с тобой и тогда точно фиксируем. Твое представление о здешнем «первопутке» едва ли правильно: прими только во внимание, что когда здешние люди говорят о своем снеге, они говорят об измерениях метрами, например, на крыше нашего дома снег ложится в 2 метра толщиной; для того, чтобы перенести гроб от конца города на кладбище — 1/4 километра — по дороге расставляют вехи, и т. п.

Дружок мой, в том, что вначале у меня было предубежденное отношение к Володе⁸, виноват не Володя, а ты сама,— так неудачно ты изобразила мне встречу с ним и твой роман. О плохом прошлом вспоминать не стоит, а тому, что личное впечатление повернуло мое отношение в хорошую сторону, я только рад. Об этом еще поговорим.

8 Вальтер Владимир Александрович (1901-1974) — муж Леноры, артист театра кукол.

Н. И. правильно поняла: я просил газету с 1-го июля (хотя это «с» было написано и оплачено, его все-таки потеряли) и просил дальше подписаться. Оказывается, здесь московские газеты легче достать, чем в Москве, и за июль я покупал. Буду покупать и в августе, потому что на август здесь не приняли подписки; вероятно, не примут и дальше; поэтому, если можно, подпишитесь для меня до конца года (ибо ходить здесь каждый день осенью и зимой в единственный киоск будет для меня вещью трудною). А вот «Советское искусство» свой экземпляр, пожалуй, пересылай мне.

Маринаше свое мнение и желание написал: ей необходимо служить, и чем скорее она найдет службу, тем лучше. Если желание поступить в университет у нее не пройдет, то заниматься математикой и готовиться к университету в той или иной форме было бы прекрасно; занятия же с Н. Н. Лузиным⁹ — просто идеально (надо бы только узнать об их форме: семинарий? и будет ли по <неразборчиво>?).

9 Лузин Николай Николаевич (1883-1950) — математик, академик. Был в дружественных отношениях со Шпетом со времен сотрудничества в журнале «Мысль и слово» (1917-1921) и совместной работы в Ярославском университете в 1918-1919. Среди поручений, данных Леноре в поезде, была рекомендация обратиться за помощью к Лузину в связи с биографическими сложностями поступления Марины в университет. В дальнейшем Лузин присылал в Енисейск свои учебники и предлагал лично заниматься с Мариной.

Какое бы решение насчет НКПроса не складывалось, надо отложить его,— в теперешнем виде и составе я также не поклонник этого учреждения, но ведь многое может измениться к лучшему и, может быть, даже ближайшей осенью.

Целую тебя крепко, моя золотая девочка; приедешь, наговоримся! Маме¹⁰ — сердечный привет.

10 Шпет Мария Александровна (по сценическому псевдониму Крестовская, 1870-1940) — первая жена Шпета.

Твой отец.

№ 5. С. Г. Шпету

Енисейск, ул. Тамарова, 7.

935 VIII 23.

Золотой мой Сереженька, я предчувствовал, что мне будет горько расставаться с тобою, но все-таки не ожидал, что будет так больно... Как будто живьем от меня отодрали кусок меня самого! Конечно, мои нервы очень не в порядке, но, думаю, дело тут не только в нервах. В конце концов, мы впервые с тобою так много времени провели вместе подряд, впервые — в такой непосредственной, можно сказать, телесной близости. Из-за своих нервов, да и по другим причинам, я, бывало тут, несколько раздражался, но всегда и прежде всего видел твои хорошие стороны и убедился, что их в тебе немало. Я уверен, что если бы мы прожили с тобою вместе еще подольше, сгладилось бы больше острых углов между нами и, может быть, осуществилась бы моя давнишняя мечта — лелеемая мною со дня твоего рождения — чтобы между мною и тобою существовали настоящие дружеские отношения; не в силу родства, не в силу привычки, а в силу нахождения каких-то общих жизненных устремлений и пониманий; чтобы между нами были такие же простые и непосредственные отношения, какие

существуют у тебя с твоими сверстниками. Моя жизнь, все равно, подошла к концу — хотя и преждевременному, как мне кажется,— и, может быть, лучшим смягчением этого печального конца — лучшим, а вернее и единственным — было бы установление такой связи между нами, что я нашел бы продолжение своей жизни в твоей.

Все это очень общо, а более конкретно мы ни до чего здесь договориться не успели, но сейчас меня невольно потянуло к этому письму, чтобы хотя бы им успокоить свое волнение и за ним скрыть слезы, которые иначе удержать не могу. Дорогой мой мальчик, у тебя тонкая и нежная душа; если перегородка, существовавшая между нами, не растаяла полностью от нашего общения здесь, то почувствован теперь — на расстоянии — как бесконечно я люблю тебя, чтобы мы жили душа в душу и стремление в стремление. Крепко, крепко обнимаю тебя, мой драгоценный! Не забывай меня, будь молодцом, пиши.

Твой отец, мечтающий быть твоим лучшим и самым близким другом.

Мои чувства росли здесь с каждым днем, и теперь — как будто пустыня образовалась вокруг меня! Я полусутя сказал, что мне завтра скучно будет без тебя пойти на барахолку,— а вижу, что все, все здесь будет напоминать тебя, и на каждом шагу буду чувствовать твое отсутствие, любимый мой!

Я ложусь на твое место, чтобы обнять хотя бы подушку, на которой ты спал!

№ 6. С. Г. Шпету

Енисейск, ул. Тамарова, 7.

35 VIII 24.

Дорогой Сережа, славный мой мальчик, опять пишу тебе, пот. ч. ни о чем, кроме тебя, думать не могу. Чем ты так зачаровал меня? Пройдет время, и я стану спокойнее, но сейчас — ничем не могу отвлечься от мыслей о тебе; и хочется поболтать если не с тобою, то, по кр. м., о тебе — с самим собою! — даже не с мамой, пот. ч. она, естественно, старается меня отвлечь и даже в разговоре о тебе переводит меня на темы более далекие, чем твой вчерашний отъезд. Время с тобою промелькнуло для меня, как миг, и все-таки — сколько воспоминаний! Больше всего вспоминаются две наши прогулки: на кладбище и к Времянке, когда ты был особенно мил и мягок. Но вспоминаю и всякие мелочи: кто будет теперь так очаровательно распечатывать посылки, заигрывать с письмами, книгами, газетами, ставнями? С кем мне обсуждать вопросы о достоинствах папирос и многие, многие другие? Когда вновь мне будут улыбаться твои ласковые глаза и когда опять я услышу твоего «чудака»?.. И все пусто без тебя: нерадостно пойти на барахолку, или за книгами, или еще куда-нибудь; нерадостно будет получать посылку, затевать что-нб. Сегодня ходили с мамой на барахолку, и я думал только о тебе; купили смешной поднос, и я все представлял себе, как бы ты к нему отнесся. Хочу завтра переезжать и думаю: как же справимся без тебя? Скоро надо запирать ставни: и кто будет строить за ними милые рожицы?.. Ко всему еще неудача: карточка наша не вышла, испортился самый негатив, так что просто никакого изображения не получилось. Я послал тебе телеграмму в Красноярск, чтобы ты в моментальной снялся; если не успел или почему-нб. не удалось, сейчас же снимись для меня и пришли карточку, — впрочем, если из Красноярска и послал, снимись еще в Москве и поскорее вышли мне, — мама — скучная, — должно быть, тоже думает о тебе, но чтобы не расстраивать меня еще больше — помалкивает, и мы сидим, как два «разных» человека, каждый со своими думами, а на самом деле с одною думою — о

тебе, о плуте и «чудаке» нашем! Да, брат, все без тебя не клеится и расклеивается! — Итак, решили завтра переезжать, но будет ли мне легче на новом месте: здесь все слишком живо напоминает тебя,— от этого грустнее, но от этого же чувствую себя здесь роднее, теплее...

И первую нашу прогулку — в Красноярске, на гору, к башенке — тоже вспоминаю с большим удовольствием! А «цветок», который мы оттуда принесли, теперь буду беречь больше, как напоминание о тебе!

Мама ждет Марину и, вероятно, надеется, что она внесет некоторое отвлечение и развлечение. Но я побаиваюсь: какое она еще принесет «развлечение» и какие у меня установятся отношения с нею? Ведь, помимо всего прочего, теперь мне со всеми надо, собственно говоря, устанавливать отношения заново. Целую тебя крепко, золотой мой сын, и начинаю считать дни, когда могу получить твое первое письмо из Москвы! При самых благополучных условиях — 11/IX, т. е. надо еще ждать целых 18 дней!

Пиши все, все — меня интересует каждая мелочь твоей жизни; и по количеству сообщенных мне мелочей я буду судить о степени твоей любви ко мне!..

Обнимаю крепко своего славного сыночка.

Отец.

И даже мухи, тоскуя по тебе, с отчаяния массажируют, бросаются на мухоловку, так что скоро она — по закону Ньютона — достигнет поверхности стола!

№ 7. Л. Г. Шпет

Енисейск, ул. Тамарова, 7.

935 VIII 25.

Золотой мой Норушок, напрасно ты так близко приняла к сердцу наши телеграммы и истолковала их, как «упреки». Наше основное беспокойство относилось не к вам, а к порядкам и действиям НарКомСвязи. Надеюсь, теперь все это уяснилось и не стоит на этом задерживаться. Теперь главный вопрос — твой приезд. Мы так часто решали и перерешали вопрос о Маринином приезде, что я боялся, мы запутали тебя. Теперь по-видимому ясно, что письмо еще застанет тебя (а до сих пор не писал, думал, что тебе выезжать в августе). Маргарите, значит, лучше отложить свой план,— его мы здесь обсудим. Не ставь свой отъезд ни в какую связь с поездкою Л.¹: его собственные планы, по-видимому, не слишком тверды, а главное — мне лично его приезд не нужен. Забирай для себя достаточное количество теплого, об этом тебе Н. К. уже писала. Если часть вещей возьмешь багажом, то помни, что на пароход примут вещи в багаж только зашитые и перевязанные. Впрочем, все подробности об этом, как и об красноярской остановке тебе теперь разъяснит Сережа (если у тебя найдется лишних 10 р., купи Сереже от моего имени плитку шоколада). Ты едешь, по-видимому, очень нагруженная, и я боюсь давать тебе еще новые поручения. Но, на всякий случай,— может быть, придется послать в посылке,— поимей в виду 2 Истории английской литературы, которые я назвал Сереже: *Saintsbury* и, кажется, *Allerf* (они стоят рядом, обе в красном коленкоре), и кроме того: Английскую грамматику, кажется, *Nettesfield* (в белом коленкоре, лежала на белом столике за креслом; в ней имеется история английского языка) и Лекции по истории английского языка — забыл, не то *Brown'a*, не то *Morley'a* (старая книжка в темном коленкоре, стояла на 3-ей и 4-ой сверху полке в той книжнице черной, которая у двери на парадную лестницу, лицом к окну,— на этой полке много английских книг в ряд стояло, но из этой книжницы много книг было пошвырено в беспорядке на пол).

1 Л., или Л. Н. — жених Марины.

Посылку получил, было очень весело разбирать: многие коробки видел впервые,— составил список и всем поставил отметки по 5-тибалльной системе!

Насчет Владимира Тарцова² и пр. вы неправильно поняли: это была ирония! А насчет железнодорожных городов Восточной Сибири могу вам задать неразрешимую викторину: возьмите карту и найдите не только 5, а хотя бы 3 города (и притом не краевых и не университетских) между Красноярском и Иркутском!!

2 Не установлено.

Целую и люблю тебя крепко. Привет Наталье Ильиничне и маме, и Володе, и всем, кто меня помнит. Еще целую. Твой пап.

Усвой, Норушок, европейское правило: в каждом письме писать свой адрес!

№ 8. С. Г. Шпету

Енисейск, ул. Тамарова, 7.

935 VIII 26.

Дорогой мой Сереженька, не думай, что я перестал скучать по тебе — только потому, что природа опять оживилась, опять солнышко и тепло,— надеюсь, и Красноярск встретил тебя этой измененной погодой, а не холодом и грязью. От того, что стало веселей на улице, мне еще больше захотелось, чтобы ты был со мною: куда-нб. пошли бы побродить или покатались бы на лодке. На Иофе мы еще не переехали; Александрюшка¹ вчера перепутала часы и не привела лошади, а Нина Андреевна² просила подождать еще дня

два, потому ч. ей нужно лечь в больницу,— что ж?

1 Не установлено.

2 Кытманова Нина Андреевна — хозяйка дома по ул. Тамарова, 7.

На строящемся доме (по ул. Тамарова) уже лежит — от нас видно — светлая тесовая крыша! — Я подарил маме чудный медный поднос,— полметра в диаметре,— от которого она оторваться не может; будь ты здесь, мы бы перенесли ее на этом подносе на улицу Иофе!..

VIII 27.

Итак, мой сынок, вчера — без тебя! — разными хитростями и уловками маме удалось увлечь меня на ее «любимое» Иван-Озеро! Хотя мы на него все-таки не попали, но оказывается, 1, что до него, действительно, ходьбы немного (не больше 1 1/2 часов от нас), а, 2, мы до него так и не дошли! — Свернули на неправильный путь на расстоянии 1/4 часа до озера! Впрочем — жалеть не приходится, потому что шли дорогой довольно интересной: лесок,— не та паскуда, что произрастает на торфяниках, прерываемый <неразборчиво> милыми плоскими полянами. Лесок — бледный, не воображаемый «сибирский», но все же лесок. Теперь, конечно, мать вдвое распалилась желанием открыть озеро — на карте переселенческого комитета ведь здесь — «белое» место! И хотя от вчерашнего путешествия у меня загорелась на память о нем порядочная мозоль, но предчувствую, что это не помешает маме еще раз буксирить меня к озеру!

Уже 12 часов, а телеграммы от тебя нет,— это уже беспокоит меня: я рассчитывал, что ты прибудешь в Красноярск 26-го (вчера), может быть даже утром, а, значит, телеграмма могла быть уже вчера... Но пока все же надеюсь, что все у тебя благополучно.

Ну, вот, и новый адрес: ул. Иофе, 12... Теперь 6 час., мы уже почти разложились; начали переезд в 3 часа. Без тебя скучно... Кроме того, нашлось бы много работы для твоих беспокойных рук... у нас же все выходит дилетантски!

Пишу при открытом окне, пот. ч. тепло; вид все-таки чудесный, и разнообразится больше, чем я ожидал: и на небе — облака, и на земле: люди, катера, баржи, лодки...

Целую моего драгоценного мальчика.

Твой пап.

№ 9. С. Г. Шпету

Енисейск, ул. Иофе, 12.

935 VIII 29.

Дорогой мой сынишка, очень беспокоюно, что от тебя из Красноярска нет ни писем, ни телеграмм! Ты все-таки поросенок: знаешь, как волнуемся мы с матерью...

Сегодня пришла большая посылка: много разного, и еще, и еще скучно было получать без тебя, а насколько веселее было бы с тобою распечатывать ее! Кроме неинтересных для тебя папирос — ты ведь не куришь (если не лукавишь... что было бы даже преступно по отношению ко мне!) — много вкусовостей, в которых и ты был бы заинтересован. В новой квартире пока все гладко; окно остается пленительным; преобладает сдержанная тишина; окно на запад у меня свободно, и ты великолепно мог бы расположиться у него за самостоятельным столиком! Вчера были с мамой у доктора

Кныша, который, кажется, согласен взять меня под свое наблюдение, но до сентября у него отпуск.

Купил сегодня избранного Лермонтова — такое же издание, как Пушкин и Тургенев,— но без тебя скучновато и его читать!

Ты же видал, кажется, как мальчишки здесь таскают бревна с берега: в верхний и нижний разрезы вбиваются гвозди, на них прикреплена веревка, и бревно катится за мальчишкой по лугу, как вал!

Откуда-то очень издалека доносится заглушенный расстоянием и стенами детский крик: не Маргаритка ли это на улице Тамарова?

30/VIII.

Ну вот, Сереженька, только сейчас (11 час. утра) получили телеграмму Марины, что ты уехал. (Телеграмма пришла вчера же, но письменосица нам не принесла, хотя на телеграфе соврала, что доставила, а расписку дома забыла,— мама установила все это.) Значит, ты все-таки немного опоздал, обидно, но что делать! Теперь пиши мне аккуратно, как пойдут занятия, кто спрашивал, как ответил, с кем дружишь, и вообще все, что делаешь. Я очень буду волноваться, если будешь умалчивать, и буду очень огорчен, потому что это будет означать, что ты не хочешь дружить со мной.

Сегодня всю ночь шел дождь, и сейчас то перестанет на минуту, то опять хлещет — мама ходила на почту и базар и вся промокла — все небо серое, но ветра нет и не очень холодно. По моим расчетам ты уже проехал Омск, и, должно быть, у тебя погода — иная. Сегодня — выходной, и мы опять без писем,— ужели ты умудрился не послать сразу нам хотя бы открытку?.. А снялся ли ты для меня, как я просил, в Красноярске? В Москве, надеюсь, уже снялся и послал мне!

Обнимаю моего любимого.

Отец.

№ 10. С. Г. Шпету

Енисейск, ул. Иофе, 12.

935 VIII 31.

Дорогой Сергунка, наконец-то от тебя открытка! Где ты ее опустил? — она без штампа отправления. —

Начало на Стрелке, а дописана в 5 ч. 24-го. Долго шла! Ногу непременно надо показать доктору, как только приедет мама, и снять рентгеном — в направлениях, которые укажет доктор. У нас сегодня чуть повеселее, показалось среди дня солнышко.

От меня отлично видно, как поднимаются с Енисея и садятся гидропланы. Жаль все-таки, что у меня нет хорошего бинокля.

IX 2.

Вчера тщетно ждал от тебя какой-нибудь вести: ни письма, ни телеграммы! Неужели ты из Красноярска больше ничего не послал? Недобрый, ты же знаешь, как мы волнуемся... От Марины вчера пришла телеграмма, что едет с «Лениным», ожидаем завтра.

Позавчера мы с мамой были на улице Лазо — гуляли — помнишь, мы с тобою там тоже гуляли. № 24 — пустые комнаты; мама мгновенно, как мышь — в щелку, туда! Действительно, можно было бы снять. Хозяин и хозяйка милы; он — Воронежской губ. Дом у него в образцовом порядке: кажется, единственный в таком виде на весь Енисейск: всё на месте — паз в паз, очаровательный огород (тыквы, дыни, арбузы, огурцы, картофель, малина, клубника и пр., — даже один ствол кукурузы с 4-мя головешками), цветы пестреют, уютнейший сеновал, под навесом — порядок, которого ты, конечно, не вынес бы:

каждый инструмент на месте; дрова, кирпичи и блоки не разбросаны, и всё — соответственно.

У них сын 26 лет — идиот (говорят, «от испуга»: когда ему был один год, нянька уронила самовар и испугала его); впечатление жуткое: обрюзглое лицо в бороде и усах, ни слова не произносит, ползает на четвереньках; по словам отца, он любит порядок; для него огромная радость, когда ему подадут руку, и отец просил нас сделать это, — я подал сразу, а мама некоторое время не решалась («боялась»). Отец говорил, что они, старики, «живут только для него», отдать его в приют, расстаться с ним не могут! И знаешь, когда он на четвереньках подполз к нему, и тот начал гладить сына по лохматой голове, сын такими добрыми глазами смотрел на отца, что я был растроган и впервые понял, как могут родители любить даже такого калеку!

Вчера под моим окном состоялся настоящий сорочий митинг: сороки со своими рулями-хвостами, в чистеньких и пестреньких английских блузках, — очень нарядны и изящны, мне захотелось иметь сороку, но мама — против: оказывается, по ее сведениям, сороки гадят, — как будто у нее куры будут издавать одни только фиалковые ароматы!..

Крепко обнимаю, беспутный мой сын!

Твой отец.

№ 11. С. Г. Шпету

Енисейск, ул. Иофе, 12.

935 IX 7.

Дорогой мой, Сергунчик, давно я не болтал с тобою! Зато о тебе говорили больше, потому что Марина рассказывала подробно о вашем красноярском

препровождении времени. Что-то ты теперь подделываешь? Когда еще я получу от тебя письмо? Да и как прилежно ты будешь писать?

Мама через два дня уезжает, и мне уже грустно... И как еще мы сживемся с Мариной?..

Новостей, конечно, немного. Худшее — хозяйка непременно хочет вытеснить меня от окна, которое больше всего прельщало меня снять здесь комнату. Не знаю, как уладится этот вопрос! А без этого окна будет совсем скучно... Вчера вечером было изумительно; да вот, и сейчас: облака довольно частые, но далеко не сплошные, и нет, нет, да и заиграет солнышко,— сразу веселей и на душе!

«Баржа», в чинке которой и ты хотел было принять участие, вдруг исчезла: когда ее закончили и как спустили на воду, я не заметил; очень жалко,— интересно было бы посмотреть, как ее спускали; во всяком случае сейчас и «заграда» снята, и материалы убраны, и весь берег под «бульваром» очищен и свободен вплоть до электростанции.

Помнишь, меня интересовало, почему иногда лодки здесь лежат далеко от берега — на другом конце города — и, главное, как же их доставляют на реку? Вчера видел,— очень занятно: нос лодки укрепляется на передке повозки, а корма,— как сани,— волочится по земле или по траве,— одна лошадь легко тащит все сооружение!

Если хочешь, садись на корму и правь,— не нужно и вожжей...

Перед Мариной прибыл сюда на «Рудзутак» О. Ю. Шмидт¹, мы были на пристани (встречали Марину), когда «Рудзутак» отходил; мы с мамой стояли вдвоем, отдельно от других, на освещенном месте, и вообрази

торжество мамы, когда Шмидт нас узнал и сделал под козырек!.. Мама уже жалела, что мы не вышли встречать его, но тогда нас просто не пропустили бы на пристань.

1 Шмидт Отто Юльевич (1891-1956) — академик, полярный исследователь.

Больше, кажется, новостей нет, а что я скучаю по тебе, это — не новость тебе! Целую очень крепко.

Твой пап.

Очень рад подарку, который ты мне прислал с Мариной из Красноярска. Жаль только, что ты не сделал соответствующей надписи: мне было бы еще приятнее.

Конечно, когда исчерпались мои папиросные запасы, в енисейских лавках тоже нет папирос! Курю твой табачок: скручиваю папиросы и все думаю о тебе,— а ты-то, небось, про меня совсем забыл?

№ 12. Л. Я. Гуревич

Енисейск.

935 IX 7.

Дорогая, милая Любовь Яковлевна, одной из первых фраз, которые я услышал, когда из потустороннего мира вновь выглянул в здешний — на первом свидании с женой — было восклицание жены: «Ты не знаешь, сколько у тебя друзей, и какие у тебя друзья!»... Она угадала, что в тот момент говорит мне самое нужное и самое приятное, что прямо отвечает этим на главные мысли, от которых я не мог уйти во время своего «лежания» в изоляторе. Лежа там, я не испытывал гнева по поводу порядка, лишившего меня свободы и оскорбившего меня, не испытывал раздражения против фальшивых друзей, давших повод этому миропорядку так неумно продемонстрировать мне свою слепую силу; преобладавшее

во мне чувство было чувством несправедливо нанесенной мне обиды. Эта обида, естественно, прежде всего направилась против названной слепой силы, — ослепленной мне неведомо откуда берущимся, но не дающим ей покою, страхом, — но постепенно, все пересматривая, переосмысливая, я эту обиду начал переносить на самого себя: на свой образ жизни, на свое поведение, на свое отношение к другим. Я воображал, что выполняю кому-то нужную работу, — нет, не «кому-то», а людям страны, в которой родился, воспитался и культурном содержании которой вырос. И из-за этой работы я отказывал себе — и часто этим отказом обижал близких и дорогих мне — в том, что, может быть, есть самое ценное, — в обычном общении с теми, кто влекся ко мне и к кому мое сердце влеклось... За мое претенциозное воображение я оказался жестоко наказанным, и те, кто знает лучше, чем я, что надо нашей стране в настоящий момент, поставили меня на место... Но тем временем, пока я пребывал в своем претенциозном заблуждении, не растерял ли я тех, кто могли наполнить мне жизнь сердечным содержанием и так украсить ее? И вот на этот вопрос я получил прямой и ободряющий меня ответ, доставивший мне не только нечаянную радость, но, как мне кажется, и незаслуженную. — Когда я вышел на волю, первое, в чем я убедился, было, что жена сказала свои слова не просто для ободрения меня; она сказала истинную правду. Я оказался окруженным такой атмосферой нежного тепла, в которой дышалось легко и сладко, но время от времени выступали на глазах слезы, и сердце сжималось от какого-то томящего стыда, — как я мог раньше уходить от этого и даже отталкивать это во имя каких-то мнимых, воображаемых «объективностей»? Вы видите, милая Любовь Яковлевна, как это совпадает с некоторыми мыслями, которые Вы высказываете в своем драгоценном для меня письме. Поэтому мне не нужно входить в подробности, — Вы и без того поймете меня до конца и

без всяких уверений с моей стороны почувствуете,— уже почувствовали,— что среди тех, с кем бы мне хотелось быть и сближением с кем я так преступно-расточительно манкировал, я вижу теперь в своих мечтаниях и Вас. Когда — уже в поезде, уносившем меня от Москвы — я был буквально засыпан приветами и другими знаками внимания, памяти и дружбы, я в общем хоре все же отчетливо различал и индивидуально Вас,— принимал каждый отдельный голос. Когда я прочел Ваш привет, услышал Ваш голос и Вашей доброй дочери,— это и было одним из моментов, что глаза у меня наполнились слезами... Я увидел, как много я теряю, прощаясь с Вами, и я вспомнил, как я бывал нерадив, общаясь с Вами, жесток, жесток и даже груб... В отношениях со мною Вы всегда были великодушны, всю эту внешность Вы игнорировали, не хотели видеть и прощали мне мою раздраженную грубость, ибо, верю, видели дальше, глубже, и понимали, что мое уважение к Вам подлинно и что мое сердце влечется к Вам искренне. Что рассуждать об этом теперь! — но однажды сказать это нужно: в моем сердце и в моей памяти до конца дней моих Вы останетесь в том «сейфе», на котором надпись гласит: «самое дорогое».

Вам попала моя статья о Сознании и его собственнике, я ею был недоволен в особенности потому, что она не кончена и самое главное в ней не сказано,— впрочем, может быть, только и сумел бы это «самое главное» высказать. Если у Вас найдется досуг и охота, посмотрите мою статью Скептик и его душа, там есть некоторые, ценные для меня и сейчас, детали. В общем, однако, в моих статьях того времени есть одно, что мне очень не нравится — даже раздражает меня порой,— это их самонадеянный тон. Глядя ретроспективно, я удивляюсь его неуместности и несвоевременности,— но отвлекитесь от него и, как Вы умеете, обратите внимание только на существенное. А если (просить еще было

можно?) мне хотелось бы, чтобы Вы прочли мою статью о Герцене,— сейчас я бы начал с того, чем кончалась тогда моя речь — с последней ее фразы!

Возможность выхода в свет Ваших мемуаров волновала меня всегда, теперь — еще больше! Конечно же, это — самое главное, что Вам осталось сделать, и манкируйте чем угодно, только не этим! О, как бы хотелось мне Вас понукать и понукать и, если нужно, бранить... но только не прежним тоном... Нет! нет! Кто, кроме Вас, может это сделать? А как это безмерно важно, нужно! Меня лично это особенно волнует, потому что Ваша самая ответственная пора была порою моего перехода от детского бессознания к первым проблескам сознания и, как воспоминания детства окружены каким-то ореолом тайны и непонятности, так эта эпоха для меня полна волнующей неясности и какой-то еще неохваченной полноты. Объективно-исторически эта эпоха недооценена, не понята и просто неизвестна: на ее карте — больше белых пятен, чем на карте Арктики, и придет еще немало исследователей, которые будут открывать новые острова, моря, скалы и водовороты. Как бы хотелось поговорить об этом, рассказать Вам, как я ее воспринимал в своем сознательном становлении, как понимал позже и как вижу теперь! — между прочим, о судьбе Ваших мемуаров я вспоминал в изоляторе. Там попалась мне (и я прочел) книга Потоцкого о современной (после 63-го года) польской литературе; как раз в 80-ые и 90-ые годы у нас было много общего с польской культурно-общественной жизнью, и я был рад найти в этой книге некоторые мысли, совпадавшие с моими, или новые, показавшиеся мне правильными. Знаете ли Вы эту книгу (она вышла в 4-х томиках)? Она есть у меня, и, если Вы читаете по-польски, может быть, она Вас заинтересует.

От Вашей Истории театрального быта жду много развлечения и поучения, и очень, очень бы хотелось, чтобы она поскорее увидела свет, но... простите, дорогая, неделикатное напоминание... но превыше всего берегите свои силы и свое время, ибо самое главное — все-таки Ваши Воспоминания]

Получить от Вас и иметь с собою здесь какую-нибудь Кашу вещицу, конечно, было бы приятно. Снимок, о котором Вы пишете, я помню, но оригинала — к стыду своему — не знаю; но для меня такой подарок, как предмет Вашего выбора и Вашего вкуса во всяком случае, был бы дорог. Что касается Французской Антологии, то здесь опять — удивительное совпадение: еще в изоляторе я заскучал по французской лирике и как раз на днях в своем блокноте записал, чтобы в ближайшем письме просить своих выслать мне соответствующий сборник...

Хотелось написать: До свидания! — так хотелось бы Вас видеть, но надеюсь, что до свидания еще получу от Вас весточку,— но только, пожалуйста, не отнимайте для этого время от своей большой работы: я знаю, что Вы меня помните, знаю Ваши чувства ко мне, и это одно уже доставляет мне радость.

Всею душою Ваш Г. Шпет.

Прошу передать мой сердечный привет Вашей прекрасной дочери,— я мало знаю ее, но вижу перед собою, как живые, ее внимательные, мягко-проникающие глаза.

№ 13. Л. Г. Шпет

Енисейск, ул. Иофе, 12.

935 IX 13.

Золотой мой Норушок, мы находимся в такой же неопределенности, как и ты: то готовим отъезд Н. К., то откладываем по разным причинам. Думал, что наше свидание вот-вот состоится, и откладывал ответ на твои письма, а, вот, берусь за перо! Впрочем, это все-таки не письма, так как увидимся скоро,— а только «справка» по поводу «Хижина дяди Тома»: сейчас у нас спешка, и я только и делаю, что пишу деловые письма и «справки».

Я считаю, что по отношению к «Хижине» радикальные переделки и изменения недопустимы: произведение своей эпохи и ее отражает, невозможно искать в нем наших идей, а если их нет, вставлять от себя; книга — слишком известна, и выпустить именно полный перевод — впервые на русском языке — для нас и культурно и политически выгодно,— напротив, изменения и переделки — особенно «приспособительные» — вызовут неприятные толки в заграничной, к нам недоброжелательно настроенной прессе. Историческое место книги и ее значение для современности и для нас должно быть разъяснено в специальной статье. Для критики же и разоблачения половинчатой позиции автора книга сама дает яркий и богатый материал.

Если же издание обязано быть неполным, то единственно, что допустимо,— разумные сокращения. Этим приемом широко пользовались и дореволюционные издания, и переводчики сокращали, исходя из собственных дидактических соображений и требований цензуры. Разумные сокращения plus восстановления прежних «цензурных» пропусков сообщат в целом новый смысл и новый аромат всей книге. Сокращению подлежат, главным образом, места излишне сентиментальные (вроде, например, всей главы XXIII, Henrique) и некоторые долготы в выражении автором собственных христианских чувств. Вставки прежде выброшенного изменяют тон в двух направлениях: а)

проповедь Б. Сто¹, что основной источник зла — сам закон (понятно, что Б. Сто не думает о его революционном устранении и не понимает, что корень зла — глубже, в капиталистических и частнособственнических основах общества, где изменение закона — изменение формы, а не существа дела,— разъяснить это <...>²). <....> ее просто у нас не знают: полного перевода никогда не было. По «детским» или цензурным соображениям опускались все выпады против «законов» о рабстве и лицемерия соответствующей политики и ее представителей, а также все, что сатирически изображает христианское ханжество мнимых противников рабовладения (это настолько ярко, что собственная такая же христианская позиция Б. Сто всецело подпадает под ее сатиру); наконец, благодаря сокращениям выпячивались кротость и смирение Тома и смазывалась боевая роль Джорджа Хариса (в особенности его письмо в гл. XLIII<...><...>

1 Бичер-Стоу,— транскрипция Шпета.

2 От следующего листка остался лишь обрывок.

Все забывают, что книга была написана не для детей, и, кажется, воображают, что Б. Сто — американский Чук³ в юбке.

3 Чуковский Корней Иванович (1882-1969) — известный детский писатель, литературовед.

P. S. Не помню, писал ли я кому-нибудь, что мне нужен словарь Американского языка Займовского, — попроси, может быть, можно достать через Таню Венцель⁴. А кроме того попроси, нельзя ли найти Английские поэты в изд. Гербеля,— если до отъезда не найдется, попроси Н. Ил. взять это на себя.

4 Венцель Татьяна Ивановна (1904-1990) — лингвист, слушательница Шпета в университете, подруга старшей дочери Шпета, в доме которого часто бывала.

№ 14. Н. К. Шпет

Енисейск, ул. Иофе, 12.

935 IX 15.

Моя золотая, замечательная Натуленька, мы ушли, когда уже совсем не могли различить вас; медленно вернулись домой, и еще раз из собственного окна я увидел «Ленина», медленно тащившего баржу!.. Догадалась ли ты издали различить наш дом? Двухчасовая задержка все-таки смягчила тяжесть, но что-то жмет, жмет, давит в груди... Может быть, день, присутствие Марины, эта задержка, но я не... распустился, как после Сережи,— впрочем, тогда ты была со мною, и я мог себе позволить больше, тем более, что я знал, что в моей грусти по Сереже была для тебя доля приятности.

С Мариной я пробовал по дороге завести разговор о тебе; начал с того, что приближающаяся 23-ья годовщина нашей свадьбы — первая годовщина, что мы врозь; затем сказал насчет того, что теперь большая половина твоей жизни проведена со мною,— Марина приняла все несколько внешне, может быть занятая своими мыслями — двоящимися! — и потому я так и не договорил то, что собственно хотел сказать: мысль, которая мне часто теперь приходит в голову и которую я тебе высказывал,— мысль о том, что кто бы мог сказать о той девочке, которую я узнал 25 лет тому назад, что из нее выйдет такая замечательная женщина и жена! Дома я сразу почувствовал к Марине то чувство отъединения, которое предвидел частично: я сейчас могу думать только о тебе,— а она?.. Но мне было приятно, когда на мой вопрос, кому она сейчас напишет, она ответила, что тебе! Золотая моя, ты сегодня сказала одну вещь, правду

которой я тогда воспринял только головой, а вот сейчас чувствую всем сердцем: сейчас я больше с тобою, чем когда ты была здесь!.. Я действительно чувствую, что живу тобою!.. Мне продолжает очень и очень не нравиться тон твоего отношения к Л. Н. и в особенности его к тебе (эта вульгарная «мамка» меня просто коробит), но когда вы отъезжали, я почувствовал к нему некоторую теплоту: до Красноярска и до поезда я все-таки спокойнее за тебя. Пошел дождь, Енисей зарябил и помутнел,— хорошо, что ты теперь под кровом и, надеюсь, в тепле. На Марину дождь подействовал в сторону усиления грусти... А я сейчас на какой-то меже — держусь, потому что всей реальности твоего отъезда еще не ощущаю... Но наступит ночь, сон, утро, день... посмотрим, как будет,— хотя понимаю, что надо «держаться»... Но, вот, подумал, что наступит завтра, и мне с тобою никуда не идти, и ни о чем не говорить...

9 1 /2 часов, мы поужинали, ветер бушует, как при тебе ни разу не было!

11 часов — Енисей сердится на твой отъезд: разбунтовался и рокочет. Марина говорит, что ей это очень напоминает море в Коктебеле; даже при закрытых окнах слышно. Как-то тебе ехать?

Твоя круглая карточка уже поставлена около чернильницы, а новая, как ты хотела, вставлена (за вычетом меня) к Марго.

Моя золотая, золотая, бесценная, любимая, и еще одно ты сказала правильно: мне немного осталось жить, так не лучше ли бросить все хлопоты и заботы и жить хотя бы в тундре, но быть с тобою, ведь быть с тобою вдвоем, забыв все на свете, было мечтою самой розовой моей любви к тебе! И все мои Шекспиры останутся с нами и любовь детей!

Обнимаю, целую, тоскую, но живу тобою,— и от этого я крепче и сильнее!

Твой.

Целуй всех, моя умница, в соответствии с тем, как я бы сам это сделал!

№ 15. Л. Я. Гуревич

Енисейск, ул. Иофе, 12.

935 IX 18.

Дорогая милая Любовь Яковлевна, наверное, Вы уже получили мой ответ, переданный мною через жену; сейчас пишу только, чтобы поблагодарить Вас за драгоценный подарок, который Вы мне сделали. И само издание — очень приятное. Я уже заглядывал понемножку; много приятных знакомцев, но, пожалуй, еще больше незнакомых или малознакомых авторов. Недостаток такого рода изданий: когда найдешь что-нибудь очень приятное,— все равно, у знакомого или незнакомого поэта,— хочется его же в большей пропорции... Во всяком случае уверен, что книжечки скрасят мне здесь немало часов,— тем более, что братья за них буду с самыми теплыми воспоминаниями о Вас.

Кажется, не принято полемизировать с посвящениями, но я предпочел бы прочесть, что это — привет не от одного «из многочисленных» друзей, а от одного из «немногих» — так близких, как хотелось бы!

Преданный Вам Г. Шпет.

№ 16. Н. К. Шпет

Енисейск, ул. Иофе, 12.

935 IX 19.

Золотая моя, денек еще лучше предыдущих: светло и тепло,— я ходил в город без пальто; ты, наверное, куда-нибудь повлекла бы, а у нас инициативы никакой. В такие дни по тебе скучаю еще больше; впрочем, в дурную погоду тоже кажется, что скучаю «еще больше»... У зубного был, но у него кто-то уже сверлился, и отложили на завтра. Мой новый приятель — не такой любитель куроводства, следовательно, хозяйствен, но еще и семействен очень, а может быть, это именно из яйца вылупился младенец,— «наведайтесь» третьего. А лампы нет, как будто никогда и не было.

Закат сегодня превзошел все прежние: самый запад — раскаленный пурпур, к северу переходит в матово-пурпурный, пока не замирает в молочно-пурпурном; особенно красиво было — чего раньше не бывало — ближний мыс как будто дымкой был заволочен или покрылся патиной...

Дина Минеевна¹ мягка и мила; новая комбинация (вероятно, мужа): вместо перестановки гардеробов (из комнаты в комнату, как я предлагал) нам предлагается взять шкаф для посуды из кухни, куда будет переставлен буфет из «салона», а на место последнего — гардероб, который стоит у меня. Я выразил полное согласие. Встретил Тамару Петровну², извинился, но все благополучно, они переехали к Леонтьевым. Она спрашивала, не соглашусь ли я давать уроки английского ей; я сказал, что спрошу тебя, так как она тебе нравится!

1 Гершевич Дина Минеевна (1901-1986) — квартирная хозяйка, ее муж — Гершевич Напел Семенович (1897-1944).

2 Ссылная.

Чем более думаю об Омске, тем становлюсь скептически; уверен, что вследствие его относительной близости это помешает твоим дальнейшим планам,— прекрасный предлог для того, чтобы их отложить. Во всяком случае, только если будешь совершенно твердо уверена, что ничему дальнейшему не помешает, принимай предложение и переезжай.

Маринаша очень старается (немножко пересаливает с кофе, строго блюдя твое распоряжение, ни за что не даст лишнего стакана!) и мила, но у нее забавное противоречие,— я его и раньше видел, но оно так не формулировалось: быстрые умственные и эмоциональные реакции при замедленных двигательных.

Целую и целую.

Твой.

Мне кажется так: если Леля³ категорически откажет тебе в помощи, скажет, что сейчас он ничего сделать не может, тогда приезжай в Енисейск.

3 Милевский Григорий Моисеевич (1889-1939) — заместитель прокурора СССР в 1934-1939. Старался помочь (Листу и консультировал; «Леля» — заочное конспиративное прозвище. Незаконно репрессирован; реабилитирован посмертно.

№ 17. С. Г. Шпету

Енисейск, ул. Иофе, 12.

935 IX 22.

Золотой мой мальчик, давно я тебе не писал, но не думай, что я забыл тебя или что мои чувства остыли. Но сперва к маминному отъезду нужно было написать много важных и длинных писем; затем отъезд, волнение после него и восстановление запущенной переписки. Но, впрочем, нужно еще добавить: от тебя я получаю так

мало, что поневоле и сам начинаю писать меньше. От тебя получил всего три коротеньких письмеца, и притом последнее — 16/IX, т. е. 8 дней уже ничего от тебя нет! А ведь ты обещал мне подробно писать о школе и о всех своих делах.

О внешних фактах буду теперь писать меньше, потому что их будешь узнавать из писем к маме. Пока отвечу на твои письма. Ты пишешь, что, когда ты прочел мое первое письмо, тебе было «печально» и что там было для тебя «много нового», но почему мое письмо вызвало в тебе печаль и что нового ты нашел в нем,— об этом ты молчишь. Отчего? Ведь это мне как раз интересно! Телеграмму о фотографии вы в Красноярске получили, но там было пропущено одно слово и вы ее не поняли; но, вот, ты уже давно в Москве,— а где же твой снимок?.. Думать о «конце» для меня, конечно, не преждевременно; и хотя это еще — не физический конец, но это — начало его, и, боюсь, его отрицательное влияние тебе еще придется испытать; не относись к этому легко.

За «правду» насчет курения, конечно, не осуждаю; за «лукавство» — не слишком; а по существу: что же тут поделаешь? Все, кто уже втянулся в курение, жалеют об этом и проповедуют некурение, но, видимо, так же мало как они сами в состоянии отказаться от курения, мало действует и их жалость и проповедь на начинающих курильщиков. Остается только пожалеть, что ты так рано начал курить,— во всяком случае, видимо, задолго до 16 лет? ибо для начинающего пачка на три дня — очень много.

Напиши мне поподробнее, как ты смотришь на Л., каким он тебе представляется и каковы твои личные отношения с ним.

Всем, кто меня вспоминает, передавай привет. Пиши почаще и побольше.

Крепко тебя люблю и обнимаю.

Твой пап.

№ 18. С. Г. Шпету

Енисейск, ул. Иофе, 12.

935 X 3.

Дорогой мой Сергунок, сегодня получил от тебя № 3; я очень, очень рад, что ты стал писать немножко чаще. У нас огромные перемены: новые виды и перспективы благодаря тому, что листья с деревьев слетели и стоят голые метлы, многочисленные огороды, которые ты видел на пустырях, сняты, и вместе с овощами сняты и всякие загородки, прутья, плетни и пр.; не снято только, где

— дощатые заборы. Пустыри зияют, как пустые десны у стариков, растерявших зубы! Заметнее всего углы улицы, которые теперь не обходятся под углом, а <неразборчиво> все прямо по диагонали бывшего огорода. В домах вставляются вторые рамы, и домики (с подсыпанными завалинками) принимают, даже с внешней стороны, более компактный вид. Енисей мелеет: остров, который мы объезжали, с дальней стороны каким-то полулунием соединился с берегом, очень распух в ширину, а с ближнего ко мне конца вытянулся и тянется дальше на соединение с островком, который образовался прямо против моего окна, виден даже пережат, который вот, вот обнажится и свяжет все в одну массу, покрытую сплошной галькой.

Письмо с газетной вырезкой получил. Мне нравится фасон, изображенный посередине,— я бы сам с удовольствием надел такую курточку (у меня и была, если помнишь; потом ее заносил Володя Зилоти.¹) Как раз сегодня я заглядывал в словарик морских терминов,

который ты переписывал,— там очень хороший и спокойный почерк (и ошибок не было!), а письма ты пишешь (особенно открытки) как-то уж очень по-бабушкиному!.. Кстати, что такое «тали», и можно ли на них плыть, например, после кораблекрушения?

1 Зилоти Владимир Ильич (1904-1941) — двоюродный брат жены Шпета.

Болезни твои мне, конечно, не нравятся, но сын мой — даже «калека»! — останется мне мил и столь же любим!

Да, вот что, Сергунок, сделай новый список томов Толстого, который у тебя стоит, и постарайся выбрать время получить недостающие тома, вышедшие за последнее время,— должно быть два или три.

Сереже Шт.² передай мой сердечный привет и рукопожатие! Скажи ему, что мне хотелось бы подружиться с ним, как дружит вся семья, и что, я надеюсь, это состоится когда-нибудь.

2 Шторх Сергей Александрович (1904-1938) — друг детства мужа Маргариты. После ареста Шпета жил в его семье. Позднее муж Марины.

Передай привет от меня Вале³, Антону Никол.⁴ и Воронину⁵ (все забываю, как его зовут). Целую тебя крепко и люблю неизменно.

3 Домашняя работница; устроившись в то время на работу, осталась жить в доме Шпета, помогая по хозяйству.

4 Шерангович Антон Николаевич — дворник дома в Брюсовском пер.

5 Ночной сторож этого же дома, как тогда говорили — «швейцар».

Отец.

№ 19. С. Г. Шпету

Енисейск, ул. Иофе, 12.

935 X 18.

Дорогой мой Сереженька, хотя я немного и запустил переписку с тобою, но все-таки ты меня далеко еще не догнал: у меня всего 5 твоих «записочек», а я тебе одних номеров вдвое больше поставил. Надеюсь, мама прочитывает тебе из моих писем все, что тебя может интересовать, и повторять мне тебе наши новости незачем. Надеюсь, между прочим, ты позабавился приключениями «Ленина». «Штермана» все нет, хотя ждут со дня на день. Сегодня очень забавно было наблюдать мальчишек, которые носились на коньках между берегом и островом — где мы проезжали на лодке, а Енисей течет чистый и гладкий, как ни в чем не бывало.

Из маминого письма вдруг сообразил, что кончается твоя первая четверть, а я так ничего и не знаю: кто тебя спрашивал, когда, как ты отвечал и как вообще справляешься с уроками и как в частности по отдельным предметам? Очень бы хотелось, чтобы все сошло благополучно и чтобы ты сразу себя поставил на правильное и прочное место. А у тебя нет такого чувства, что именно теперь, при создавшейся ситуации тебе надо занять в школе очень выдающееся место?.. Чтобы можно было сказать: вот какой у него (у меня) сын!.. Ну, как бы ни было, напиши о школе и своих успехах поподробнее.

Открытку с рисуночками получил, но надпись на марке заметил только после твоего указания.

Когда же ты сдвинешься со своих декабристов? А Богучарского ты все прочел? — там ведь много интересного.

За «Пиквика» я уже благодарил; твой подарок мне и приятен, и дорог.

Если перо тебе подошло, оставь эту мою ручку себе,— может, оно поможет тебе писать не с такими отчаянными пропусками букв и слогов... Не знаю, как быть с Мариной,— японская ручка ей нравится, а перо не подходит,— может быть, Тане подойдет?

Привет Вале, Антону Николаевичу и Фролу Васильевичу¹. Как учится Коля Шерангович²? С кем ты теперь дружишь и с кем чаще выдаешься? Кто бывает у тебя, и где ты бываешь?

1 Не установлено. Возможно, сторож Воронин.

2 Шерангович Коля — сын Антона Николаевича, друг и сверстник Сергея

Привет сердечный Сереже Шторху!.. Крепко целую моего славного мальчика и люблю.

Твой пап.

№ 20. М. Г. Поливановой

Енисейск, ул. Иофе, 12.

935 X 28.

Золотая Маргуша, получил от тебя 28/X письмо со штемпелем Москвы 22/IX; а 23/X — от 11/X; но пока не отвечаю на эти письма, а экстренная к тебе — и совершенно секретная просьба. В посылочке, которую ты получишь одновременно с этим, кроме двух книжек тебе и крыла Сороки (догадайся, почему тебе: эту сороку при нас заклевали вороны) и хламу для моих внуков, а твоих деток, найдешь маленький сверток, перевязанный голубой ленточкой поперек слова «Красноярск» (если развернешь, то сложи точно так же); отдай этот сверток — так, чтобы никто не знал и не видел — моей Татьянке.

Целую тебя, мою любимую девочку, и моих любимых внучат. Коту¹ — сердечный привет.

1 Поливанов Константин Михайлович (1904-1983) — муж Маргариты, тогда начинающий ученый-электротехник. Позднее профессор МЭИ.

Твой.

№ 21. С. Г. Шпету

Енисейск, ул. Иофе, 12. 935 XI 1.

Дорогой мой Сереженька, теперь я оказался у тебя в письменном долгу, хотя, правда, только на небольшой срок, потому что если считать общую сумму моих и твоих писем, то перевес все еще на моей стороне.

Твоего образа «гроб без музыки», как я, кажется, писал, я не улавливаю, потому что в своем жизненном опыте не встречал «гроб с музыкой»; следовательно «гроб без музыки» — самый обыкновенный, ординарный гроб... Это, конечно, не лестная характеристика для преподавателя, но чем он заслужил ее, ты не написал.

У тебя все, по письмам выходит, что в школе «ничего» нет и ничего не происходит. Но вот уже четверть кончилась,— неужели тебя никто не спрашивал, и ты никак не отличился — ни в хорошую, ни в дурную сторону?

Жаль, что ты не написал своего мнения о Базарове подробнее. Читал ли ты, между прочим, статью Писарева о нем? На меня, когда мне было лет 14, Базаров произвел сильное впечатление. Это был в моей жизни период, когда детские конкретные идеалы,— то есть увлечение каким-нибудь живым лицом, сверстником или старшим, и подражание ему,— сменяются рефлексивным идеалом, созданным по книжкам, например, литературных типов и исторических лиц. Ну, так вот, Базаров одно время был

для меня таким «идеалом». Повредило мне только в одном отношении: оттолкнуло на время от искусства, поэзии, красот природы и в таком роде. Зато дало и большой плюс: внушило некоторый жизненный аскетизм, стремление обходиться малым, а главное — «воздержание», вследствие которого, например, я не курил, когда все товарищи курили, а еще важнее — целомудрие (я стал относиться к женщинам, изгоняя в себе всякую похотливую мысль), которое поэтому мне и удалось сохранить до совершенно взрослых лет. Правда, это увлечение способствовало «напусканию» на себя внешней грубости (манер и обращения), но это, вероятно, было бы и без Базарова, потому что это болезнь возраста, и все мы, независимо от литературных типов, умеем выбрать себе образец грубости среди живых взрослых... Ты пишешь, что в школе нет теперь для тебя ничего интересного, да и не может быть при данном составе преподавателей (за исключением математички), — но разве нельзя чем-нибудь заинтересоваться и помимо преподавателей? Я очень увлекался именно в школе астрономией, а этого предмета (если не считать одного жалкого часа в 8 классе по космографии) у нас вовсе не было. А с другой стороны у тебя есть общие интересы с Палом¹. Напиши более положительно и определенно, чем ты сейчас увлекаешься, что тебя интересует. Мне это очень хотелось бы знать, чтобы быть ближе к тебе, особенно, если у нас найдется общий предмет интереса.

1 Школьный товарищ Сергея

Карточке я очень обрадовался, хотя она, действительно, неудачная, и, потому, снимись еще раз. Особенно мне не понравилась прическа, может быть она и лучше, и удобнее, но к ней надо привыкнуть, а я, когда мысленно представляю тебя, представляю, конечно, как привык видеть тебя причесанным на пробор. К живому,

разумеется, было бы легче привыкнуть и скорее, чем к карточке.

Последнее твое письмо — большое и содержательное; тут много интересного, и я рад, что ты откровенен со мною; кое-что мне прояснилось. Но свое мнение о Л. ты сосредоточил только на его писательском аспекте, а мне хотелось бы больше узнать, как ты его воспринимаешь просто как человека, друга и вообще в этом порядке. Замечу только вообще по поводу людей, что «иметь 25000 или 100 рублей все равно через пять минут не будет ни копейки», — если все равно, то почему же они стремятся именно к 25000, а не довольствуются 100 рублями? И в погоне за этими 25000 «халтурят» и т. п.!

(Кстати, не пиши «сформулировать» — правильно сказать просто «формулировать»; надо избегать связывать русские приставки с иностранными словами, — сформулировать, проформулировать, прорезюмировать и т. п. не слова, а ублюдки, «помеси», и они не нужны. Соответствующие слова и без приставок выражают то, что нужно.)

Ты абсолютно прав, что мальчики 14-16 лет понимают больше, чем это иногда кажется взрослым. И это «кажется» тем более странно, что каждый взрослый ведь прошел этот период и должен знать и помнить собственную психологию. Но, видимо, тут сказывается разница перспектив: личный жизненный опыт взрослого меняет для него картину его бывшего восприятия, а с другой стороны «понимание» мальчика или юноши более отвлеченно, более теоретическое, поскольку за его спиной нет этого личного опыта. К этому еще надо добавить, что возраст этого начинающегося понимания жизни есть вместе с тем возраст ухода юноши в самого себя, а тем самым и отчуждения от других, в особенности от тех, с кем он был близок до этого переходного момента от «детскости» к «взрослости»; ибо кроме

действительного «непонимания» со стороны этих близких (или «бывших» близких) есть еще и преувеличение этого непонимания со стороны самого взрослеющего. Наконец, надо принять во внимание и то, что момент перехода уловить бывает очень трудно — он происходит не по календарю — и, вот, оказывается, люди, недавно близкие, становятся далекими, а близким делается какой-нибудь случайный встречный или мимо проходящий (иногда, увы, даже просто проходимец!). Иногда это отчуждение некогда близких бывает очень длительным; обе стороны уже жаждут нового сближения, а жизнь так разорвет, что оно и не последует — останутся одни большие раны с обеих сторон... И «проходимец» провалится, а разрыв всю жизнь зияет!

Очень бы мне хотелось, чтобы у нас с тобой не было разрыва, чтобы это лето и наша переписка, наоборот, послужили началом нашему большему пониманию друг друга и нашей более интимной дружбе. Очень, очень мне этого хочется, дорогой мой сын. А тебе? Люблю и обнимаю.

Твой отец.

№ 22. И. В. Сталину

<Енисейск, между 6 и 30 ноября 1935.>

Глубокоуважаемый И<осиф> В<иссарионович>! Какое право имею я беспокоить Вас и рассчитывать на В<аше> внимание? — Это право дают мне, во-первых, глубокая уверенность в том, что для Вас не безразлична судьба даже самого скромного работника, силы и воля к<о>т<о>р<о>го могут служить делу социалистич<еского> строит<ельства>, и, во-вторых, искреннее убеждение, что мои знания и способности могут быть приложены к делу нашего строительства. С другой стороны, считаю долгом заявить, что, как убежденный сторонник социализма и

верный сов<етский> гражданин, я отдаю себе отчет и в тех обязательствах, которые я беру на себя, обращаясь с просьбой о помощи лично к Вам, и я не осмелился бы на такое обращение, если бы не был проникнут искренним желанием выполнить эти обязательства.

Я — б<ывший> проф<ессор> М<осковского> ун<иверситета> и т. д.

<...>¹ г. Ен<исей>ск.

1 Сохранились лишь дополнения к письму, сделанные рукой Леноры на полях перевода поэмы А. Теннисона «Энох Арден». Вероятно, письмо отправлено не было.

Жестокость приговора усугубляется тем, что постигшая меня кара распространилась и на мою семью: одна из моих дочерей², бывшая ударницей и премированная грамотой, уволена со службы. Вторая моя дочь, окончившая в этом году десятилетку, не была допущена к приемным испытаниям в ун<иверсите>т, и, наконец, жене отказывают в приеме на службу.

2 Татьяна.

<...>

Но если даже это не будет работа в наиболее дорогой для меня области издания советск<ого> Шексп<ира>, все же по моим специальностям и для осуществления других моих планов (в частности, подготовки труда по истории Моск<овского> Худ<ожественного> Т<еат>ра, которой хотел бы придать масштабы европейского значения,— как части истории всего русского и европейского театров) — мне необходимо постоянное соприкосновение с московскими книгохранилищами и архивами, не говоря уже о том, что по состоянию здоровья наиболее успешно я могу работать только в обстановке семьи. Если же по соображениям органов НКВД мое пребывание в городе

Москве может оказаться нежелательным, я все-таки ходатайствовал бы о моск<овском> пасп<орте>, чтобы иметь возможность беспрепятственно пользоваться московскими книгохранилищами, местом же постоянного пребывания я мог бы избрать какое-нибудь поселение поблизости от М<осквы>.

Подпись.

P. S.

Наиболее компетентную оценку моей работы по Шексп<иру> мог бы дать мой соредактор, проф. А. А. Смирн<ов>³, детально знающий мое участие в каждом слове, каждой запятой нового перевода. Я мог бы сослаться также на отзывы опытных переводчиков (таких как Кузьмин, Румер 4 и др.), работы к<о>т<о>р<ых> были подвергнуты мною жестокой правке (хотя я знаю, что среди переводчиков и критиков есть и недовольные моей будто бы сверхфилологической точностью). Наконец, что касается оценки мой работы не <со> стороны научной строгости, а со стороны требований художественности, я мог бы сослаться на отзывы знакомых с моей работой поэтов, как тот же Кузьмин, Пастернак, Антокольский и др.⁵

3 Смирнов Александр Александрович (1883-1962).

4 Кузьмин (правильно: Кузмин) Михаил Алексеевич (1872-1936). Румер Осип Борисович (1883-1954).

5 Пастернак Борис Леонидович (1890-1960); впоследствии внучка Шпета (дочь Леноры) вышла замуж за сына Пастернака. Антокольский Павел Григорьевич (1896-1978).

! Конец !

№ 23. Л. Г. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 17.

Мой Норик, моя славная, добрая девочка! С первого же дня твоего отъезда хотелось тебе написать, как пусто и грустно стало без тебя и как согревало меня твое присутствие, но, по обыкновению моему, все вылилось в «воображаемые» письма, и боюсь, что даже это письмо не попадет уже к твоему дню, как мне хотелось бы. Кажется, это первый раз, что в этот день я не с тобою и не побываю у тебя, но тем серьезнее я принимаю этот день и тем больше мне хотелось бы, чтобы тебе в этот день было хорошо и так же любовно, как будет в моем сердце по отношению к тебе!

Когда ты уехала, мы с Мариной думали вместе, что все-таки нам лучше — мы остались вдвоем, а ты, бедная, и дальше должна мыкаться по темным и грязным углам деревянной коробки среди чужих, не умеющих в вагоне устроиться ни уютно, ни комфортабельно, ибо им всегда представляется, что сосед что-то у них отнимает. А со следующего дня нам стало казаться, что ты вовсе не уехала, просто вышла из дому, и — как бывало в Енисейске — ты задержалась и долго не возвращаешься... Знаешь, и это чувство немного мешало взяться за перо и написать тебе...

Твое письмо было таким нежным, что даже стекла моих очков стали обнаруживать то невероятное свойство, которое — помнишь, в сказке — солдат заставлял медведя открывать в куске камня...

Описание новосибирского твоего бытия порадовало меня: наконец ты немного отдохнула. А ведь, небось, сразу пришлось погрузиться в омут неотложных или мнимо-неотложных дел!

Сегодня мы получили письмо от Гершевичей, извещающее о прибытии дохи и пр. Пишут все трое, и все трое — трогательны; тебе приветы; Дина просит у всех нас «на память вотографии». Мне нравится их письмо, и я

перешлю его Н. К., как только мы ответим,— попроси у нее прочесть.

Когда ты уехала,— я еще не мог уйти от чувства, которое появилось еще на вокзале: так много хотелось сказать во время нашей совместной жизни и так мало удалось. Правда, ведь и были-то мы вместе всего одну минутку, так, по крайней мере, мне кажется теперь... А, впрочем, так ли уж нужно говорить, когда и без того все чувства — наружу? Жалею только, что не поговорил об одном, о чем услышать от тебя мне хотелось во всей искренности и непосредственности твоего отношения ко мне. Дело в том, что, когда я затеял вовлечь в празднование 30-го ноября¹ Маргариточку и начал при тебе излагать свой план (с кружевом), я, вдруг, почувствовал, что по отношению к Марго я делаю «гаф»², и тут же я переменял решение: Марго была вовлечена только косвенно, а активная роль перешла к Тане. Но, знаешь ли, я все-таки не чувствовал, что я совершаю «гаф» и по отношению к тебе! Откуда эта разница? От того ли она, что Маргарита менее «терпима», или от того, что ты, как мне кажется, раньше «приняла» Н. К., чем это сделала Марго, или еще по каким причинам, которые тебе, может быть, легче найти и назвать, чем мне, но так мне чувствовалось, и ты меня не «стесняла». Как я тебе благодарен за это, твое чуткое сердечко понимает без моих изъяснений. Признаюсь, что меня поразило и как упрек укололо, когда потом Марго писала, что она не была 30-го у Н. К. потому, что я хотел, чтобы были только «самые близкие»,— конечно, как упрек, потому что я мог бы тебе показать не меньше десятка писем, в которых Н. К. пишет, что самым близким ей человеком стала Марго,— никто так много ей не дает и никто так не облегчает и не помогает ей. Выходит, что, может быть, я по отношению к Марго не прав, и все мои мысли о «гафе» — надуманы, а мое первое непосредственное движение было правильнее. С Марго мне тоже хотелось бы поговорить об этом; но

сейчас прошу тебя со всей искренностью написать мне, как ты относишься к Н, К., как ее понимаешь и расцениваешь (а если будет время и охота, то расскажи и «историю» своего отношения к ней).

1 Описка. 30 октября 1913 по ст. ст., или 12 ноября по н. ст. — день свадьбы Шпета с Наталией Константиновной.

2 Gaffe (фр.) — оплошность.

Итак, поздравляю тебя, моя славная, моя любимая, моя драгоценная девочка.

Целую тебя крепко и нежно.

Твой отец.

Маме сердечный привет! Маргусеньку расцелуй, скажи, что ей написано много воображаемых писем, но скоро будет и реальное! Приветствуй Левушку Бачинского³, да и других, кому это может быть приятно.

3 Бачинский Лев Алексеевич — друг Л споры, сын физика Алексея Иосифовича Бачинского, друга Шпета с юности.

№ 24. Л. Г. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 III 12.

Мой драгоценный Норик, со дня на день, со дня на день я откладывал написать тебе и каждый день вспоминал тебя и думал о тебе. Сейчас заглянул в свою письменную бухгалтерию и ужаснулся: самому не верится; может быть, я просто забыл отметить, но запись упрекает: я написал тебе только в начале января! Как не соответствует количество того, что я передумал, проявлению! До сих пор я не поблагодарил даже за телеграмму, которую ты с Марго послали мне в бабушкину годовщину¹. Вы знали, как мне приятна ваша

память о ней; и вы еще раз вызвали во мне прилив тепла и нежности к вам.

1- 31 января 1932 — день смерти матери Шпета — Марцелины Иосифовны.

Жизнь моя тянется однообразно, день похож на день, как вот перед моим окном,— левая сторона снежного сугроба — на правую. И тем не менее время не тянется, а летит,— стоит минуту дню, и он сжимается в какую-то точку, которая укладывается бесконечно близко к предыдущей и отодвигается в прошлое. А все здешнее прошлое представляется только вчерашним, и не меняется чувство, что ты уехала только вчера. Рисую себе в воображении твой занятый день — и других мне близких и дорогих, особенно Маргусеньку с ее бедствиями,— вижу пустыню своих дней, но, видимо, одно созерцание вашей занятости отнимает у меня столько времени, сколько отнимает у вас .ваша работа, заботы и суета. Так, не успеваю оглянуться, и уже дня как не бывало, а там и вечера. Должно быть, и старческие реакции мои идут замедленно, тогда как часовые механизмы бегут с прежней условной равномерностью. Тут я сидел все время над Шекспиром; были у меня некоторые замыслы, которые казались осуществимыми; они рухнули, и я еще не «определился», не знаю, чем займу свои дни (если заинтересуешься подробностями о Шекспире, спроси у Н. К.). Сейчас у меня с Брюсовским² столько волнений, что сколько-нибудь постоянно ничем не могу заняться; не могу даже решить вопроса о «планах».

2 Переулок в Москве, где с 1928 до ареста жил Шпет (теперь ул. Неждановой). Имеется в виду Наталия Константиновна с семьей.

В одном из писем ты писала по поводу 13/1³,— что этот день — не твой, а мой. Не знаю, имела ли ты в виду этот год,— и, вернее, в другом смысле, чем ты, но, знаешь, я

всегда чувствовал этот день своим,— больше, чем кого-либо из других моих детей. Даже мой собственный день я не чувствовал настолько своим, как твой; только изредка мой день был мне приятен ласковостью и вниманием других, но это я воспринимал, как «случайность». Твой же день я неизменно чувствовал и всегда ощущал, как ненормальность, что «посредине» куда-то уйду: то потому, что куда-то еще приглашен, как будто это важнее непосредственного желания, то потому, что не хотел смущать твоих молодых друзей. А теперь — как бы хотелось установить другую «традицию»... И, конечно, ты была бы права, если бы прислала мне поздравительную телеграмму, моя драгоценная дочка!

3- 13 января — день рождения Леноры.

То, что ты написала о 12/XI, мне доставило много удовлетворения. И самый этот день ты мне украсила и так устроила, что ни поведением своим, ни настроением не напомнила, что для тебя есть в нем еще другая, обратная сторона. И то, что ты написала по этому поводу о своих думах и чувствах,— включая и твои *scruples*⁴, — то самое, что мне хотелось бы, чтобы ты написала, моя славная, чуткая, нежная девочка! Но ты мне пообещала еще написать о Н. К. и о своем отношении к ней, и я буду ждать. В сравнении себя с Марго ты отдаешь предпочтение цельности и непосредственных реакций по чувству. Не применительно только к данному случаю, но вообще я говорю. Да и «цельность», и непосредственность нас часто пленяют, как пленяет вдруг рождающийся поэтический образ, которому не предшествовала никакая рефлексия. И все же поэтические образы приобретают неминуемую ценность, когда они подверглись критике и оформлению. То же относится и к актам поведения.

4- Щепетильности (фр.).

А вот, ты меня и поймала за уши! Почему я Левушке Бачинскому привет прислал, а про Володю забыл?.. Потому, конечно, что Володю я чувствую непосредственно! — более близким себе, чем Левушку. «Однако» я этого не «оформил»... *Mea ipisissima culpa*⁵!

5- Моя подлинная вина (лат.).

Очень позабавило меня, Норушок, то, что ты писала о П. М.⁶ и других, требовавших, чтобы мы с тобою и в Енисейске непрерывно были умными. Ты бы пояснила им, что они сами такие умные только потому, что время от времени отдыхают от своей умности, устраивают себе каникулы, отпуска, дома отдыха и пр. Вот и я теперь, через 30 лет по окончании университета впервые задумал устроить себе отдых; так как мне, подобно другим умникам, полагается в год *in summa* не меньше 4-х месяцев отдыха, то я имею право теперь думать не об умном $30 \cdot 4 = 120$ месяцев, — чем я и воспользовался, и жил с тобою, если и не умно, то приятно.

6- Якобсон Павел Максимович — ученик Шпета, был в дружбе с Ленорой.

Как меня беспокоит Маргусенька с детками, и сказать не могу. Сам я как-то сопоставил ее с моей бедной тетей Ганусей⁷, и теперь пугает меня это сопоставление...

7- Шпет Анна Иосифовна — младшая сестра матери Шпета. Красивая, энергичная. Пользовалась большим успехом. Ее именем назван сорт слив — «Анна Шпет». Вышла замуж за вдовца с детьми и родила еще несколько детей. Прожила тяжелую жизнь.

За карточки спасибо. Они не великолепны, но и не так уж плохи. Кошечка маленькая — очаровательна, а старуха как будто посматривает сюда из другого лагеря.

Что же Лузин не получил твоего письма из Енисейска, где мы столько насочиняли о моем интересе к математике?

Здесь послезавтра какой-то Воронов читает доклад об «Аддитивном свойстве чисел»; это как раз тема, которая меня интересует, хочу пойти, но этой фамилии среди названных Лузиным нет.

Передай сердечные приветы маме и Володе, П. М-чу, Левушке Бачинскому и другим, кому нужно раздавай мои приветы по своему усмотрению; не забудь при этом Софьи Николаевны⁸, которой передай что-нибудь особенно ей приятное. Наташа Сац⁹ — конфекта! Ты теперь, я вижу, с ней дружишь.

8- Луначарская Софья Николаевна — близкая родственница А. В. Луначарского,— друзья Шпета по Киеву.

9- Сац Наталия Ильинична (1903-1993) — режиссер, до 1936 директор и художественный руководитель Московского театра для детей. Позднее организатор и руководитель Музыкального детского театра.

Целую тебя, моя милая девочка! Когда же увидимся?

Твой отец.

Популяризируй идею о высоких качествах табаку «Ялта», которого здесь достать нельзя!, (а где можно достать, спроси у Н. К.).

Норик, а почему ты решила не прописываться в Брюсовский?.. Неудобно?

№ 25. С. Г. Шпету

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 III 27.

Мой милый, дорогой мой Сереженька, поздравляю тебя с Твоим днем^{1!} Грустно тебе, наверное, что на этот день я отнял у тебя маму,— первый раз ты проводишь его без нее... Но, дорогой мой, зато я в прошлом году и твой, и свой день провел без нее, а в этом — опять мой день

пройдет без многих, кто так дорог мне, в том числе и без тебя, одного из самых мне дорогих человечков!

1- 2 апреля — день именин Сергея.

Хотелось бы мне сегодня подарить тебе что-нибудь особенно для тебя приятное, но не знаю, что тебе сейчас нужно, что хочется иметь и что интересует,— при твоей скупости на письма ко мне я не ориентируюсь в этих делах... Обязуюсь компенсировать, как только ты прольешь на эти вопросы хотя бы немного света. В залог посылаю маленькую книжечку, которую прочел даже с редким увлечением, не отрываясь, залпом. Если у тебя есть какое-нибудь определенное желание, выскажи, я постараюсь исполнить.

Нежно люблю тебя и крепко целую.

Твой Па.

№ 26. С. Г. Шпету

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 IV 19.

Дорогой мой Сереженька, теперь я стал твоим должником: пока была мама здесь, не писал, а от тебя получил несколько записочек!

Очень благодарю тебя за подарок ко дню рождения: вполне угодил! Здесь гильзы можно достать только очень тоненькие, а зато машинки для набивания — средние; так что если бы ты не прислал и машинку, было бы трудно управиться. Сережу Шторха очень благодарю за трубочный табак,— очень хорош; и хотя сам по себе он несколько прян, но в смеси со «Сфинксом» получается превосходно.

Я рад, что книжечка о глисте тебе понравилась. Начало, действительно, размазано и глупо риторическое; господин профессор, вероятно, думал, что это — остроумно и изящно. Но чем ближе он к делу, тем, в самом деле, интереснее и содержательнее; наиболее интересны — последние главы, и жаль, что они так кратки. Конечно, поищу для тебя что-нибудь более значительное в подарок, но лучше бы, если бы ты подсказал, что тебе теперь хотелось бы иметь.

Очень надеюсь, что эта четверть у тебя сойдет вполне благополучно и исправит предыдущие. Во всяком случае, очень прошу тебя об этом и уверен, что выполнение моей просьбы зависит от одного только твоего желания. С нетерпением жду конца этой четверти, чтобы обнять тебя, моего дорогого, побродить с тобою — здесь есть, куда пойти,— и поболтать. Надеюсь, что одной из тем наших бесед будет продолжение разговора, который у тебя завязался с Сережей Шторхом о профессии (раз требуют, пиши уж лучше «профессии», но только не «проффесии», как ты пока пишешь!). Твой подбор мне не очень ясен: не вижу, что объединяет эти пять заголовков. Но этим не смущайся,— все мы до последнего момента колеблемся, иногда между прямыми противоположностями. Наиболее неожиданно для меня в этом списке первое же наименование: археолог. Я не уверен, что ты ясно представляешь себе, что скрывается за этим словом, быть археологом «вообще»; надо ближе определить интересующие тебя культуру, народ, место. Но об этом, конечно, поговорим, как и о прочем.

Не сваливай все на маму, а пиши мне и сам, хотя бы приписки к ее письмам.

Крепко тебя обнимаю и желаю всяческих успехов. Привет Антону Николаевичу и Воронину (имя и отчество которого опять забыл).

Твой Па.

№> 27. Н. К. и М. Г. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 IV 19.

Золотая моя Натуля, день без вас стал длиннее, — сегодня в особенности. Это показалось потому, что встал рано (9 1/2). Хочу вообще наладить более раннее вставание. Был очень рад получить телеграмму из Новосибирска, но совсем не рад, что Вы уже опаздываете на 20 часов! Вот намучаетесь!.. Кошмар какой-то!

Проснулся опять с опухшей щекой, но быстро стала опадать: теперь побаливает — видимо, нарывчик; мажу йодом.

Хозяйка соглашается, чтобы Ел. Н.1 снимала у нее угол, но цены не назначает. Сегодня платил за свою комнату — до 18/V, но за отопление взяла полностью 15 р. С Ел. Н. пока — гладко; говорит громко, но только когда обращаются к ней.

1- Коншина Е.Н., которая приехала навестить Шпета.

Посылок с книгами, конечно, еще нет.

Когда-то начнут приходить от тебя письма? Так как в Тайге вы, по-видимому, сидели долго, то надеюсь, что завтра что-нибудь от тебя будет.

Как Мариноша? Выражает ли чувства по отношению ко мне? Были ли у вас интересные разговоры? Подробно мне напиши, как она встретит Москву: чему обрадуется и в чем будет разочарована?

Целую крепко, но нежно.

Твой.

Хотел сегодня написать и Сереже, и Тане, но, увы, очень уж много времени отнимает у меня писание письма. Поцелуй Таню, скажи, что я ее очень люблю и постараюсь написать завтра.

20/IV утро.

Два письма из Тайги,— бедные мои, выходит, вы всю ночь не спали!

Твои записочки, Натуленька, очень милые,— с ними уже легче мне живется.

Маринашины тоже очень милы. Скажи ей, что просьбу ее исполню и о старичке среди льдов и цветов² не напоминать буду! Но куда ей деваться?.. Едет в метро — кролики и морские свинки, а старичка нет... Выходит в Брюсовский, встречает Васю³, а Вася не старичок... В Тайге покупает открытку «Новый Афон»,— смотрит, а старичка там нет... Приедет в Новый Афон, там купит открытку, наверное с видом Томска,— он, старичок-то тут, среди льдов и цветов!.. Так вся природа № 1 и природа № 2 будут ей напоминать о старичке, а не я!

2- Еще в Енисейске Шпет начал постоянно поддразнивать Марину, что если она уедет от него, то останется «одиноким старичком среди льдов и снегов». Любые перефразировки и намеки па это изречение им обоим были понятны и небезболезненны.

3- Качалов Василий Иванович (1875-1948) — народный артист СССР, друг всех Шпетов (последние годы жили в Москве в одном доме).

С Елизаветой скучно, скажи Маринаше, потому что она никогда не финтилит, а я, бедный, повернусь носом в угол, финтильнусь,— и опять притворяюсь умным!..

А, вот, писать прямо Маринаше мне надо еще привыкнуть... Научусь ли? Целую Маринашу, мою спутницу среди... камышей и порогов...

Натуленьку свою люблю и жду. Твой.

20/IV.

Ну вот, Натуленька, письмо оказалось неотправленным, потому что Ел. Н. вздумала завести свой порядок, который оказался не очень практическим. С хозяйством у нее пока благополучно; старается меня накормить; есть маленькие невпады, когда что-нибудь готовится «сюрпризом», а я-то не в восторге,— и ей разочарование, и мне неловко; но это мелочи, и скоро исчерпаются.

Твое пребывание скомкалось в какую-то минутку: прилетела и улетела, да еще Маринашу забрала... Лета жду, но ведь в сущности и летом побудешь со мною минуточку — чуть длиннее, а потом опять бесконечная зима! Но теперь думаю только о лете.

Телеграмму в Самару послал сегодня.

От милой Мариныши письма-записочки — очень милые,— поцелуй ее за них от меня и от себя, а кроме того — уже только за меня — сфинтили ей что-нибудь в знак утешительного от меня приветия, например, сделай ножкой и ручкой, она это очень любит!

О настроении моем не думай: скучать по тебе все равно буду, но ведь с каждым днем все же будет ближе к июлю, да и Гегель, надеюсь, поможет, а кроме всего прочего идем-то мы к лету и, значит, уже и природа будет развлекать. Но главное — какие пойдут вести из Москвы, в особенности от Сережи (Маринаша как-то меньше волнует, то ли потому, что я приготовился и надежд на благополучный результат ее поездки не питаю). Держись и ты, моя золотая, ведь все-таки немножко отдохнула, а летом отдохнешь еще больше.

Маринаше хочется написать, но «твердо» откладываю, потому что надо вперед долги отдать: Тане, Марго, Норе.

Ел. Н. сегодня хотела уже здесь ночевать, но ушла, потому что заболела Мери (кашель, ангина).

Целую крепко, ласково. Твой.

Сима Мин.4 говорит, что девочки скучают по Марине.

4- Виленчик Сима Минеевна (1897-1979) — квартирная хозяйка. Ее дочери — Мери (рожд. 1919) и Сара (1921-1992).

Маринаша, прилетала птичка, пестренькая, в синеньком фартуке, спрашивает: «А где твоя дочка?» — Я: «Фьюить!.. А как тебя зовут, птичка?» А она мне: «Фьюить, фьюить!..» Вот так птичка,— я так и не знаю: милая она или пакостная?.. «Отменили форму, не надо опять вводить»... Может, и так,— но если отменяют содержание, то надо скорее назад вводить, а то... очутишься перед пустотой!

Целую милую. Па.

№ 28. Н. К. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 IV 22.

Дорогая моя, телеграмма из Уфы (некому Шпеину): «Благополучно но медленно обнимаем»... Это уже Маринаша острит? Торопливые объятия, конечно, не настоящие! Но, итак: вы опаздываете на сутки и 1 1/2 часа минимум!.. Милые мои, видно, раньше ночи с 24 на 25 вам не быть в Москве.

Еще открытка из Болотного и письмо из Новосибирска,— оба от 19-го. А Маринаша-то уже и устала мне писать!..

От Тани письмо,— все по-старому.

Щека все в опухоли, но болеть перестает (полоскал шалфеем).

Вот выдумала — целый стакан сметаны за ужином!.. Ел. Н. была бы потрясена (хотя и приятно)! Ем пока по 3 ложечки! Ел. Н. очень мила и очень внимательна.

У нас завелась кошечка: трехцветный уродик, но с дивным характером: нас любит больше, чем хозяев. Я решил, что это взамен Маринаши, но, вот, уже 1/4 часа как она влезла на плечи мне и тихо сидит, пока я пишу,— а Марина этого не делала. Спроси,— почему?

Целую всех. Твой.

№ 29. М. Г. Поливановой

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 IV 23.

Золотая моя Маргариточка, спасибо за поздравления и за подарочки ко дню рождения! Коробочка — очаровательна, и тем мне милей, чем больше я придумываю, и не могу придумать, назначения (практического) для нее; содержимое ее в виде карточки не вполне меня удовлетворяет только своей малостью, зато плоды земли и кондитерского искусства,— которые я принимаю от своих малышей,— вне похвал; Мишутке скажи, что его помидор оказался маленькой тыквой, которая по дороге выросла и стала такая большая, что едва затыкнулась в мой рот, а Котику скажи, что его персик тоже вырос по дороге и стал большим персом с бородой и ушами, так что неизвестно, он меня съел или я его... За куличик (с Ел. Н.) тоже очень благодарю: нежный и ласковый подарок!

Ты думаешь, что я писал бы тебе чаще, если бы ты выполняла какие-нибудь мои поручения; так вот тебе

поручение от меня: пиши почаще и побольше о себе (только не унывай!) и о наших малышах (о них рассказывают столько чудного,— но только не ты, хотя знаешь больше всех). Обо всех твоих и их бедствиях мне написала Н. К. (она очень любит тебя и очень внимательна ко мне, поэтому писала обо всем, хотя, может быть, и не так тревожно, как писала бы ты сама); нечего и говорить, что был с тобою, с тобою волновался и болел,— и видел тебя самое маленькой в ванне Семеновского дома¹, голенькими ножками на дне ванны, ручка — за края ее, и всем своим маленьким телом взывающую к миру о помощи... Да ты и есть у меня маленькая, беспомощная, взывающая о помощи, моя Маргариточка! Ты как-то не очень давно мне сказала, что ты теперь большая и я должен тебя слушаться; как помнишь, я сразу согласился. Но вижу, что все-таки ты нуждаешься и нуждаешься и в совете, и в помощи. Моя помощь может быть теперь никакой, мой совет — всегда запоздалым, но если моя воля помочь тебе и поддержать тебя, если моя любовь — действительные силы в этом мире, то знай и помни, что они всегда около тебя, окружают тебя, и пользуйся этими силами, сколько тебе нужно, все равно, их не исчерпаешь.

1 Дом в Москве в Неопалимовском пер., где жил Шпет в 1907-1910. В то время дома по большей части называли по имени их владельца.

План твоего приезда с детками сюда на лето казался мне одно время более или менее реальным, но, независимо от твоих собственных причин, я достовернее узнал, как здесь можно было бы устроиться с детьми, и с грустью от этого плана — даже мечтания — сказался.

Кажется мне, что твой доктор ларинголог — прав. Если у Котика постоянный насморк и закладывается нос, это не может не отразиться на ухе. Родители видят только внешний вход в ухо, переднюю, и только в нее и

заглядывают, но тут все обставлено просто и элементарно. Гораздо сложнее — внутри, и в особенности жутко — в темном коридоре, ведущем из лабиринтов уха в апартamentы носоглотки (Евстахиева труба). Надо, чтобы здесь были чистота и свет. Последни хорошенько, умеет ли Котик сморкаться,— это вовсе не простая операция; многие дети сморкаются в обе ноздри сразу,— это обязательно отражается в уши и вызывает всякого рода ушные воспаления и болезни. Я достаточно возился со своим носом и достаточно натерпелся, и терпит от него вся моя голова.

О моей жизни здесь тебе все расскажут Н. К. и Маринаша; да и вообще ты все обо мне знаешь от Н. К., так что повторять не стоит. Главное — что не рассказывается — можно видеть только глазами (и ухо может быть органом зрения, но только, когда слышимое входит в него вместе с дыханием собеседника), но этой возможности мы оба с тобой все еще ждем. Как ни хочется мне видеть тебя и Мишутку, но твоего предполагаемого приезда в июне я побаиваюсь: и ты не отдохнешь (в чем ты больше всего сейчас нуждаешься), потому что будешь волноваться за Котика, и ему после такой весны оставаться без тебя не следует. Во всяком случае, ничего не решай под влиянием минуты, а очень и очень взвесь и обдумай; может быть, осенью обстоятельства сложатся лучше, полагайся теперь на советы Н. К.

Поцелуй от деда деток, кланяйся маме и Коту.

Целую и люблю мою перламутровую Маргариточку.

Твой Па.

P. S. А у нас есть кошечка, трехцветная, ласковая, и чихает так же, как ты!

Id.²

2 Тот же (лат.).

№ 30. Н. К. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2. 936 IV 24.

Золотая моя, меня начинает волновать, что ни вчера, ни сегодня не было телеграммы; из Самары я ждал во всяком случае (и неужели моей здесь не получила?). А ведь завтра, собственно, должна быть уже из Москвы, если не стряслось еще какого-нибудь бедствия и нет нового опоздания. Зато письмо сегодня есть из Кургана, от 21-го, ох, как давно это было! Что же ты так огорчилась темнотой в вагоне: темнеет ведь уже поздно, а светает рано; и я думал, ты в вагоне будешь больше говорить с Мариной. Зуб у меня совсем благополучно; опять надеваю протез на весь день; опухоли нет, и не болит. А вот ты, моя бедняжка! что же это? Намучаешься-то как! Да еще, кажется, аспирина с собой не взяла. Да знаешь ли ты, что теперь во всех поездах у начальника поезда должна быть аптечка? Если завтра к вечеру не будет телеграммы, я телеграфирую в Москву.

Настроение мое само по себе удовлетворительно. С Елизаветой Николаевной оказалось легче и проще, чем я предполагал,— пока не «дуюсь» и не очень-то «стесняюсь». Вот, как она сама, не слишком ли ей покажется накладно столько возиться (гл. обр., с едою),— не знаю. Сегодня ходили смотреть кресло: небольшое, в сравнительном порядке, пружины твердые, может быть низковато для писания, но для чтения и отдыха — вполне хорошо, стоит всего 30 р. Но не знаем, как доставить сюда; если не придумаем, боюсь, сорвется. За креслом ходили по тем местам, где я ходил с тобою: очень грустно было, что ты не со мною.

Когда выяснится Маринино решение, телеграфируй: удача или неудача (с нашей точки зрения). Если у нее

будет охота, не снимет ли она с тебя тяжести переписать №№ 13, 14, 15, 16¹, — самые трудные! Натуленька, если ты действительно тут отдохнула, то держи это до лета, а там подправимся. Сейчас ты ни капли не волнуешься, совершенно спокойна и уверена. Лишь бы Сережа не подгадил! Маринину судьбу я готов принять, настраивай и себя также, а не выйдет, — тем лучше, нам — приятный сюрприз!

1 Наталия Константиновна и Марина составляли списки книг московской библиотеки Шпета по размещению их по шкафам и полкам с нумерацией последних.

О комнате Ел. Ник. поговорила не очень удачно; часть комнаты хозяйка не хочет сдавать, а только всю — на условиях, которые ты знаешь. Придется принять, но я советовал Ел. Ник. все же спросить, а как же мебель (что она даст?) и когда дверь будет заделана? Разговор предстоит завтра; уверен, что ответ будет: мебели никакой, дверь заделывайте сами. Не знаю, как на это реагировать.

Страничек я перевел с твоего отъезда: от 93 до 136, но писать стал мельче и убористее. Вот от тебя уже два письма без всякой даже приписочки от Марины, — скоро же она меня позабыла! Вот видишь, золотая, так и получается, что только мы с тобою остаемся друг для друга!

Целую тебя, как люблю. Твой.

У меня к концу идет почтовая бумага, — нет ли у меня еще блокнотов с почтовой бумагой в конторке?

Телеграмма из Москвы! Наконец-то! Дошла в 1 ч. 15 мин.

№ 31. Н. К. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 IV 26.

Дорогая моя, вчера засиделся за переводами и не успел написать о наших приобретениях: кресло, бюро, полочка. Так что эта открытка «за» 25-ое, вечером напишу больше (ты сама велела писать хоть по одному слову, но почаще!).

Сегодня с утра письма из Златоуста и Шумихи; отвечу также вечером. Наконец-то и от Марины, а я думал уже, что она забыла с. с. б. сн. и ц. С.¹. Как с зубом-то, бедная! Отчего же ты не телеграфировала про зуб?

1 Старичка среди белых снегов и цветов Сибири,— см. письмо № 27

Из Москвы вчера была открыточка от Тани от 19-го.

Вчера одна и та же телеграмма, твоя — из Москвы — была доставлена два раза.

Целую всех. Твой.

ГИХЛ денег не шлет, надо опять написать;
Накорякову² письмо было отослано еще при тебе.

2 Накоряков Николай Николаевич (1881-1970) — директор Гослитиздата, был арестован в 1937.

№ 32. Н. К. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 IV 26.

Утро.

Золотая моя, твое коротенькое пребывание здесь сильно изменило всю мою психологию: я все время очень конкретно чувствую тебя здесь; от этого грустнее и как-то приятнее; в места, где мы успели побывать, как-то особенно «тянет»,— они приобрели для меня новый смысл. Это было и в Енисейске после твоего отъезда, потом осенью, и в особенности снег, все закрывший, так изменил все «места», что я уже воспринимал их без тебя. Так сперва было и здесь: ты далеко, это — не твое, тебя нет; теперь совсем другое дело! А вывод простой: без тебя ничего нет, и без тебя я ничего не хочу,— придумывай, что хочешь, чтобы быть со мною; на другое ни на что я не согласен. Вот и все!

8 час. вечера. Скучаю по тебе!

12 час. Не так весело без тебя и это обзаведение, которое нами сделано. Я уверен, что ты бы веселилась и радовалась.

1) Кресло — низенькое, небольшое, но удобное; отдыхаю просто в нем, теперь даже не постигаю, как я мог столько времени сидеть на том эшафоте. И читать в нем удобно, и писать хорошо,— вот только не поспишь: маловато.

2) Комод, собственно так называемое «бюро» — большое, солидное; когда-то было очень хорошее, полировано под красное дерево,— даже задний фасад в рамках и полирован. Теперь нижняя доска выломана и заменена сосновой, вместо нижнего ящика — открывающаяся дверка, раскрашенная в черное; средний ящик — в порядке, два верхних — тоже; самый верх — полукруглый — вдвигается и выдвигается по полукругу; в некоторых местах, очевидно, был очень потерт и покрашен черной краской; вышина аршина 1 1/2, длина — еще 1/4 арш. Хозяева очень одобрили: вещь «старая» и «хорошая»; признали, что лучше их комода, «хотя их комод стоит 70 р.» (мы заплатили 50 р.). Стоит поперек

комнаты (от моего окна), отделяет меня от столика Ел. Н.: комната стала больше и уютнее! Теперь решительно не хочу второй!

3) Полочка о двух полках — вроде той, что у меня над головой, но не полированная, желтая (2 р.).

Вот, Натуля, как это все было бы весело с тобою!

На письма сегодня не отвечаю, поздно (уже 1 час); одно твое письмо оборвано на полуслове (разговор с Мариной),— может, завтра будет продолжение. И от Марины письмо; очень милое, и я очень ему обрадовался; постараюсь ответить поскорее.

Второй день тепло, ветер меньше, снег тает, хотя у меня под окном — ни с места (не заглядывает солнце), грязь подсыхает, на Ленинском проспекте и парадных больших улицах — столбы пыли! Вскрытия Томи ждут не раньше 28-го.

Целую всех. Моя любимая. Твой.

Поищи и пришли парочку консервных ножей — моего любимого фасона; здесь — уже нет.

На большом столе, рядом с Ларусом должен быть немецко-английский словарь Murel-Sonders,— только нем.-англ., не англ.-нем.!

27 утро. Проснулся в 9: зимний пейзаж,— на вершок все покрыто белым, белым снегом!

№ 33. Н. К. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 IV 27.

Дорогая моя, получил сегодня твое письмо из Уфы. Очень меня беспокоит твой зуб; отчего же ты ничего не телеграфировала про его состояние из Москвы?

Твое описание Златоуста меня взволновало; к сожалению, у меня ничего нет, чтобы прочесть и побольше узнать об этом городе.

У нас все — по-прежнему; привыкаю к своей новой «обстановке».

Библиотека велела передать, что ждет меня в любой день от 12 до 4 и готова быть мне полезной; но я все это время именно до 4-х не выхожу, потому что жду книг, о высылке которых Наталья Ильинична сообщила в письме, полученном еще при тебе.

Был сегодня в бане,— если это тебе интересно.

Целую всех деток и тебя. Твой.

№ 34. Н. К. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 IV 28.

Золотая моя, писем нет, а мое настроение к тебе что-то растет!.. Может быть, это отчасти объясняется тем, что приходится полностью таить его в себе, то есть даже в тех пределах не с кем поговорить, в которых я мог говорить с Мариной. Другая причина — в том, что ты побывала здесь, но провела со мною слишком мало времени. А третья причина — совсем странная: если исключить утра, когда я себя по-прежнему чувствую отвратительно, в общем мне несомненно лучше,— и опять-таки знаю, что это без тебя.

С Е. Н. в целом идет все хорошо; во всяком случае, я не ожидал, что выйдет так легко,— «гостьи» в ней я не

чувствую. Конечно, это — не та простота, которая была с Мариной; нечего и говорить, что нет нежности, которую проявляла Марина, — ведь если бы ее стала проявлять Ел. Н., то это было бы скорее смешно, чем трогательно. Но, собственно говоря, нет и полной сердечности в наших отношениях, которая могла бы быть, если бы она относилась к тебе с меньшим холодком. С этой точки зрения у меня теперь вызывает сомнение приезд Натальи Ильиничны, относительно которого я уже склонялся было к положительному решению; я уверен, что никакой нетактичности она себе не позволит, но достаточно мне будет заметить какое бы то ни было непризнание тебя, и меня это будет расстраивать. А это «непризнание» я чувствую уже из того тона, в котором она принимает и выполняет мои дела и поручения: ей хочется во всем тебя «перекрыть», и она не понимает, не улавливает той простой вещи, что если бы ей это и удалось, все равно, твоя забота для меня ценнее, дороже, жизненно необходимее. Вместо того, чтобы ограничиться тем, где она могла бы быть всего полезнее (литературные и издательские дела, книжные еще), она хочет приложить руку ко всему: и к комфорту моему, и к делу (письмо и прочее), и к моим отношениям с другими (Вася Нечаев¹, кто-нибудь из друзей), и т. д., и т. д. Обычная для нее линия поведения: быть во всем первой, самой нужной, незаменимой (ту же Ел. Н., я знаю, она третирует свысока). Это — вообще ошибочная линия, а сейчас я ее особенно чувствовал бы. Ел. Н. ей что-то писала о возможности ее приезда к концу пребывания здесь Ел. Н. и затем (июнь) на смену ей. А я сомневаюсь в нужности этого и побаиваюсь, как бы вместо «налаживания» не вышло полного «расстройства» отношений. Так как тут у тебя могут быть свои сомнения и соображения, то напиши мне все, что ты об этом думаешь, подробно и откровенно. Ей, само собою разумеется, ничего не говори, пока мы не решим окончательно, как лучше сделать.

1 Нечаяев Василий Васильевич (1895-1956) — композитор, друг Шпета.

Кстати, Е. Н. горой за аккуратность и точность, и своевременность всех ее исполнений, но теперь сбита и смущена посылками книг (об том, что они высылаются, она писала б/IV); я подчеркиваю, что от тебя получаю все аккуратно и точно; не забудь в первой же посылке прислать обещанный ей горох!

Ну, целую крепко, и до вечера (это пишу утром, 12 ч).

А продолжаю ночью в 12. Был опять на уколе, пожаловался на то, что утра остаются плохие; он говорит, что так как с теперешним лечением это в связи не находится, то можно будет этим заняться, когда кончим курс, начатого лечения.

Очень жалко, что оборвала и не дописала письмо из Златоуста, потому что хотя ты и пишешь потом, что просто так-то формулировала свою мысль, все-таки подробности разговора опустила, а мне, конечно, они интересны. Марина мне написала: «Ничего не могу себе представить о Л. Н. Только, папуля, здесь не тряпичность, а что-то гораздо более сложное и трудное». Тут мне просто непонятна ее мысль: о своей «тряпичности» она говорит или об его? А затем не могу разобрать два слова: то ли «Просто пакость!» — то ли «Прости па...!»? Жаль, что не разбираю.

Работа подвигается теперь гораздо скорее: и времени больше, и как-то больше вошел в язык Шилера; к I/V не успею все (что у меня) сделать, но скоро после первого кончу; очень жалею, что не успел просмотреть всего, что ты увезла с собою,— попроси Н. И. просмотреть повнимательнее, особенно места так или иначе отмеченные; может быть, она достанет комментированное издание, тогда многое будет яснее; перечитывая я заметил, что иногда пропускаю слова; кое-

где можно облегчить синтаксис; хорошо бы, если бы она все это досмотрела. Что еще приходится на мою долю, я так и не знаю, а между тем в начале мая уже придет Гегель, и это будет меня только отвлекать. Неужели до сих пор ничего не выяснилось? Ел. Н. уже послала телеграмму о неполучении посылок книжных; ответа нет. Хочу завтра телеграфировать о том,— как же дальше будет с Шилером? Где же пресловутая исполнительность?

Тебя так раздражает моя раздражительность,— почему же иногда ты сама только больше разжигаешь ее, вместо того, чтобы успокоить? Ты скажешь, что сама сдержаться не можешь, потому что у тебя «тоже нервы» и т. д., ну так, видимо, и у меня «то же» и т. д.!..

Протопопов² здесь — не «свой» и едва ли знает здешних врачей, и едва ли есть смысл говорить с ним об этом, но попробую.

2 [Протопопов Христофор Иванович \(1886-1937\)](#) — ссыльный врач-невропатолог, который лечил Шпета. Расстрелян в Томске 10 ноября 1937 г.

Голубочка, как же я могу тебя побаловать на таком расстоянии; мне надо, чтобы ты здесь была,— а расстояние подгоняет больше к грусти, чем к расположению побаловать.

Конечно, я рад, что ты курила (в дороге) меньше, но очень подозреваю, не потому что хотела мне удовольствие доставить, а... из-за зуба...

Полбеда, что Е. Н. не «нежная», а, вот, нехорошо, что она рассказывает со всеми подробностями, точностями и обстоятельствами, да еще громко!..

А помнишь, ты читала «Домби» на Долгоруковской³ в постели и как-то в восторг пришла от его рассуждения об

«акциях» (когда еще угловая комната была спальней, а не столовой)?

3 Улица в Москве (ныне Каляевская), где жил Мигер в 1916-1928

Конечно же, люблю тебя,— и больше, чем ты меня!!
Целую ножки.

Твой.

А денег из ГИХЛ'а все нет; письмо Накорякову было послано 13/IV.

Маринаше скажи, что письмо ей у меня — второе в очереди (первое — Норе, давно надо). Хотя Маринаша и бросила старика и т. д., но все-таки спроси: она еще моя или уже не моя?

«Литературного обозрения» получил 5 номеров; кажется, идет аккуратно. «Интернациональной литературы» не получил ни одного №! Книгу Ю. Юзовского «Спектакли и пьесы» купи и пришли мне; можно заказной бандеролью. Наконец телеграмма от Н. И.: книги посланы 8/IV!! Я расстроен. Ну, а если то же будет и с Гегелем?..

№ 35. Н. К. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 IV 29.

Золотая моя Натуля, с каждым днем становится что-то не легче, а тоскливее! Большую роль играет, что со мною не Маринаша. А я думал, что эти два месяца легко пройдут... Хотел начать считать дни с 1/IV, но как подумал, что только до (первого) дня твоего возможного приезда — 50 дней, становится страшно!..

Сегодня письмо из Самары от 22-го, а от 23-го — только открыточка.

Не понимаю, как ты можешь так терпеливо выносить свой флюс: а я бы злился, проклинал и винил всех, страдал бы и уж, во всяком случае, не мог бы ни писать, ни читать, ни разглядывать соседей, которые при всей своей симпатичности мне симпатичными не казались бы!

Я был не рад, что ты мне не прислала телеграммы ни из Самары, ни из Тулы, а теперь понимаю: очевидно, денег не хватало; но как же ты могла так растрясти их?

Зачем ты Ел. Н. и другим говоришь, что материальный вопрос тебя не волнует, что в деньгах ты не нуждаешься и т. д.? Во-первых, это — абсолютно неверно; во-вторых — создает совершенно ложное представление; в-третьих, ведет к совершенно праздным гипотезам и предположениям и к вздорным выводам.

Сегодня получил от бедненькой Марго совсем паническое письмо; о чем думает Кот, не понимаю; квартира их действительно клоака! Дети достаточно и сами в ней болеют, а тут еще кухни поддают! Ведь для Котика свинка — ибо это болезнь желез — вовсе не простая вещь! Пожалуйста, возьми Марго под свою заботу, — скажи, что я тебя просил об этом; поддержи ее, чтобы не падала духом. Денежное положение — ужасное; она пишет, что и занимать уже не у кого; а издательства, как всегда, тянут и жульничают (когда до них доберутся? отдать бы под суд, как тех, кто учителям не платил, — пошевелились бы!); всучи ей силою, сколько нужно, чтобы обернуться, а получит, отдаст; скажи, что ты и я настаиваем, чтобы она взяла и впредь обращалась к тебе, когда нужно! Скажи, что мы делаем это корыстно: не будет у нас, будем к ней обращаться.

А почему еще такая задержка с этой злосчастной диссертацией? Ведь он должен был защищать ее в феврале! Опять затянет и опять попадет под новые, более суровые требования!

Марго нашла мне 2, 3, 5, 8 номера «Интернациональной литературы» за 35 год и высылает мне по одному номеру; но 8-ой же есть у меня,— скажи ей, чтобы не высылала,— если не выслала уже.

Позвони Сусане Георгиевне¹; от меня привет; попроси, если тебе не позволят списать заглавия книг Робертсона, пусть сама спишет для меня,— и нельзя ли просить Абр.² их выписать (на кого-либо из друзей никакой надежды не возлагаю).

1 Не установлено.

2 Эфрос Абрам Маркович.

Переделываешь ли штаны, и какой мне будет пиджак на лето?

Опять заваливаю поручениями!

Люблю и целую свою золотую. Твой.

Спиши мне подробно титулблат моего французского перевода Шекспира (на белом столике) — по I тому; и напиши, есть ли в нем предисловие Гизо: *Vie de Shakespeare*³ (или может быть, *La notice biographique et literaire sur Shakespeare*⁴).

3 Жизнь Шекспира (фр.).

4 Биографические и литературные записи о Шекспире (фр.).

№ 36. М. Г. Поливановой

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 IV 30.

Драгоценная моя Маргариточка, только что отправил тебе письмо, когда мне казалось, что твои бедствия кончились и что мое письмо не встретит той неудовлетворенности, какая невольно возникает, когда человеку нужна реальная практическая помощь, а ему преподносят теоретические утешения и отвлеченные советы,— только, говорю, отправил тебе письмо, как опять получаю от тебя неутешительные вести: опять на мою бедную перламутровую головку сыпется какая-то грязь и мерзость! А все-таки, моя золотая девочка, все-таки и все-таки не сдавай духа и не впадай в панику! Надо принять какие-нибудь решительные меры и, хотя бы к осени, выбраться из вашей квартиры,— которая, по-видимому, и есть тот ящик Пандоры, о котором ты упоминала,— и отделить деток от их кухни, которая столько раз уже награждала их дарами своей нечистоплотности. Не сердись, моя маленькая, за это вмешательство во внутренние дела вашего государства, но так мне дело представляется и было бы неправильно молчать об этом из ложной щепетильности. Особенно меня расстраивает эта предстоящая «свинка» у бедного Котика,— ведь это — также болезнь желез, а они у него слабое место. Говорила ли ты по этому поводу с доктором? Нельзя ль принять какие-нибудь профилактические меры, которые если и не избавят его от заразы, то, может быть, облегчат процесс болезни; сколько я помню, болезнь эта — не страшная, но тягучая и утомляющая.

Что касается денежных дел, то очень жаль, что в это время не было в Москве Н. К., но сейчас же обратись к ней — и впредь всегда, когда нужно, обращай; на этом

я настаиваю и буду обижен, если ты не послушаешься меня. Я писал ей и тебе повторяю: смотри на это, как на простой мой расчет,— пока кое-что есть у меня, бери, а зато я получу право потом обращаться к тебе, когда мне понадобится. Или ты хочешь лишить меня этого права?

А почему ты не обратилась к Н. И.? У нее есть небольшая сума¹ моих денег (аванс за некий перевод); хотя я не знаю, сколько именно мне из него причитается, но Н. И. знает и могла бы тебя выручить. Наконец, ты могла бы обратиться к Тане,— из своих собственных или из «хозяйственных» она могла бы тебе что-нибудь уделить.

1 Т. с. «сумма». Шпет, избегавший удвоения согласных в словах иностранного происхождения, здесь позволяет себе каламбур.

А что с диссертацией Кота? Почему это так затянулось? Ведь он должен был ее защищать еще в феврале.

А все-таки «за голову» ты хватаешься слишком — излишне — часто! Ты, моя детка, так же экспрессивно относишься к своим горестям, как и к радостям,— вот, и весь твой «пессимизм». Жаль, что ты... чихать не умеешь², а то именно на материальные бедствия я посоветовал бы тебе начихать!

2 Маргарита всю жизнь очень смешно чихала,— еле слышно, как маленький котенок.

Почему же и прислуга — «за голову»? Ведь ты и была довольна,— и Маринаша, и Н. К., и даже Ел. Н. мне рассказывали о ней только хорошее. — А Норин «мрак» почему — «за голову»? Ведь у Норика это — перманентное состояние, и если по этому поводу ухватиться «за голову», то уже и не выпустишь се из рук! А, может быть, это и нужно, чтобы держать себя... в руках?.. — Развалившиеся диваны — вовсе уж не беда,— тут не хвататься надо рукой за голову, а просто махнуть

рукой,— если они действительно развалились, выбросить можно их, а спать можно и на полу (я это испытал, и я — большой сторонник такого ночепрепровождения). — И, вот, я еще! Что ты, моя маленькая,— ведь мне хорошо! Разве я подозревал, что вокруг меня столько доброты, благоволения и любви? А теперь я это знаю! Я потерял Москву, которая в моем представлении есть *сloаса* *тахита* (где, к сожалению, барахтаются мои милые), а зато сколько пробрел! Жалеть меня все равно, что жалеть беспризорного, которого вытащили бы из асфальтового котла³, постригли, повели в баню, дали носовой платок и прыгалку,— на, скачи! — Свои литературные неудачи ты явно преувеличиваешь. А у меня есть одна идея: попробуй вступить на путь Лисички⁴; напиши на пробу и пришли мне; я почему-то уверен, что у тебя выйдет. Попробуй!

3 В 20-х и начале 30-х годов в Москве было много беспризорных детей, которые зимой обычно грелись около разогретых котлов из-под расплавленного асфальта, иногда даже залезая внутрь.

4 Лисичка — домашнее прозвище Надежды Всеволодовны Крестовоздвиженской (Дружининой) — детской писательницы, двоюродной сестры Лены и Маргариты по матери.

За Интернациональную литературу — спасибо! Получил пока только № 3; но имей в виду, что от 8 по 12 у меня есть все, так что если еще не послала, то 8-го не посылай.

Деток целую нежно, нежно, как и тебя! Привет Коту. Маме тоже. А что с ее здоровьем?

Твой Па.

№ 37. Н. К. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 V 1.

Дорогая моя, получил от вас сразу два письмеца, — последние написанные в дороге, но посланные уже из Москвы (почему во Фрунзенском районе?).

И от Маришаши милое письмецо, так что захотелось поскорее ответить, что и постараюсь выполнить.

У нас — все по-прежнему, так что и писать нечего, — придется по Таниному методу: сообщаю тебе, что писать не о чем; завтра напишу большое письмо! Совсем не представляю себе, что ты делаешь, за что прежде всего принялась, как распределен день?

Что Сережа?

Целую всех и тебя. Твой.

Цветочка, который ты вложила в письмо, в нем не оказалось: видимо, не я один — любитель цветов!

№ 38. Н. К. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 V 2.

Прими Л. А.¹ поласковой и, если нужно, устрой у нас; она очень милая.

Дорогая моя Натуленька, огорчительно, что сегодня ничего нет от тебя, — я очень жду первого московского письма: как ты застала все, как Сережа, как ты основалась, что слышно нового? Надеюсь получить завтра сразу два; сегодня, может быть, по случаю

праздника вовсе не разносили.

1 Не установлено.

День сегодня чудесный, как был 12-го, когда мы гуляли,— первый такой после твоего отъезда; грязь подсыхает, но под нашими окнами кучи снегу и льду, хотя Ел. Н. самолично разбросала сугроб. Прошелся с нею немного в новые места, где еще не был. Но, знаешь, хоть не ходи гулять,— так ярко тебя вспоминаю и так хочется бродить с тобою, что хоть не выходи — такая тоска забирает! А остается-то всего из намеченных (с I/V) дней всего 48, и пролетят быстро... Ел. Н. считает, что она вчера приехала, а скоро уже надо уезжать; она хочет уехать в конце мая, чтобы быть в Москве за несколько дней до конца отпуска (у нее свои дела есть). Она считает само собою разумеющимся, что ее сменил Н. И. (и что она может устроить себе отпуск на июнь); но я этого не считаю само собою разумеющимся и прежде всего хочу знать твое мнение и желание,— напиши сейчас же, чтобы было время соответственно действовать.

Перевод продвигается быстро, и работы осталось дня на два, на три (при тебе с 1 по 18 апреля — 92 стр., т. е. в среднем $5 \frac{1}{9}$ в день; на сегодня $196+11$ (тетр. 7) = 207, т. е. $8 \frac{3}{14}$ в день). Обидно, что оказия подвернулась, когда не успею всего кончить, но все-таки посылаю, что сделано, потому что мне кажется надежнее, чем заказной бандеролью (ведь рукопись-то у меня всего в одном экземпляре,— вот бы машинку сюда для Гегеля!). Хуже то, что надо сдавать рукопись, которую я опять не успею просмотреть; очень попроси Н. И. все просмотреть внимательно — наверное будут пропуски и ошибки! — и особенности места отмеченные: чернилами, где у меня колебания относительно точности или синтаксиса (пусть, если нужно, пользуется зачеркнутыми вариантами), и красным, где нужна справка, главным образом, с русскими переводами «Вильгельма Мейстера» и других произведений Гете или Шилера.

Остаток дошло в заказном письме; о получении телеграфируй, и тогда я вышлю книгу. Как продолжение, не знаю, потому что Н. И. упорно молчит; не отвечает на телеграмму, которую ей послала Е. Н.

В посылки подкладывай спичек,— здесь даже та желтенькая дрянь («Сибирь») исчезла, и появились еще худшие («Красная звезда»).

Посмотри в каталоге «Vade mecum»² (вертушка) точное заглавие книжечки некоего Gabler'a,— под его собственной фамилией и еще раз под фамилией Hegel, вслед за перечнем собственных сочинений Гегеля (у меня отмечено карандашом); пришли мне это заглавие и спроси у Б. А.³, нет ли у него этой книжечки,— мне помнится, он говорил, что она есть у него.

² *Следуй за мной (лат.).*

³ *Вероятно, Фохт Борис Александрович (1875-1946) — философ.*

Пришли мне таких гильз, как Сережа присылал, № 1, а может, есть такого же калибра, но с более длинной куркой (у этих, т. е. № 1 и 2, мундштуки приличные, а курка — коротка).

Целую всех детей и тебя. Твой.

З/У. Получил два твоих письма из Москвы уже.

Сейчас очень тороплюсь и потому только о двух пунктах.

1) «Коперфильда» постарайся провести вопреки сомнениям Н. И. (она высказала их в письме к Ел. Н.: успею ли, мол, такие две работы). Но а) Абр. может итти, только если он твердо за то, чтобы я взял и «Коперфильда», ибо он (подобно Н. И.) может считать, что довольно одного Гегеля; б) не злоупотребляйте тыканием всем в нос договора о Гегеле (и к чему вообще об этом трубить?!..), ибо персона безразличная скажет:

«Вот, и хорошо, и значит, ничего больше не нужно!»,— а персона злостная скажет: «Справлюсь,— на основании каких симпатий это сделано?» (ибо хотя запрета нет, но есть добровольное усердие).

2) Разговор с Лил.⁴ возмутил меня до глубины души,— это цинизм какой-то! а) Не нужно, чтобы «скоплялись деньги» у авторов, но на что же жить? Или почему они обречены нищенствовать, если это их трудом заработанные деньги? б) Если, по высшей логике или диалектике, они обрекаются все-таки на нищенство, и таково — правило, то ведь туда затем и обратились, чтобы из правила было сделано исключение,— к чему же эти детские отговорки? с) Что значит «не пропадут»? Пусть будут положены на мое имя,— тогда за пять лет хоть прибыль будет в 40-50%! — но это вздор, они именно пропадут, потому что существуют сроки (законом установленные) исковой давности (почти половина этого срока уже прошла), после которых всяких прав на эти деньги я лишаясь. А в общем вся эта история — прямое издевательство!

4 Не установлено.

Новое качество Н. И., которого я не знал за нею: она врет,— сегодня получена 1-ая из ее посылок, и она послана 24-го (а не 8-го!!),— ... как я знаю, печать почтового отделения ставится при подаче посылки и переводного бланка — тут же, на глазах отправителя! К чему же это?

Ну, пока. Целую. Может быть, еще напишу сегодня. Твой.

От Мариныши очень, очень милое письмо,— поцелуй ее специально за него!

№ 39. Н. К. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 V 4.

Дорогая моя, сегодня не успеваю ответить на твои письма. Спасибо только, что они такие обстоятельные и милые.

У нас после двух дней хороших опять холодно и снег валит хлопьями; под ногами опять грязь (а вчера выходил без калош,— по главной улице было сухо), и выйти невозможно.

На Н. И. в письме я наклеветал: она не соврала, что книги посланы 8/IV,— сегодня 2-ая посылка, и штемпель ясен: 8/IV, но, значит, шла посылка месяц без 4 дней!!

Сегодня проснулся с совершенно сумасшедшей головной болью, но сам себя так размассировал по твоему новому методу, что мало-помалу боль разошлась.

Благодаря погоде — настроение осеннее,— а тем временем остается — 46!

Твой.

№ 40. Н. К. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 V 5.

Золотонатуля моя, погода показывает фокусы, как заправский китайский жонглер: 1 и 2-го — солнце, на солнечной стороне ходи без калош; вчера — хлопьями снег, к утру все покрылось на вершок, сегодня тает, журчат потоки, грязь. Томь стоит.

Мне все грустнее и жалче уничтожать твои письма: такие хорошие, как ты сама! Но ведь ты мне и дальше будешь писать такие же милые? Правда?

Таниным успехам очень рад, а тому, что дома мало бывает, не рад. Ел. Н. говорит, что у Тани, несомненно, организаторский талант: она любит все забрать в руки и командовать, но делает толково и ее слушаются.

Отказ Жени¹ от «Коперфильда» ничего не значит,— кто-нибудь другой перехватит. А с кем Женя говорил? Не с Сергеем Ивановичем²? С тем человеком и нужно поскорее поговорить, в особенности если с С. Ив., к которому можно прямо итти, не искать посредников. Абраша не надежен еще (кроме того, что я уже писал) и в том отношении, что когда-то он раскочается!

1 Лани Евгений Львович (1896-1958) — переводчик, писатель. Был связан со Шпетом по совместной работе над переводом «Посмертных записок Пиквикского клуба» Ч. Диккенса.

2 Редактор ГИХЛ'а.

Сколько же лет подряд Софочка³ будет ездить на Аму-Дарью?

3 Понтович Софьи Викторовна — жена Эдуарда Эдуардовича Понтовича (1886-1941), в 1925-1935 беспартийного юрисконсульта ЦИК, в 1936 высланного в Среднюю Азию, а в 1937 заключенного в концлагерь в Магадане, где он и погиб. Дружили со Шпетом семьями.

Савина почисти резинкой, потому что он, верно, запылится, и нет ли в нем моих карандашных пометок — их сотри. Ел. Н. говорит, что Гнесин⁴ сам теперь живет в Ленинграде, а книжку я через него получил от его сестры⁵, вдовы Савина. Корректнее' всего будет, если ты сама занесешь и поблагодаришь от моего имени; адрес посмотри в телефонной книжке: музыкальное училище Гнесиных, на Собачьей площадке; как зовут эту Гнесину, я не помню, но так как она еще и Савина, то ты не ошибешься.

4 Гнесин Михаил Фабианович (1883-1957) — композитор, профессор консерватории и училища им. Гнесиных.

5 Савина-Гнесина Елена Фабиановна (1870-1940) — музыкальный деятель.

Смолета мне не присылай, а оба тома поставь на № 17, 2-я полка.

Ел. Н. про Колю Л.⁶ (кто это) ровно ничего не помнит и не знает.

6 Не установлено.

Путаник-то ты: держишь в руках «Феноменологию» Гегеля и не знаешь, что — это! А насчет «без переплета» ты права только отчасти (если я не прошибся окончательно): мне она помнится в «невзрачной серой» бумаге и картонаже (вроде переплета, но картон отрезан в уровень с листами книги, а не с выпуском, как в настоящем переплете), а вот про красную наклейку забыл, хотя очень подозреваю, что она не из «кожи», а из бумаги. Ну, спасибо, что нашла!

Что же ты, малыш мой, в ужасе, что гости сидят до часу ночи,— тут ведь ложились мы в 3 и в 4, и позже!

Я и не сомневался, что Сережа запустит свои дела,— нот, только — насколько? и успеет ли догнать? и удастся ли тебе его подтянуть?

Какая «Татка»⁷ нервничает и по какому поводу?

7 Ушакова Наталия Абрамовна, художница.

Передай Маринаше, что перед Ел. Н. финтилить страшно,— поправит пенсне на носу и спросит: «А почему?» — и напишет Ольге Леонардовне⁸: «Г. Г. готовится, кажется, т. е. кажется мне, поступить в театр юного зрителя, а, может быть, определиться в дирижеры Большого Театра; нет, наверное, даже в дирижеры,— я это заметила, когда стояла возле черного комода, который мы купили 21-го, нет, 22-го, нет — 21-го апреля

на Студенческой ул. у одного инженера-строителя, у него жена — брюнетка,— так вот с левой стороны комода, потому что правая сторона — к окну, нет — с правой, п. ч. левая...»

8 Книппер-Чехова Ольга Леонардовна (1868-1959) — народная артистка СССР с 1937, вдова А. И. Чехова, друг Шпета.

Хорошенькая моя, «2-ой список немецких слов с указанием §» (у Вольфа) — индекс к книге, и понятно, что тебе до него «дела нет»,— твои все дела с 1-ым.

Ты пишешь: «Эх!»

Эх-то — эх, а вот все-таки знать, что книги посланы 8/IV, а ждать до 4/V — «эх» неважный!

От Марго получил сегодня еще № 5 «Интернациональной литературы» (за 35 год) да раньше — № 3 (недостаёт №№ 1, 2, 4, 6, 7). За этот год не прислали еще ни одного №.— позвони, пожалуйста.

С комнатой здесь для Ел. Н. пока ничего не вышло; хозяйка не хочет сдавать «угол» для ночевки, а говорит: «Я же предлагаю всю комнату»: поэтому на ночь Ел. Н. по-прежнему уходит. Если хозяйка спросит: когда мы возьмем? — мы решили ответить — «а когда же Вы дверь заделаете? и какую мебель дадите?»

У меня появилось какое-то дикое чувство: когда я складываю твою (мою — новую, самодельную) карточку, я начинаю бояться, что, вот, сию минуту умру, не успев разложить, и тотчас всё снимаю,— пренеприятное чувство, и. очень жалко, потому что эту твою карточку я очень люблю (и был страшно рад, что и тебе она понравилась, а я боялся, ты ворчать будешь...). Но тебя живую люблю гораздо больше и целую живую и настоящую! Да?.. Твой.

№ 41. Л. Г. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 V 5.

Итак, мой славный, золотой Норик, в последнем письме ты обещала писать «регулярно и часто»... Что же? Обиделась, что я не пишу? Не допускаю и мысли такой. Страшно занята? Хандришь? Ох, уж мне твоя хандра!.. Буравит сердце! И уже по этому одному ты должна бы почаще улыбаться,— ведь буравит-то от одной любви к тебе, которая, право же, заслуживает с твоей стороны улыбки: если и не очень веселой, но все же твоей нежной и мягкой улыбки! Ну, улыбнись же мне! На карточках, которые ты прислала, ты ведь улыбаешься все-таки (кроме сонной),— я выбрал и в рамку вставил с кошечками. С каких пор Володя увлекается этим занятием?

Спасибо за поздравление и подарочки к 7/1V. Твое письмо — единственное — пришло очень удачно: с утра именно 7-го. Посылка — на следующий день. Шилером ты мне очень угодила: самое теперь умилительное чтение, и так хочется, «чтобы все это было», как казалось в детстве,— когда читал что-нибудь трогательное,— что «так оно и есть»! Щеточка так очаровательна, что держу ее, как игрушку,— не хочется пускать на утилитарные цели. Снимок с Пиранези¹ — восхитителен. И как ты угадала мой вкус! Я люблю Пиранези и очень много его видел, но такой гравюры не помню, а если бы видел, не забыл бы. Как она должна быть хороша в своем настоящем виде! Все, • что мне нужно: нагромождение, скалы, водопады. И даже то, что у него обычно не удовлетворяет меня, здесь как бы преодолено: его рассудочность и, вследствие ее, неодушевленность

неодушевленных предметов. В природе нет ничего неодушевленного, его не должно быть и в искусстве. Неодушевлены в точном смысле — только машины; и я не видел художественного изображения машины, — если она не превратится фантазией художника в чудовище, в гротеск — страшный, но тогда — живой (как у Дикенса в «Hard times»² — чудовищные слоны, качающиеся огромными хоботами). Но зато на этой картинке Пиранези есть человечки: длинноногие, малоголовые, совсем, как у Кало³. Хотелось видеть и даже иметь эту гравюру в ее естественном, авторском виде. А ты видела мои Пиранези? — у меня их — четыре; одну-то ты, наверное, видела, она у меня висела на Долгоруковской: Колизей. Описание театрального диспута мне было очень, очень интересно: и само по себе, и в особенности потому, что я сопоставил его с газетными отчетами и, думается, более или менее правильно представляю себе всю картину.

1 Пиранези Джованни Баттиста (1720-1778) — итальянский гравёр.

2 Тяжелые времена (англ.).

3 Калло Жак (1592-1635) — французский график.

Все, что было в моей жизни за это время, ты знаешь или можешь в подробностях узнать от Марины. Как-то странно, что я чувствую тебя здесь — все-таки ты здесь побывала! — и в то же время не могу рассказать ничего, что ты могла бы представить себе вполне конкретно и наглядно: очень уж короткую минутку ты пробыла здесь. Постепенно привыкаю и к этому месту, хотя енисейского уюта не вернуть, как не вернуть и красот Енисея — и не заменить! Вникнуть, как хочется, в вокруг-томскую природу будут мешать расстояния, а пока — просто не допускает климат, который хотел бы сыграть под «психа», под нашу енисейскую Дину, но ведет свою роль плохо: переходы от истерического ветра к депрессивному холоду и к накаливанию времянки — не мотивированы и не художественно внезапны; а чувство ритма — такое же, как

у молодой коровы. 2-го мая я выходил без калош; по солнечной стороне было сухо (хотя под окнами у нас,— север, как ты помнишь,— груды снегу и льду, так что из-под полу дует холодом), а вчера — хлопьями снег, к утру все покрывший ватным одеялом в вершок толщиной; сегодня — течь и невылазная грязь! Томь еще не тронулась.

Пиши, детка, как будешь посвободнее, и побольше о себе. Писать большие письма отнимает много времени, а ты положи на стол кучку открыток и заполняй мелочами из твоей жизни: мне хочется представлять тебя в «быту», а не отвлеченно. Изредка побалууй и большими!

Привет Володе, маме, Левушке, кому еще хотелось бы!

Целую тебя крепко, крепко, моя милая, моя близкая.

Твой Па.

№ 42. Н. К. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2. 936 V 6.

Дорогая моя, сегодня опять день без письма (последнее было — от 29/1V), да к тому же — выходной! Ел. Н. ходила за город (где мы до конца не дошли), на спуск к Томи: много мать-мачехи да две фиалочки, но она самой прогулкой очень довольна.

Опять потеплело, и даже куча перед нашими окнами пошла таять. Хорошо бы начать вставать пораньше да утром совершать маленькую прогулочку, как бывало лотом в Енисейске.

Пришли какие-то деньги, но не доставлены на дом, а только повестка: возня! (может быть, ГИХЛ'а, но много, 800; может быть, последняя порция? Узнай у Н. И.).

Целую всех и тебя. Твой.

№ 43. Н. К. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 V 7.

Золотая моя, сегодня кончил имевшийся у меня перевод; вышло minimum 4 1/2 листа. Отмечены письма для перевода наспех: важное и интересное подчас выпущено, ненужное оставлено. При просмотре всего, упущенное важное, вероятно, вставят, но за счет новых вычеркиваний из уже переведенного, что может нанести нам значительный ущерб, потому что при последнем подсчете примут к оплате только то, что останется после вычеркиваний. Предупреди Н. И. Я ей тоже напишу, но дважды — вернее.

Посылка твоя запаздывает; я был уверен, что получу сегодня.

Я думаю, что «Переписку Шилера и Гете» можно найти у букинистов в издании Deutsche Hand und Hausbibliothek. У всех букинистов всегда стояли скучными рядами томики этой библиотеки в темно-синих коленкорových переплетах; на корешках много и тесно наляпано золотом: в первом квадратике уже выписанное заглавие, потом № серии; № 20 и № 26 Deutsche Lit.,— потом заглавие Briefwechsel zwischen Schiller und Goethe, (и 2), внизу Collection Spemann (оба тома, значит, №№ 20 и 26).

В шубе, Натулик, я уже не хожу, ведь Ел. Н. привезла осеннее, но если еще похолодает, то снимусь. Сегодня опять превосходная погода, снег под окном живо

уменьшается, а на почту ходил без калош (получил из ГИХЛ'а 855 р. 76 к.,— почему такая сумма? Значит,— в последний раз? Спроси Н. И. — это повторяю).

Дело не в Мишутке, которого, конечно, я был бы страшно рад видеть, а больше всего в Котике, которого страшно оставить одного, а затем и в Марго: и с Мишей трудно, и о Котике волноваться будет; кроме того, если приедет еще и Н. И., то — беспокойно, да и с Марго не побуду, как следует.

Разговор с Мишей¹ неудовлетворителен. Прежде всего куда девались утверждения, что пересмотра не было, а следовательно будет? Потом, что значит «затянет»,— больше, чем на 3 года 10 месяцев затянуть не может,— и значит не в этом дело. Надо прямо поставить вопрос, хоть Вы и чиновник этого учреждения, но скажите правду, есть шансы или нет, и как добиваться! Если шансов наверняка нет и все бесполезно, тогда только можно говорить о новом месте; при этом не замаривать до смерти льготами, а сразу то, что максимально возможно, где бы уже можно было устроиться до конца жизни.

1 Випавер Михаил Львович — адвокат, заместитель председателя Политического Красного Креста.

Тут никаких новостей, все же Томск лучше уже тем, что опять стал привыкать. Minimum Уфа, если нельзя Полтаву или Курск и т. п. Аргументация от специальности — двусмысленна: в Новосибирске и подавно (в том числе и Уфа и пр.) еще меньше приложения, чем в Томске,— а значит, что же? — Казань, Саратов, Воронеж? Если это — реальная аргументация, то работа по специальности возможна только в Москве или под Москвой; а какая-нибудь Уфа лучше Томска только в смысле большей близости к Москве (+ возможность устраивать угол до конца жизни). Жаль, что Вася² сразу не задал вопрос: есть

надежда на ликвидацию или нет? Но так или иначе (через Васю или кого другого) ответа на этот вопрос надо добиться прежде всего, а тогда и прочее — ясно.

2 Качалов Василий Иванович.

Гаврила³ прав, что тут принципиальность не нужна, но насчет «целесообразности» не прав: цель средства не оправдывает, наоборот, средства могут компрометировать цель; но тут суть в непосредственном чувстве. Когда ты принимаешь одолжение или просишь о нем, ты не можешь не иметь в виду морального характера того, к кому обращаешься; другое дело, когда ты обращаешься не к лицу, а к официальной инстанции, — там тебе нет дела до морального облика лица, там вообще нет лица, а есть место, которое занимает сегодня один, завтра другой, а можно посадить и просто палку в шапку, место останется местом. Так и здесь.

3 Гордон Гавриил Осипович (1885-1938?) — философ, действительный член ГАН'а, автор статьи о Шпете в словаре «Гранат», арестован в 30-е, погиб в лагере.

От разговора Васи прошло уже не 5, а двадцать 5 — и даже больше дней, но, видимо, всё на месте, раз нет телеграммы. Будем ждать дальше!

Ел. Н. ведь все таит и ни за что не скажет, довольна или нет, но мне кажется, огорчать я се не огорчаю.

Натулик, шей, конечно, что тебе нужно, но не забудь и про мои штаны и вообще летнее снаряжение.

За что ты Вильмонта⁴ ругаешь? Внешними манерами — вернее, манерностью, может быть, он и неприятен, но по существу он, кажется, порядочный человек. Будь терпимее!

Гаврила считает, что затея — неверна, но почему же все считают, что это возможно? Ел. Н. приводит пример: поговори с Ал. Ив.⁵

5 Не установлено.

Телеграммы Н. И. шлет Ел. Н., а не я. Хотел тебе послать телеграмму сегодня, но, может быть, завтра будет посылка, тогда — уж заодно.

Это верно, что с Н. И. мне будет легче при Марго, но мне с Марго при Н. И. будет труднее, потому что и без того приедет она (Марго) ненадолго. Письмо от Марго от З/У,— она хочет, чтобы я сам решал, приезжать ей сейчас или осенью,— мне кажется, что лучше осенью, но реши ты! Если Н. И. приедет, например, всего на неделю, то Марго — лучше теперь, а если они обе совпадут недели на три,— от Маргушечки у меня много отнимется присутствием Н. ИЛ Ел. Н. говорит, что не знает, на сколько времени собирается приехать Н. И., и предлагает, как и я, решить вопрос в зависимости от этого.

Ох, Сережа, Сережа! Думать мне страшно! Хоть бы сказал,— чего он положительно хочет?

Ел. Н. поправилась уже и считает, что несколько отдохнула! надеюсь, что отдохнет, как следует. Сегодня, наконец, она столковалась с хозяйкой и с завтрашнего дня будет ночевать здесь (за 20 р. — но сказала неосторожно: до конца ее пребывания, а значит — сколько в месяц неизвестно. Она считает, что если Н. И. сможет приехать в конце мая, то она тогда же уедет, потому что ей в Москве надо быть несколько раньше конца отпуска,— может быть, из-за Ольги Леонардовны?).

Письма ты пишешь такие хорошие, что мне жить — легче, но зато по тебе — еще скучнее! А все-таки осталось 43 дня, а когда получишь это письмо, останется всего 36 дней!!

Ой, только Сережку вытяни уж как-нибудь!..

От милой Маринаши очень милое письмо! Поцелуй ее от меня! Можно даже в лоб, если ей захочется! Скажи, что она умная: правильно поняла, что в моих письмах к тебе были вставки ей. Но скажи еще ей, что так же несправедливо: вот какая стала умная от умного общества, а лишь поумнела, и бросила это общество... среди льдов и кефира! Или в этом-то и сказалось поумнение?.. Скок, брик, фюить!.. Мери (она пишет: Мм-Эри!..) и Сара страшно горды письмом от нее, а Симмен вроде как ревнует: почему ей ничего нет (если, впрочем, ее каменноугольная душа способна к эмоциям вообще и к ревности в том числе)? Но какая несправедливость: бедная Сонечка Гэршевич рыдает, покинутая среди торфяников, жертва комаров и гнуси, одинокая Купавочка Иван-озера! Ах, ах!.. Завтра же вот этим ножиком к этому месту этого горла!..⁶ Норе написал уже: Маринаша — первая в очереди,— если не будет командировочных, транзитных и военных...

6 Добродушная ирония над экспансивной хозяйкой квартиры в Енисейске. Она грозила самоубийством всегда с конкретными деталями: где, когда и каким образом. Сонечка — ее дочка.

Ну, зуб свой сама расписала: щека, как волейбол, — а теперь сама же мне зубы заговариваешь! Что Михайлов⁷ говорит?

7 Зубной врач, лечивший еще девочкой жену Шпета, а потом — и всю семью.

«Несколько человек» было и раньше,— почему же до сих пор не казалось тебе не «логическим» отстаивать себя?

Если я правильно понимаю причину волнения Марго, то все — плохо, и везде одинаково плохо! Тюмень — не лучше, а, может быть, еще хуже: ведь она — на главной ж.-д. магистрали. Не лучше тогда и в самой Москве, — может быть даже всего хуже! Нет, если «ничего лучше», то уж — лучше Уфа, если невозможны Полтава или Калуга. А за Уралом все-таки, может быть, Томск — лучше других.

Спасибо за разрешение раздражаться не «по мелочам», — теперь все будет главное.

Целую мою золотую, мою ненаглядную!

Как есть Твой собственный.

Сегодня получил № 4 «Интерн, литер.», за 1936 г., но ни одного из первых трех не получил еще!

Получил сейчас посылку, посланную 26/IV!

№ 44. Н. К. и М. Г. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 V 9.

Золотая моя Натуля, письма от тебя есть, и жить — веселей, но не слишком: 1) Маринино отсутствие очень чувствуется не только из-за нее самой, но и из-за тебя: очень по тебе тянет, а при Марине в таких случаях поговоришь, и легче, тем более, что она это очень поддерживала; 2) Твои письма очень серьезную тревогу вызывают во мне по поводу Сережи. Что значит, он «уходит из дому» чуть что? Куда же он уходит? В какой, в чьей компании ищет он утешения?.. Кто ему — советчик в его «думах»? Очень боюсь. Тебе, прежде всего, надо самой смотреть за ним в оба и всячески стараться не

потерять его доверия. Затем, обязательно поговори с Ан. В.¹, постарайся дать ей понять его внутреннее состояние, не скрывай ничего. Может быть, она сумела бы поговорить с ним и убедить его додержаться до конца школы. Подробно и серьезно поговори о его нервности,— может быть, его могли бы, как Марину, освободить от экзамена? Кроме того, привлеки Марину,— может быть, она сумела бы поговорить с ним и поддержать его дух (кстати, и ей самой это было бы на пользу).

1 Анна Васильевна — класный руководитель Сергея.

Сегодня хорошая погода и ходил с Ел. Н. на Воскресенскую гору, но мне легче сидеть дома: очень на этих прогулках хочется тебя видеть около себя!

Гегель — пока не надоел — просто увлекает, иные фразы сперва разгадываешь, как шараду, а потом хочется передать так, чтобы понятно было. Сейчас идет самое трудное: «Введение»,— потом пойдет все легче. Во «Введении», по моему изданию, 50 страничек: и кладу на это месяц. Останется 470 стр.; если считать тех же 2 стр.,— что будет совсем нетрудно,— то потребуется 235 дней, т. е. 8 месяцев *maximum*; значит, этим темпом к февралю должен кончить, а срок — 1 апреля.

Маринашечка переписывает прямо замечательно! Даже почерк стал чудный: увы, сдаюсь, лучше моего!.. Значит, не совсем забыла и покинула своего старичка среди... пригорья, подгорья и загорья! А у меня с Маринашечкой беда приключается: с каждым днем — не легче, а, наоборот, вспоминаю ее все больше и нежнее, а больше — только скучаю. Куда весело было бы теперь побродить с нею! Прямо жаль, что на лето-то и уехала! Не представляю себе тоже, как без нее здесь зимою буду... Ну, вот, опять письмо выходит ей, а на отдельный

листочек не попадает. Но, Маринашечка моя, тебе же важнее прочесть и знать, чем повертеть в руках бумажку! У меня тут освободилась коробочка такая же (чернослив там был в ней), и Ел. Н. предлагает так же оклеить, а мне не хочется без Маринаши...

В твоём письме, Натуля, вложена бумажка: на одной стороне — 4 строки, и срезано, так что на ней полфразы обрывается: «Все эти советы меня, конечно...», — а что дальше? и почему ты отрезала? А на другой стороне: дала Сереже Шопенгауэра, — почему он им заинтересовался? Откуда он узнал о нём? И что именно ты дала? Вероятно, он не справится. Пусть пишет мне об этом.

Полочку повесил над нашей книжницей (над ящиками). А теперь ещё придумал: над дверью — бутылки убраны — приделал доску (от ящика), получилась чудная длинная полка; другую доску — с упором одной стороны на раму двери — протяну до стены над вешалкой, — красота неопишная! И можно хоть все ящики убрать, но Ел. Н. говорит: жалко. А мне-то жалко, что все это — без Марины; мы бы с ней поскакали весело, а теперь — там пенсне на носу у Ел. Н. скачет, — мало толку: наши скоки были веселей, изящнее и полезнее...

Сегодня на улице встретил Мишу: ему Муся² писала, что на его имя придут Шилер для меня и все такое. Я сказал, что толком ничего не знаю, а когда выяснится, мне напишут.

2 Петровский Михаил Александрович (1887-1937) — сослуживец по ГАХН'у, сосланный в Томск по одному «делу» со Шпетом. Муся — Мария Васильевна, жена брата Петровского — Федора Александровича.

Но как быть с 1 томом, который у меня: передать его Мише или выслать в Москву?

Напрасно ты передала Таухница Абр.; я думал, Таухница ты мне устроишь, а ему хотел подкинуть Робертсона.

Я не рассчитываю, ни при каких условиях, выбраться из Томска раньше осени; но чтобы осенью что-нибудь вышло, надо начать все раньше. Он сказал: «Можно надеяться на минус подреж. города»³. Что значит это «подреж.»?.. Никак не могу разгадать: труднее Гегеля пишешь! Да еще добавляешь: «Это нас вполне устроит». Только интригуешь: расшифруй.

3 «Подрезанные города» — города, где не разрешалось проживание ссыльных.

Я просил проверить: в ящике карельской березы на письменном столе был клочок бумаги, из которого видно, что я признан инвалидом такого-то года и числа; поищи, потому что других документов у меня нет (отдано в Хрустальный⁴), и при случае у нас ни документа нет, ни даты мы не знаем, чтобы получить копию.

4 Переулок в Москве, где помещалась организация, назначающая «академические пенсии» (разновидность «персональных» для научных работников).

У меня тоже издание Lasson'a, но 1907 г.; вероятно, перепечатка,— посмотри на титулблате: если есть дополнения и изменения, то должно быть отмечено (у меня: Philosophische Bibliothek, Hand 144... Jubiläumsausgabe. In revidert<неразборчиво> Text<неразборчиво> mit einer Einleitung versehen v. Georg Lasson⁵), если без перемен, то мне не нужен. Но у кого же был Голанд?

5 Философская библиотека, выпуск 114... Юбилейное издание. Текст сверен . С предисловием Георга Лассона (нем.).

Натуленька, не унывай и духом не падай. Завтра 10-ое: остается 40 дней! Целую и люблю.

Твой.

Маринаша, а ты ездила уже в метро? За сколько мест с тебя берут: за одно или за три?.. Или ты от тоски по мне уже похудела? Отчего никто не написал, какое впечатление сделала Маринашина кустодиевность⁶?..

6 Намек на то, что Маринаша поправилась на 2-3 кг, при обычной худощавости, но круглом лице.

№ 45. Н. К. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2. 936 V 10.

Дорогая моя, пришла и вторая посылка,— очень аккуратно. Спасибо. Рыбец — очень вкусно, поели сегодня же; сыр — еще лучше. Из книг, не понимаю, зачем прислала Дашкевича «Романтика Круглого стола»? Разве я просил? Зеленый шарф очень измялся,— не знаю, отойдет ли? За прочее за все спасибо! Да, почтовой бумаги моей — очень мало, а эта — в пачке — ужасна; это не для писем, а для каких-нибудь счетов в бакалейной лавочке!

Во 2-ом томе «Переписки Шилера и Гете» отмечено к переводу всего 8 листов, из них Шилера — 3 листа, из 1 тома я перевел 4 1/2 листа, да эти 3, будет 7 1/2 листов,— это всё, что мне полагается? Кто переводит Гете? Всё — Миша, или кто-нибудь делится? Как? Что переводит Наталья Ильинична? Постараюсь эти три листа не задержать.

У нас опять холод, хотя Томь и тронулась.

Целую.

Твой.

№ 46. М. Г. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 V 11.

Драгоценная моя Маринаша, эту бумагу мамуля выдумала, чтобы писать письма самым близким: свои, мол, всё проглотят! Глотай и не ворчи!

Чудно писать тебе, когда нам дано разговаривать, и на то есть язык и уха (без налимьей печенки). А вот, приходится язык запрятать в консервную коробку, а уха... уже кислым пахнет! Решил освободить мамулю от обращений к тебе, потому что она считает их глупостями, а начну на отдельном листочке заносить специально для тебя свои глубокие мысли, а ты — питайся ими и таи! И вот тебе первая глубокая мысль: глубокие мысли, чтоб, оступившись, в них не проваливались — надо содержать на поверхности бумаги, что я и делаю.

У нас холодно и снег больше, чем на вершок, — совсем вид зимний, только сугробов нет в рост Сережи Шторха и величиною с Сережишторхину голову; даже в комнате посветлело, — как на свадьбе! А вот тебе и вторая глубокая мысль: приятно видеть снег в середине мая, — появляется надежда, что в середине января можно будет покататься по Томи — не на коньках, а на лодке. Дальше перестая из технической экономии нумеровать глубокие мысли, потому что, когда их будет больше миллиона, получится большой расход мамулькиного papier a lettres¹, (по-твоему, наверное, papier d'emballage², а по-моему, — потому что, я знаю, мамулька скажет, что он становится d'emballage после моего исписания его! — так вот, чтобы не дать ей сосстричь — от глагола «остричь», а не от глагола «состирать», то есть «стирать» что-нибудь вместе с кем-нибудь, как может мамулька подумать на основании ниже — а оказалось: выше! — следующего: по-

моему, *papier emeri*³). — Если запутаешься в синтаксическом строе этой глубокой мысли, спроси разъяснений у Тани-кижички⁴, а если запутаешься во французском наборе, спроси, что куда класть, у Тани-францужанки.

1 Почтовая бумага (фр.).

2 Оберточная бумага (фр.).

3 Наждачная бумага (фр.).

4 Дочь Татьяна в то время училась в КИЖ'е (Коммунистический институт журналистики).

Это всё — о глубоких мыслях, а если среди них будут попадаться и великие,— а это, наверное, будет, то нумеруй их сама. Для начала коллекции — вот тебе одна: ты пишешь, что, когда Сережа Шторх совершал за городом Кузнецком ботанически-поэтически-гигиенически-моциональную (без «Э»! — это не описка!) прогулку, он «обнаружил (каналы скрывались!..) цветы с него ростом, а головку цветка со свою голову (а целую шапочку ветерком — ау! — и слизнуло!)». Вот, мне и пришла в голову великая мысль: я знаю, какие это были цветы — у нас на Украине есть целые поля, покрытые такими цветами, это,— не торопись, сейчас узнаешь,— только переверни страничку! — подсолнечники!⁵

5 На полях письма рисунок: человек среди высоких подсолнухов.

Передай ему (Сереже, а не подсолнечнику) привет и скажи, чтоб не доказывал чего-нибудь опровергающего, потому что это только будет значить, что в Кузнецке его (уж не Сережу, а подсолнечник) иначе называют, например, Гелиантус (*Helianthus*⁶), если Сережа гулял, скажем, с образованными американцами, потому что, как тебе известно, этот чудный цветок выдумали американцы, а не немцы, и уже позже (в XVII веке) в нашей стране нашли для него техническое применение и стали из него выделывать семечки, а лузгать их — уже

наш прирожденный талант, изощренный до гениальности уже нашими отдаленными предками послеледникового периода — за нашу планету он (не Сережа и не подсолнечник, а космический лучоид) отвечает,— которые до ввоза <подсолнечника> в Европу и в Азию упражнялись на кедровом утиль-сырье! Конец страницы!

6 Подсолнечник (лат.).

12/V продолжаю. Тебе, наверное, хочется новостей из нашей жизни, но нет ничего столь выдающегося, что о нем стоило бы писать, а каждодневные новости так похожи, что умирают уже в день своего рождения. Пожалуй, впечатление произвело на нас, что стахановец⁷, получив по 5 р. для каждой из дочерей, им и отдал эти пятерки! Зато на следующий день не оставил денег на обед, за что, впрочем, к обеду ничего кроме картошки не получил, которую и поглощал в полном благодушии, а потом со всем аппетитом и вкусом чихал: ап-чхи! Мерю пилит каждый день, но у нее характер вполне отвечающий здешней погоде: слезы сменяются солнечной улыбкой, а ветер свищет и при том и при другом; вот, только слезы у нее не валятся хлопьями снега на землю, но это, я думаю, от того, что они льются в кухне, а не в сенях, в кухне же температура поддерживается чуть выше 0 благодаря пламени моих папирос и огню спичек (которые, кстати, перестали пропадать; появилась кошка у нас, Гальяка, и мыши исчезли!.. Да!..). По тебе скучаю: всё то, да не то! А с Елизаветой Николаевной вполне хорошо будет, наверное, в июле, когда мухи бывают,— не потому, что она начнет из них слонов делать,— как Леон «у ковра»,— а по другой причине, угадай сама,— какой? У нас появилось достойное тебя монпансье: является сюда, представляется: «А Маринаши нет!» — «Ах, как жаль,— может быть, Вы примете?» Пришлось!

Сейчас перечитал твои письма, которые ты мне на отдельных листках посылала. На многое хотелось бы ответить: и поострить, и всерьез, а проходит время, и новые злобы дня, и по новому читаются даже недавние письма! Серьезнее всего мне хотелось бы побеседовать о Л. Н. Мне приятно, что упоминаешь о нем,— значит, не хочешь, чтобы я остался вовсе в стороне от этой твоей и боли, и радости. Но жаль, что мы не сумели разговориться об этом, а тем более трудно входить в подробности в письмах. Мне мама говорила кое-что о твоих сомнениях и колебаниях,— вероятно, больных и мучительных,— но, во-первых, не всё, а, во-вторых, в преломлении своего понимания. Пусть и я воспринял бы тебя по-своему, но все же это было бы непосредственное восприятие, и мне кажется, оно дало бы мне больше. Но в какой бы близости или в каком бы отдалении ты ни держала меня, ты знаешь, что я хотел бы быть всегда около тебя. Пиши, что найдешь нужным и возможным, буду стараться понять и принять. Во всяком случае, полностью твое сердечко никому принадлежать не может, потому что на некоторую долю его я претендую, а какую долю ты мне уступишь, это зависит уже не от моего желания, а от твоего отношения ко мне в целом.

Спасибо, милая, за списки: поражен аккуратностью,— можно подумать, что какой-нибудь математик решает свои задачи (это я — чтобы не сравнивать с бухгалтером!). К удивлению, переложено и напутано меньше, чем я ожидал. Когда разберусь, напишу, как с чем поступить. Бросилось только в глаза, что на месте 2-ой том Имермана («Мюнхаузен»), а 1-го нет. Пожалуйста, проверь и поищи! «The nest of the sparrowhawk»⁸ и не пробуй читать: будет трудно, потому что там много «местного» говора; ищи лучше Конан-Дойля. Я посмотрю, как написана одна из книг, которые мама прислала; если легко, я перешлю тебе. Спасибо за подробности о Тане,

Сереее,— чем больше «мелочей», тем яснее представляешь: и стихи, и бас, и пр. Сереее или Таня «в бок» и т. д. Мы с тобой, кажется, тут договорились и понимаем! Пиши побольше, не жалея и мамулькy: ее я тоже хочу видеть «живой». А если она заскучает, развлекай, пофинтили.

8 «Гнездо ястреба» (вольный перевод с англ.).

Среди спальных книг⁹ должна быть книжечка с рассказами Пруста, которой мама не могла найти; отложи для меня до ближайшей посылки. Цветочки себя начинают уже выказывать¹⁰, как видишь (скажи мамуле, чтоб она не ворчала, дойдет очередь и до нее; а тебе — первой, потому что ты с декабря ждешь!). Очень я рад, что ты умеешь быть в дружеских отношениях с Серееей Шторхом (хоть ему от этого не легче). ... А без тебя скучно!..

9 Имеются в виду книги, лежащие на столике около кровати.

10 Шпет любил вкладывать в письма засушенные цветки.

Целую крепко и нежно.

Твой Па.

№ 47. Н. К. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 V 13.

Дорогая моя, письма от тебя нет; вчера Маринино письмо столько заняло времени, что не успел тебе написать, так что не жди. Погода все дурит: днем был ветрище, а к вечеру стало лучше. Вышел пройтись в ветер и жалею: вернулся с насморком; сразу же накапал адреналину, и стало лучше, но голова в тумане. В Томске, оказывается, такое обилие книжных магазинов, что маленький Когиз

совершенно излишен и закрылся,— хорошо, что я успел купить в нем книгу о курах для тебя!

Когда истечет пятидневный срок, в который Васе обещали ответ по поводу денег Academia? Выпиши мне 19 стих из главы 5-ой I послания Иоанна, там должно быть выражение: «возле лежит»¹,— мне нужен контекст, так что если что-нибудь поясняют ст. 18 и 20, то и их выпиши.

1 Игра слов. У Иоанна: «... мир во зле лежит».

Целую всех и ото всех жду писем.

Твой.

№ 48. Н. К. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 V 14.

Золотая моя, какая-то путаница в письмах: у тебя два помечено 5/V, два 8/V и одно 9,— значит, нет 6/V и 7/V? И в доставке: штемпель 9/V, доставлено 12/V. Абсурд!, а сегодня 2: штемпели 8/V и 10/V!

Погода надоела до смерти, хотя как раз сегодня лучше, но то же — утром солнце и тихо, потом ветер, потом опять хорошо. Сегодня прошелся с Ел. Ник. на реку,— где с тобою не ходили; это выходит намного лучше: нет той тоски, как проходить по местам, где мы были с тобою... Так как тебя этот вопрос волнует, то сообщаю — был сегодня в бане.

№ 6 «Интернациональной литературы» за 35 год все еще не получил (а как же за этот год? Ты справлялась? Я получил только № 4).

О Соф. не понимаю: кому «хвалили» меня — ей?.. Или ему? Но как она узнала, она же еще не видела его.

С Ел. Ник. все хорошо; даже кричит меньше,— я несколько раз останавливал (мягко). Из чего ты взяла, что я при ней ворчу на Н. И.? вначале говорили — пока посылки не пришли — а теперь никаких на эту тему разговоров нет.

Рано начали водить Сережу по пивным; я начал ходить много позже.

Какую книгу Марков¹ оставит Н. И.? И почему она сама послать не может? Впрочем, от тебя надежнее, а то пролежит у нее два месяца; впрочем, еще «оставит»...

1 Не установлено.

Не пойму, почему Абр. откладывает разговор с Луп.² до получения ответа о деньгах Academia,— какая связь? Ведь ответ был «через 5 дней», значит, его и не будет больше! Не понимаю, почему перевод Марго оказался плохим! Она переводит старательно и с толком, да и редактировала же ей Н. И.,— если даже думать, что домашняя суэта мешала. Но раз книга все равно не идет,— практически не важно; а 100 рублей все-таки заработала.

2 Луппол Иван Капитонович (1896-1940) — историк, литературовед; главный редактор ГИХЛ'а. В 1940 арестован и расстрелян.

Как-то непонятно ты написала про разговор с Анной Васильевной. Ой, как хочется, Натуленька, чтобы Сережа только дотянул благополучно. Неверно, что у Сережи — самый «переход»; его переходность уже кончилась, а вот во время ее он попал на какой-то неудачный путь,— как-то ему удастся сойти с этого пути? Ужасно, что как раз на это время пришлось влияние Л. Н.!

К главному лучше пойти, но если не соберешься, то просто купи очки со стеклами минимального №'а. Сколько лет Ольге Ивановне³? С желудочным раком недолго

протянет, хотя она и стальная!

3 Не установлено.

Хозяйка сдалась, и Ел. Н. спит в комнате девочек; за 20 р., но неясно: в месяц или до конца ее пребывания здесь (что выйдет меньше месяца). А как быть с Н. Ил. — на тех же условиях (т. е. спать и утро, пока я не встану) или лучше совсем снять ту комнату? Как твое мнение? Я уже склоняюсь, что лучше ту комнату взять только на лето, да вот, может быть, еще на июнь,— всего на 3 месяца. Жили же мы с Мариной в одной, а зимою — когда будут — то все свои будут; а теперь с этим бюро — полная изоляция: я, пока не выйду из-за него, не знаю, читает Ел. Н. или пишет или спит ли столом (поспать днем тоже уходит в ту комнату). А может быть, и на зиму оставить, как сейчас, то есть только с правом ночевки? Продать Толстого — правильная мысль; сколько у нас томов? Спроси Досю и Климова⁴,— сколько дадут?

4 Московские букинисты.

У тебя странное представление: то я ворчу на Елизавету Николаевну и обижаю ее, то все рассказываю ей,— нет ни того, ни другого. 10/V от Сережи записочка, скажи ему, что очень приятно было получить. Я не знал, что по нескольким предметам не будет экзамена; очень этому рад,— все меньше тревог. Спроси Сергуна, зачем он со мною кокетничает, спрашивает,— может быть, я не хочу, чтобы он приехал? А, вот, хочет ли он?..

Я не уверен, что из разговора с С. И. что-нибудь выйдет, но хорошо и то, что был корректен и что тебе не неприятно было говорить с ним. Но почему может быть «нельзя» именно «Коперфильда»? Надо добиваться именно его,— не только потому, что это самый приятный для меня, но и материально: он будет переиздаваться больше всех. А все-таки ты у меня — молодчина, я это всегда говорил и думал!

Аристотель на № 12, 7 полка; все по психологии его и о ней, *de anima*⁵ должно стоять вместе; издание Hicks'a было у меня,— это самый хороший (греческий) текст, с комментариями; был у меня и Rodier, *Psychologie d'Aristotel* была, но кое-что из этого я продал; что осталось, точно не помню; если есть, дай Пате⁶, но записывай особо всё, что даешь,— это страшно легко забывается и путается. Не понял,— что значит, что Соф. похожа на Сашу⁷? При каких же условиях, по отношению к кому? Обязательно сейчас же напиши, что подарить Марине ко дню ее рождения,— если сразу ответишь, успею получить до поздравительного письма Маринаше. И напиши, что хотелось бы Сереже,— пусть есть еще время. Набралось много мелких поручений, но о них в другой раз. Целую мою драгоценную, мою любимую, мою!

5 О душе (гр., лат.).

6 Попов Павел Сергеевич (1892-1964) — литературовед, историк философии, с 1923 действительный член ГАН'а. После его женитьбы на Толстой Анне Ильиничне, внучке Л. Н. Толстого, сблизилась и дружили семьями.

7 Габричевский Александр Георгиевич (1891-1968) — искусствовед, переводчик, действительный член ГАН'а. Ученик и до ареста большой друг Шпета. В 1935 в НКВД проходил по одному делу со Шпетом, М. А. Петровским, Б. И. Ярко.

Твой.

№ 49. Н. К. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 V 16 утро (так что собственно «вчера»).

Дорогая моя, вчера письма не было; открытку вечером не успел написать, но ведь отправили бы все равно утром. Сегодня письмо от 7-го! Надеюсь, будет еще днем,— вечером отвечу.

Наша грандиозность: наконец приличная погода; река почти прошла, и есть надежда, что погода установится. Поэтому выставили одно окно; со свежим воздухом сразу другое самочувствие (снегу осталось под окном — горсточка, и воздух идет теплый). Радостно вливаются звуки жизни: чириканье воробьев, петухи, лай собак, даже мычанье коровы, детские голоса, блеяние козы... К сожалению, ко всему присоединяются, хотя и очень издали идущие, — зловещее завывание радиосифилитика да тупое пыхтение самолета.

Сегодня еще письмо от Марго (тоже от 7-го); она, по-видимому, решает ехать сейчас; если ей теперь удобнее, я не возражаю; но подробнее об этом вечером.

Целую всех и тебя.

Твой.

Почта пришла (12 ч.), а писем нет.

№ 50. Н. К. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 V 16.

Золотая моя, только что отдал открытку Елизавете Николаевне и она ушла, как почувствовал какую-то неудовлетворенность: не открытки хочется писать тебе и даже не письма... Хочется, чтобы ты была со мною. В дурную погоду тоска, и ты нужна, чтоб заслонить ее, а вот, в такую радостную — ты тоже нужна, потому что без тебя это далеко, далеко не полная радость. И не знаешь, — когда же «тянет» больше? Как могут вообще совершаться какие-то вещи, — пусть и однодневной жизни, — без тебя; что-то приходит и уходит, а ты не присутствуешь, и все это приходит и уходит без тебя.

Бессмыслица! Совсем, как у Белого: «Бессмыслица дневная Сменяется иной — Бессмыслица дневная Бессмыслицей ночной...»¹

1 Из стихотворения «Телеграфист» (1906-1908).

Ждал днем еще письма, но ничего не было; а это — от 7/V — запоздавшее почему-то. И от Марго; она отвечает на мое письмо по поводу неустройства и беспорядка ее жизни. Я думал, что предыдущее ее письмо, на которое я, собственно, отвечал, было написано под влиянием настроения, но теперь она так подробно разбирает каждый аргумент и так серьезно и так неубедительно, что убеждаешься только в бесполезности разговоров на эту тему. Кроме того она опять спрашивает, — ехать ей теперь или нет? Но ведь отвечать уже поздно, — как назло и письмо ее запоздало. И я ей писал посоветоваться с тобой и решить, как ты посоветуешь. А из твоего письма видно, что ты за то, чтобы она ехала сейчас (вместе с Н. Ил.). О чем же больше спрашивать? Почему ты все-таки убеждена, что с Н. Ил. я буду «ссориться»? Напрасно ты думаешь, что Ел. Ник. я считаю «идеальной», очень многое меня «раздражает», — но не ссорюсь же я с ней. Надеюсь, что и с Н. Ил. все сойдет благополучно, если она уж слишком не начнет мудрить. Я боялся другого: что свободное время все-таки придется проводить втроем, а, значит, с Марго лично, как следует, и не повидаюсь, не поговорю. Я уже думал, что если бы Н. Ил. ночевать, как Ел. Ник., в хозяйской комнате (то есть не снимать ее полностью, а платить те же 20 р. за ночевку), а Марго — со мною, — тогда можно было бы хоть перед сном поговорить, но Ел. Ник. сама так решила и находит, что ей так удобно, а предлагать то же Н. Ил. — неудобно. А если комнату снять полностью, то даже на ночь Марго будет уходить, так как там места больше, да и для Марго все-таки менее стеснительно раздеваться и спать с нею в одной комнате. Но, в конце концов, раз ты пишешь, что тебе так «приятнее и

спокойнее», то так и сделаем. А почему ты, воздерживаешься от решения вопроса о Мишутке? Видеть его мне очень бы хотелось, но боюсь я, очень утомительно будет; да и как же Марго? Ведь оставлять его одного нельзя,— значит, он или при нас всех будет, или Марго с ним сидеть будет.

Я тоже думаю, что Мариноша сдастся; разве только он какой-нибудь грубый промах сделает,— она все-таки теперь гораздо чувствительнее к его грубости. Почему же, собственно, Таня не хочет дома обедать? Разве ей это дешевле выйдет, раз, все равно, она собирается что-то давать тебе? Определять же, сколько она должна вносить, конечно, очень трудно. Попробуй сказать, пусть платит, сколько может, но только пусть назовет, чтобы ты могла рассчитывать. Юзефовского², конечно, можно выслать и позже; я забыл, кстати, его фамилию, Таня знает, напиши мне (и имя и отчество).

2 Имеется в виду Юзовский Иосиф Ильич (псевдоним Ю.Юзовский, 1902-1964), театральный критик,— см. письмо № 34.

Теперь вот такая просьба: найти на № 17 Гегеля «Логику», русский перевод Дебольского, в трех книжках, не переплетен — в серой обложке (хотел было через тебя навести справку, но это сложно; да еще, верно, не раз понадобится); очень нужна была бы она мне и по-немецки, но у меня собственной нет (я брал у Челпанова³, но теперь этот источник закрыт); есть у Софочки⁴,— но даст ли она? А может быть, есть у Павла Сергеевича? Но это можно передать с Марго,— во всяком случае, не заказной бандеролью (книга — очень ценная). И для развлечения спроси в туристическом магазине, нет ли шагомера (если недорого),— Сережа уверял, что они продаются (в свое время мы с Челпановым покупали такие шагомеры в Берлине за какие-то гроши,— может быть, челпановский остался и не нужен Н. П.?).

3 Челпанов Георгий Иванович (1862-1936) — философ, логик, психолог, учитель Шпета по Киевскому университету. Н. П. — его жена.

4 Э. Э. Понтович, муж Софьи Викторовны, много занимался философией.

Погода продолжает быть хорошей; только вдруг сорвется ветер и утихнет через 1/4 часа.

Люблю неизменно, целую и жду.

Твой.

Твое желание, как видишь, исполнил: 11/V был такой холод и снег, что я выходил в зимнем; но получилось нечто несусветное! Даже фотографии в Енисейске лучше! (Со срезанными полями, мне кажется, все же лучше.) Ел. Ник. я не говорил, что снимался; и ты не показывай никому этого уродства⁵!

*5 На полях письма приклеена фотография 3*2 см.*

№ 51. Н. К. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 V 17.

Золотая моя, только порадовался вчера за тепло, как сегодня опять холод; только вчера Елизавета Николаевна уложила с нафталином шапку, а сегодня пришлось вытаскивать ее, даже зеленые <неразборчиво> разыскали, и я сижу в них! При таких условиях не успеешь за лето и отогреться! Письма от 12-го и 13-го (сегодня 17-ое), зато нет от 10-го и 11-го. Да, перед домом снега нет, а во дворе кололи лед — толщиной местами в поларшина.

Твой цветочек — не «подснежник», а анемон, и у него всегда такой пушок: «По лесным проталинкам, Важен и

смешон, Ходит в теплых валенках Первый анемон». Правильно, эта самая книжка: Gabler, а издание 1827 или 1901 г. — все равно; речь идет об одной книге, и спроси просто: Gabler, Kritik des Bewusstsein¹, — Vade mecum пишется и в два слова, и в, одно (как заглавия некоторых книг), но, собственно, их здесь три: vade cum me.

1 Критика сознания (нем.).

Я отлично понимаю, что когда все против, то у тебя энергия должна упасть. Если ты еще не убедилась, что тебе (как старались и мне) нагнали, и что на самом деле пересмотр был, и потому-то теперь нельзя подавать. Если ты не окончательно в этом убедилась, то остается одно — поставить М. Л.² вопрос прямо: почему сейчас нельзя подавать? Если скажет опять увертливо — надо подождать более подходящего времени и т. п., то ответ: мы желаем обратиться не к настроению, а к законным формам, и от Вас ждем не психологических соображений, а юридических; не крутите, а скажите прямо: это безнадежно,— и мы не будем терять времени и сил; если сейчас нельзя, то когда можно,— через неделю, через год, через два или три. И опять дело не в настроении, а в юридическом основании; для нас это вопрос практический: а) как сейчас устраиваться — на месяц, на год, три или пять; б) когда ликвидировать библиотеку и пр. (сейчас же, если все безнадежно, или подождать, если можно обернуться); с) как быть тебе самой, снаряжаться к жизни в Томске или иначе как-нибудь. А если ему нужны непременно психологические соображения, то у нас есть только одно: лучше иметь отрицательный ясный и обоснованный ответ, чем трепка нервов откладыванием и неопределенностью. Это половина дела, а другая — буквально все то же повторить Васе или Абр.: основное — безнадежно или нет, затем — когда и почему так; если Абр., то пусть сам назначит себе срок и если в этот срок он не сделает, от его услуг отказаться (деликатно об этом предупредив); если Вася, то имей в виду, что 26-27 они

уезжают в Киев, и значит — прощайся! Это надо сделать, а затем сложить оружие; не к чему терять силы, их у нас немного, лучше лишний месяц проживем вместе.

Советников, рекомендующих отложить и не приводящих оснований иных, кроме того, что надо выждать и пр., прямо в лицо спрашивай: зачем же вы вдали раньше, что пересмотра не было и он возможен? Мих. Ив.³ это не пересмотр, а помилование. (Да еще дополнительно можно вставить и в 1-м и во 2-м случае: раз это возможно оказалось для Саши, значит, принципиально возможно, говорите прямо, что в данном случае мешает.)

2 Винавер Михаил Львович.

3 Калинин Михаил Иванович (1875-1946) — председатель ЦИК.

Перевод продвигается мой: Гегель понемножечку, а Шилера спешу кончить; до приезда Н. Ил., во всяком случае, будет кончен. Да, исписал здесь 4 купленных (Ел. Ник.) тетради: бумага ужасная (видимо, забракованное — об этом было в газете, и, видимо, сбросили сюда), — только руку портит. Начал писать на присланных тобою тетрадях, и сразу лучше и приятнее, и руке легче — в них бумага лучше, чем этот листок; так что присылай тетрадией побольше, следи только, чтоб была хорошая бумага (потому что и в присланных тобой — в одних лучше, а в других — хуже). По приблизительному подсчету понадобится тетрадией 90-100 (десятикопеечных); у меня останется (после Шилера) всего штук 10.

Надо отдать часы, картину и зеркало; пусть Лиза⁴ скажет, что ты осенью еще посылала об этом открытку.

4 Заяицкая Елизавета Ивановна (1895-1969?) — вдова писателя Сергея Сергеевича Заяицкого. Близкий друг дома и одновременно друг Габричевских. Речь идет о вещах Габричевского, находящихся в доме Шпета

Моя золотая, бесценная, мне хорошо оттого, что ты любишь меня, а что будет, когда я умру, не думай,— с детьми еще будет и дело, и горе, и утешение! Почему Нора перестала писать мне? Машинку, пожалуй, не привози, тем более, что рука исправляется; а вот, не продать ли? Эта ужасная задержка ответа не дает ничего решить, и не на что решиться. Кажется, 1-го я не писал письма. А жду, конечно, очень! и считаю, что осталось 33 дня. Сережино (в твоём) получил, а от Тани — нет. Юзовского еще не получил. В Когизе здесь меня уже признают, записали на карточку, обещали извещать о новых книгах. Оказывается, они берут назад прочтенные книги, если они в порядке; это хорошо, можно многое сдавать им, а не посылать обратно в Москву. Почему ты будешь волноваться о Марине? Я думаю, все разрешится до твоего отъезда,— ведь до 1/VI они еще увидятся. О муже Бирман⁵ ничего не помню,— спроси Марусеньку⁶. Как она вообще? Где работает?

5 Бирман Серафима Германовна (1890-1976) — актриса, режиссер.

6 Кемпер Мария Николаевна — актриса 2-го МХАТ'а.

Целую мою невесту золотую.

Твой.

18/IV утро. Опять холод и снег, топим печь.

№ 52. М. Г. Шпет 23/IV.

Милая моя Маринаша!

Сегодня я вышел пройтись и забрел в тот тупик Колпашевского, куда мы заходили в один из первых дней и откуда не было никакого хода. Теперь там ничего не узнать, как и везде! — повылезали из-под снега невероятности! спуск наш (от Пригорья¹ вниз) идет чудесными зелеными террасами,— великолепная горка, зеленая, а с нее видна разлившаяся Ушу-а-й-ка:

пространства, где мы бродили в снегу — огромное озеро воды, часть к мосту вылезает огромным полуостровом, заросшим тополями, от набухающих почек все зеленоватое и обещает превратиться в сплошную рощу; вообще зелень понемногу выпирает и заменяет белизну (грязный снег лежит только в очень затененных северных ямах), — а ты ау! — удрала, покинув среди...²

1 Игра слов,— фамилия Пригоровских и местоположение их дома на горке: Юрточный, 28.

2 На обороте — картинка с описанным выше пейзажем.

№ 53. М. Г. Шпет

936 V 25.

Жестокой дочке!

Славная моя Маринаша, поздравляю тебя с днем твоего физического и вместе «социального происхождения»¹!

1 31 мая — день рождения Марины.

Хотелось бы пожелать тебе того, что ты сама себе хочешь, но ты и в феврале не пожелала написать свои desiderata, а тем более они скрыты от меня сейчас. Пожелать тебе того, что сама себе желаешь, а, вдруг, ты не желаешь?.. Пожелать того, что самому желается: увидеть тебя поскорее? Это не празднично, ибо этого я и в будни желаю! А потому просто желаю, чтобы твое желание было и моим желанием, и чтобы одно из них непременно исполнилось!

Целую и люблю и радуюсь, что у меня есть такая славная дочка!

Твой Па.

В мамином шкафу на второй полке сзади стоит Лермонтов в издании «Академии наук», серые коленкоровые переплеты,— возьми себе на память.

№ 54, Н. К. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 V 26.

Дорогая моя, получил твое письмо от 19/V; оно меня очень расстроило, и весь день я писал — не столько ответ на него, сколько все, что приходило в голову и что чувствовалось; получилось очень длинное и сумбурное. К ночи успокоился несколько и пока, по крайней мере, этого дневного писания не посылаю. Очень прошу тебя не волноваться, не расстраиваться, не выдумывать того, чего не было. Если бы я подозревал, что у тебя могут быть такие настроения, я бы не согласился на этот проезд. Но раз он состоялся, ни о чем не волнуйся, я сделаю все, что ты называешь щепетильностью по отношению к тебе. Главное, будь спокойна, береги себя. Мое письмо ты как-то странно и искореженно истолковала, как и все мое поведение: ворчание и т. п. Такой подкладки, какую ты за этим усматриваешь, не имеется. Открытка вышла такая, что я лучше вложу ее в конверт.

Люблю тебя неизменно, хотя мечтаниям и моей романтике в отношении тебя ты опять нанесла большой удар. При таких сомнениях, такой подозрительности и прислушиванию к истолкованию всякого слова и даже «тона» — трудно говорить просто, не оглядываясь, как думается и чувствуется. Письмо, которое ты прислала обратно, перечитывал и не могу понять, где нашла фальшь и какой-то изобличающий меня тон. Ну, я опять пускаюсь в дневные рассуждения, а у меня их там написано уже 16 страниц. А ведь, в конце концов, тут

важно только одно: веришь ты мне или не веришь. Если не веришь, то словами мне не убедить, а если веришь, то не подозревай в «тоне» того, чего в нем нет. Утром я совсем было «пал духом» и думал, что надолго выбит из колеи.

Уже очень поздно, и я очень устал за сегодняшний день. До завтра.

Люблю и люблю.

Твой.

№ 55. Н. К. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 V 28.

Дорогая моя, у нас опять холод, но, кажется, независимо от него я что-то неважно чувствую себя: какая-то слабость, вялость и утомленность; болеть ничего не болит, только проснулся сегодня с опухшими глазами; Ел. Ник. уверяет, что я похудел, но я думаю, что ей так показался мой утомленный вид.

Навестил сегодня тетку; скучно и эгоцентрично; Н. И.¹ лежит в больнице.

1 Карташовы — Изабелла Викентьевна (1875-1943), врач-терапевт, и Николай Иванович (1867-1943), профессор электромеханического института инженеров транспорта.

Гегеля возобновил в прежнем (то есть как до Шилера) объеме; с удовольствием (если исключить собственную вялость). Получил твою телеграмму, — какая бессмыслица сообщать отметки 4-й четверти после экзаменов, да и годовые. От тебя только открыточка. Что же с головой? Надо что-нибудь энергичней. Втирание помогает?

Я сам не ждал, что фотограф сделает такую маленькую головку; уверяет, что «для наклеивания» достаточно! Дело не в величине, а очень уж паршиво. Попроси Маринашу переписать (и пришли) все, что у меня есть о Гегеле. С «Коперфильдом», я думаю, уже ясно, что не прошло, а то бы Сафонова² позвонила. Видаешь ли Нору? Почему она не пишет? А нашла ли списки книг на столе (в зажиме)? У меня такое чувство, что забываешь, потому что не откликаешься.

2 Не установлено.

Целую.

Твой.

№ 56. Н. К. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2. 936 V 29.

Золотая моя Натуля, физически как будто немного лучше (хотя только сейчас прихожу в себя — половина первого), но очень уж тяжело душевно: без тебя я не могу жить и не хочу. Я могу думать только о тебе и больше ничего не хочу. Я считаю дни, когда ты приедешь, а мысль невольно тянется к тому, что ты тотчас и уедешь и что опять я буду без тебя. Все чаще возникает страх, что что-то случится со мною, что я заболею и умру, а тебя не будет возле меня. Словом, паршиво! Ты хоть не разочаровывай меня в моем обожании тебя; признавай, что такая и есть, что я обязательно проживу возле тебя, как мне мечтается; столько раз разбивалось это об твою «положительность», — не надо больше, ведь мне осталось мало жить, хочу полностью прожить этот остаток тобою, чтоб все время чувствовать, осязать, вдыхать тебя!

3 часа. — Погода прямо убивает меня: холодно, ветер и дождь, и мрак. За май не было и пяти полностью светлых дней. Если все лето здесь такое, то я и зимы не выдержу,

подохну. Уже валерианку даже принимаю (меня забеспокоило, что рука опять изменяет: почерк гораздо хуже стал). — 1 ч. ночи. — Ну, Натуленька, днем я немножко повеселел, потому что придумал себе новое развлечение — или отвлечение: кладу твою карточку прямо на страницу, с которой перевожу (новую, где ты — в кресле; а ты бы еще снялась для меня,— может быть, лучше выйдет,— тоже, чтобы вся фигура (и в корсете); а кроме того, пришли знаменскую, где ты стоить во весь рост). И вечером же попался: я дал книжку (Гегель) Ел. Ник., чтобы проконсультировать о синтаксисе одной фразы, и дал как раз тот экземпляр, где была твоя карточка (а другой — 1-ое издание — держал сам в руках)! Она, конечно, решит, что это — «сентиментальность». — Твое письмо от 22/V. — Уж не рассердилась ли Анна Васильевна на Сережу за что-нибудь? А ты с нею так и не говорила о возможности освобождения его от экзаменов? (ты мне на многое не отвечаешь). Да, очень грустно, что мое письмо ты так восприняла: и за тебя мне очень грустно, и меня порядком расстроила. И с Н. И., по крайней мере, на первых порах может выйти натянуто,— будут вспоминаться твои опасения. Раз есть отдельная комната, то я хочу, чтобы, пока я занимаюсь, ко мне поменьше заходили (я думаю, естественно, Марго будет забегать чаще,— и право имеет, и хотя бы по темпераменту), но зато, вероятно, вечерами будет больше времени пропадать; сейчас Ел. Ник. пишет или читает по вечерам, а как теперь распределится, еще не представляю. — Очень на многое ты не отвечаешь, Натуленька; я хотя и согласился на твой порядок, но выходит что-то беспокойно: то, другое вспомнишь, и ничего не знаешь. Например, что же немецкая грамматика — безнадежно? Потом я просил поговорить с А. И.¹, — как он подавал заявление, чем мотивировал? Ты молчишь. Просил найти цитату из Евангелия,— мне же для перевода нужно, а ты не отвечаешь. О «шагомере» —

ни звука; ничего о зеркале, картине и часах и т. п. Хоть Маринаше говори,— пусть вкратце мне сообщает. А почему она мне не пишет? — Хотелось бы обойтись без Эйслера, но трудно, так что придется и его тащить: R. Eisler, Philosophisches Lexikon, 3 Bände, на вертушке.

1 Не установлено.

Кроме того попробуй найти рукопись перевода Введение в эстетику Гегеля; перевод Николая Николаевича Волкова², с моей правкой, а к нему примечания (в которых разъясняются, между прочим, многие термины Гегеля), вот, это-то мне и нужно, лежало на большом столе с краю в папке «Марьиной рощи»³, в величину полную, то есть писчего листа (не сложено в четверку), — там несколько таких папок: в одной Чернышевский, в одной разные отзывы и рецензии, и т. д., — в одной из них и эта рукопись.

2 Философ, ученик Шпета. Позднее художник.

3 «Марьиная роща» — картонные папки какого-то земельного общества, в которых Шпет хранил свои рукописи. Ул. Долгоруковская находилась недалеко от местечка (в черте города) под названием Марьиная роща.

Дождь хлещет, но, кажется, потеплело. — Прилагаю вырезку об Енисейске; Маринаша, верно, как и я, пожалеет, что мы не видели это.

Люблю, но чересчур! — это нехорошо для меня же!.. Правда! Целую мою ненаглядную, целую пальчики... Твой.

№ 57. Н. К. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 V 30.

Дорогая моя, наконец приличный день, хотя облачно, но тепло,— по этому случаю прогулялся с Ел. Ник. не так много, но потом какая-то слабость, не усталость, а именно слабость. Зелени все больше, но местами, редко,

все-таки есть снег! Смотрели один из домов, который мне по положению очень понравился,— на одном окне цветут кактусы. Как мои цветы? Осталось что-нибудь? Сейчас (12 ч.) ходил послать телеграмму Маринаше. Да, если надо итти к Луполу, то лучше всего Абр.; настаивай, чтобы он не откладывал.

Когда у Сережи последний день экзаменов, и как скоро после этого ты собираешься выехать? Как же все-таки с «Интернациональной литературой»? Попробуй потребовать деньги обратно. Я вчера забыл вложить вырезку о Енисейске, вложу завтра. Целую.

Твой.

№ 58. Н. К. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 VI 2.

Дорогая моя, уже два часа, и я порядочно устал; кончал свой урок по Гегелю и не заметил, как время прошло (мои гости спят уже). Сегодня день опять вне нормы, а завтра надеюсь войти в колею.

Проводил Ел. Н. и только к 2-м были дома; после обеда занимался, а после ужина все трое прошли к Томи,— вода еще полная и красиво. Хозяйка и дети уже скучают по Ел. Ник.; хозяйка хочет покупать корову и попросила деньги за ту комнату за все лето вперед.

Сегодня только получил письмо Марины — ответ на мое — от 21/V — где гуляло, неизвестно. Целую.

Твой.

Пришли несколько ножей для консервов,— здесь нет, а как легко и скоро они портятся, ты знаешь. Может быть, в Москве есть уже стальные.

№ 59. М. Г. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

<Начало июня 1936.>

Дорогая моя Маринуля и каналья!

Как же это с Лермонтовым вышла такая «прошибка»? А я всегда думал, что ты удачница!.. Ну, чтобы оправдать свое убеждение, приходится заменить академическое издание (а может быть, оно дальше стоит, редакция Ляцкого?) другим: возьми себе Висковатова. Это было всегда мое любимое. Пусть и Пушкин и Лермонтов будут у тебя в моих самых приятных изданиях.

Письма твои получил; ими самими по себе очень доволен, но на мое письмо с иллюстрациями к жизни, подвигам и приключениям всесветно славного инженера и флорофила Сергиуса Цикониуса¹ ты ответила неудовлетворительно — переэкзаменовка назначается на 23 июня.

1 Аист (лат.), — т. е. Сергей Шторх, так как «Шторх» в переводе с немецкого значит «аист».

Целую нежно и даже в лоб!

Твой Па.

№№ 60-63. М. Г. Шпет¹

1 Записки в письмах к жене.

Контромарка № 1

Бесплатный пропуск в ДВОРЕЦ ВОСПОМИНАНИЯ.

Ново, ново, ново!

Не представление,

а

подлинная действительность!

Имя: Марина.

Отчество: забыто.

Фамилия: неизвестна.

А все-таки, Мариночка, и в год счастья («хоть миг, да мой») не забывай года томления (столько «мигов» для «старика среди...»), в такой же упоительный денек, как сегодня, мы с тобою только потому не поймали сороку, что она сама попалась нам в руки!.. А какие перья! — посмотри у Марго!...²

2 См. письмо № 20.

Контромарка № 2

Миленькая моя Мариночка, получить от тебя письмо было вполне приятно. Стрептококки? Они мечтают, а может быть, и думают: а, вдруг, Мариночка возьмет и приедет! Стоит ли тогда писать?.. МХАТ, говоришь, преимущественнее, чем ТХАТ³, — можно подумать, что ты каждые три дня туда бегаешь, как Таня на манеж⁴ (чтобы 1/2 часа покататься верхом, она час туда и час назад манежится пешком), или поступила туда на службу администратором, перебив Тане дорогу! Ну, ходи!

3 Томский гортеатр по аналогии со МХАТ'ом.

4 Татьяна увлекалась в то время верховой ездой.

Если бы здесь был твой красный секретер, я именно опустил бы доску и под ней сделал бы «свою» комнатку!.. А «приобретать» без тебя и переставлять — верно, жалостно! У меня еще с левой руки, за бюро, перед столом и креслом теперь стоит пюпитр; на табуре стоит ящ, и в нем самонужные словари,— сами в руки лезут,— а на яще, опираясь спиной на бюро — раскрытые книги; а еще от яща и вдоль стола — крыша от яща, одним боком опирается на стол, а другим — в бюро,— чудно и, главное, гениально!

В уютных местах еще порядком снегу,— можно бегать компот студить.

Арсеньева⁵ спрячешь в мамин шкаф,— а понравилось? Скучаю и люблю.

5 Роман И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева». В те годы в СССР Бунина не признавали и не печатали; это был «тамиздат», хотя такого термина тогда не было.

Пап.

Контромарка № 3

... всё потому, что ты витаешь «лишь мысленно», вот весело-то будет, когда ты тут завитаешь телесно (со всеми принадлежностями); но как на это зачихает Виленчикус! А Симмин, пожалуй, примет, потому что призналась мне, скучает по тебе, хотя и не так раздирательно, как Дин... Сон... Я-а-а!⁶

6 Плачущие в Енисейске Гершевичи — Дина Минеевна и Соня.

Вот какой у тебя милый старичок-молчок,— все из сумочки, что убил, то и выложил. Целую даже в лоб.

Контромарка № 4 — пропустить недогадливую бабенку*.

** Примечание. «Недогадливая» не та, которая не догадила, а та, которая недогодилась!*

А

как лик?

так ж-же

п лн

или

худ ж-же?

А?

№ 64. Н. К. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

<3 июня 1936.>

Золотая моя Натуля, сегодня уже мы больше в норме, и день определился сам собою; до обеда я занимаюсь, они ходят и готовят; за обедом сижу дольше, чем при Ел. Ник., потом ухожу к себе; к вечеру опять немного прошлись (Марго захотелось иметь шкафчик, но он оказался очень дорогой, запросили 80 р.); за ужином тоже долгое сидение, так что ушел к себе только в 11 1/2 час. (а сели часов в 10). Марго я получаю таким образом все-таки мало. С Н. Ил. — гладко (вскользь опять был поднят вопрос о письме: сбита моими аргументами, но не убеждена; обдумает и возобновит разговор); завтра, может быть, начну проверять Шилера. Интересного больше ничего. Не думаю, чтобы ты могла с ней очень сойтись: в твоих женских отношениях всегда властвуешь

ты, а у нее, как я знаю,— то же; рано или поздно у вас вышел бы конфликт.

Писем не было, но была посылка,— спасибо за всё; все дошло хорошо,— маслины и вовсе неплохие, и каперсы благополучно; баранки еще не пробовал; за печенье — спасибо; почему-то ждал больше книг. (Сейчас заходила Н. Ил. — 12 ч. 10 мин. — сказала «спокойной ночи»; Марго зайдет позже.) Маринашу поблагодари за тетрадки; все, кроме одной, хороши (эта одна — за 10 коп., а те — по 15),— писать на них вполне можно. Забегать мечтами о Сереже на будущий год — очень уж далеко, а хорошо бы завинтить его на «отличника», чтобы в ВУЗ не пришлось держать экзамен; поэтому,— пересдать, если это возможно, по географии и биологии на отлично — благая мысль¹. Н. Ил. слышала о Вадиме² прямо противоположное тому, что ты говорила (со слов Казёнки, конечно), у него репутация очень распущенного и развращенного мальчишки (вся Пречистенка³ знает его). В остальном твое письмо от 20/V очень уж «устарело». Брюки удлинить все-таки нужно; пока Марго удлиняет рукава пиджака (ни жилета, ни пояса нет). Другое письмо (тоже вчера получено) — от 26-го. Ясно, что раз грамматика (Исаковича) шведская, то и ключ — к шведской, и это от полки не меняется (может быть, я нарочно написал № 9 вместо 8, чтобы испытать тебя... или дать повод похвастаться: нашла же Heimann, хотя я заглавие перепутал!..). (Заходила Марго, говорит, что зайдет еще). Жегалкина пришли, а Больцано, может быть, в другом месте найдется⁴ (Bolzano в № 3 — неприкосновенен,— это самая драгоценная книга в моей библиотеке!!). Тиандера о скандинавской литературе ищи еще; проверь, все ли сборники «Вопросы теории и психологии творчества» — на месте. Немецкая грамматика на немецком языке Heuse, довольно толстый том в темно-зеленом коленкоровом переплете; заглавие

напечатано на самом переплете.

1 Вопрос об учении в школе Сергея стоял очень остро. Он был способным мальчиком, но учился неровно: то хуже всех в классе, то лучше всех.

2 Сын друзей Шпета и его семьи — Бориса Валентиновича и Натальи Казимировны (она же Казёнка) Шапошниковых. Вадим провел бурную молодость, но со временем остепенился.

3 С дореволюционных лет Пречистенка с прилежащими переулками считалась наиболее аристократическим районом Москвы. Семья Шапошниковых жила на этой улице в доме уже не существовавшего ГАХН'а, в помещении бывшей Поливановской гимназии.

4 Жегалкин Иван Иванович (1869-1947) — математик. Больцано Бернард (1781-1848) — чешский математик, философ.

А не выдерживает ли теперь Л. Н. Марину «за то», что она столько заставила его ждать? Почему ты вдруг про коньяк спрашиваешь? Осталось немного, но если хочешь, дотяну до тебя. Сегодня очень взгрустнулось по тебе, — такое чувство, как будто меня обманывают: нарочно присылают других, чтобы только оттянуть твой приезд!.. А чувствовать себя стал немного лучше; думаю, что погода играла огромную роль. Смущает меня, что ни в чем движения нет: ни «Коперфильд», ни Academia, то есть сужу по тому, что телеграмм нет. Да и за Сережу волнуюсь, — и то же отсутствие телеграмм начинаю толковать как неудачу; неужели, если удачно по русскому и литературе, ты не телеграфируешь?

Целую мою золотую, обожаемую; хочу быть с тобой!!

Твой.

Марго пришла ко мне, сидит и читает.

№ 65. С. Г. Шпету

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 VI 4.

Дорогой мой Сережа, в суете 1-го и 2-го: приезд одних и отъезд другой,— не написал тебе, чтобы поздравить с днем рождения¹. Прими это запоздалое приветствие и возьми себе на память Пушкина в издании ГИХЛ'а. По тебе очень скучаю и жду твоего приезда с нетерпением и волнением.

1 7 июня — день рождения Сергея.

Очень огорчен, что ты мало пишешь, не отвечаешь даже на мои прямые вопросы,— но надеюсь на лето: поговорим, быть может, найдутся для обоих интересные темы, и в "будущем переписка наша сделается более энергической и интересной. Присоединяю пожелание этого к своим поздравлениям и крепко тебя обнимаю.

Твой отец.

№ 66. Н. К. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 VI 4.

Золотая моя Натуленька, сегодняшней день как-то незаметно исчез, я даже не выходил, потому что холодно и препротивный ветер; Марго подхватила насморк. После ужина ушел к себе рано, в 1/2 11-го. Шилера не проверяли, потому что они обе после обеда заснули, а позже не хотелось отрываться от Гегеля. Перед вечером (всегда самое тоскливое время) опять очень тосковал о тебе. Письмо твое от 29-го. Никто и не думал, что Лупол «обязан» это сделать; ну, а «несвоевременно» значит — уйдет от нас этот перевод. Не знаю, стоит ли тебе ходить, откажет; если С. Ив. возьмется поговорить, может быть, еще убедит, но сомневаюсь. Как видишь, никакого реального значения не имеет «распоряжение» о работе. А сейчас мне пришла в голову идея: пусть М. Л. позвонит Луполу!.. Даже интересно — едва ли были прецеденты! Каким образом у вас оказались «просроченные» купоны?

Значит, соответственно облигации вышли в тираж и их можно обменять! О телеграммах «каждый день» от Ел. Н. мне тоже Н. И. говорила; но при чем здесь моя «нервность»? Я даже не знал об них, об одной или двух мне говорила Ел. Н.; Н. И. объясняла мне нервность Ел. Н. тем, что та теперь увлечена своим начальством. А при чем же я здесь?

Марго и Н. И. говорили, что Нора растолстела «односторонне», — не беременна ли она? Насчет вовлечения Марго в разговор о письме, ты, пожалуй, права; но начат разговор уже без Марго, как я писал (на улице). По поводу поступления в университет Марины Марго высказала правильную мысль: ввиду новых правил приема конкурс в этом году будет особенно трудный и конкурентами выступят лица, отлично подготовленные; Томск в этом отношении был бы лучше. А по поводу возможности занятий Марины, если она выйдет замуж и они даже врозь будут жить, Марго (тоже вчера ночью, у меня, так что говорили вдвоем) тоже скептически настроена и правильно говорит, что недели, на которые он будет приезжать, настолько будут выбивать Марину из колеи, что это поковеркает и сведет на нет все занятия. Письмо твое какое-то холодноватое. Целую крепко, люблю.

Твой.

Отдай Сереже в подарок от меня ГИХЛ'вского Пушкина (6-7 томов), это именно «за» рождение и за экзамены. Я хотел оставить это до конца экзаменов, а сейчас что-нибудь еще, но ты так и не написала, что бы ему хотелось (и что было бы осуществимо).

№ 67. Н. К. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 VI 5.

Дорогая моя, день совсем плохой: письма нет, погода — холод (выходил в осеннем пальто) и дождь, и с утра — голова (бывало хуже, но не бывало так долго; отошел только к 8 часам, после 4 порошков, сердечных капель и горчишника!). Марго столкнулась с Мишей; он расстроил ее (Верочкой¹); жалкий. Из-за головы опять не начал Шилера. Вечером (от 12 — 1) читал стихи. Неужели списки книг в зажиме (было на письменном столе) так и не нашлись? В посылке только 1-й том польской книги, которую ты подарила: а 2-ой и 3-ий? От Ел. Н. уже открытка с дороги. А остается-то всего 15²! Целую.

1 Дружинина Вера Николаевна, подруга М. А. Петровского, находившаяся в концлагере.

2 15 дней до приезда жены.

Твой.

№ 68. Н. К. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 VI 11.

Золотая моя Натуленька, наконец-то от тебя письмо — два, от 3-го (если не ошибаюсь, вместо 4-го) и от 5-го; и письмо от Маринаши. Очень обрадовался, — такое чувство, что давно их не было! И письмо о Луполе к тому же веселое; с удовольствием рассказал его содержание по порядку. «Большое» письмо не послал именно потому, что «раздул» всё и впал во мрак и уныние; нечего на тебя еще наводить тени, а все мотивы тебе известны. Какое впечатление на Ел. Н. произвел разговор, толком не знаю; она ведь таится и молчит; а воспринимает все по-своему: преувеличивает и уменьшает, где захочет, — я убедился в этом по многим ее суждениям, а в особенности из одного разговора с Марго (по поводу отношения Марго к тебе, — расскажу... скоро уже!..), из которого видно, что все наоборот тому, что говорила Ел.

Н. Бумагу Крутикова¹ предоставь Н. И. доводить до конца, а главный вопрос все равно теперь нельзя задать, и он откладывается до осени.

1 Не установлено.

Может быть хорошо, что Марина переписывается с Л. Н. и не видится; может быть, она поставила свои «условия»; твой отъезд, кажется мне, не должен изменить ее решения, и если ее настроения не переменялись (если я их правильно улавливал), именно без тебя (то есть в твое отсутствие) она ничего не предпримет.

Разговором твоим в целом доволен,— молодчинка! Я и думал, что Абр. сказал ему вскользь, между другими своими делами, и может быть, когда Абр. уже кое-чего добился, и ему было неудобно настаивать еще и на этом; такие посольства — ни к чему. Напрасно только ты не сказала и того, что Б. А.² уже говорил в Соцэкгизе и чем объяснял, что я переведу «Феноменологию» в год, то есть эта часть у меня уже переведена. А по поводу того, что «нельзя заваливать», нужно было указать, что весь «завал» — Гегеля, на аванс по которому я должен прожить год, а это невозможно. Кроме того, нужно было сейчас же зайти к С. Ив. и передать ему результат разговора, и так как ты с Гатч.³ не знакома, просить С. Ив., чтобы он наперед поговорил с Г. обо мне, ибо хотя Г. и ниже по рангу, но может выдвинуть свою кандидатуру (того же Женю, который может там надавливать), и Лупол естественно предпочтет другого.

2 Фохт Борис Александрович.

3 Не установлено.

Чорт с ней, с этой дурой, которая вымещает на детях свое отношение к прежнему учителю; литература будет еще в будущем году, и он успеет исправиться. Но почему ты не пишешь, как прошли другие экзамены? Как та же литература — письменный и как русский?

У нас все гладко; только Марго сегодня загрустила по поводу температуры у детей и по поводу Норы, которая не поедет к ней в Лужники, и ей неприятно, что это падает на Марину; ей дети мешают, как следует, заниматься, и от тебя она опять отрывается перед самым твоим отъездом. Я ее успокаивал, но она свое. В поведении Н. Ил. есть одна странность: она как будто намеренно ни разу не заходила в мое отделение комнатки (кроме первого дня, когда всё «осматривали»); сперва я думал, что это случайно, а выходит как будто намеренно; чрезмерная деликатность это (она заметила по поводу Ел. Ник., что та «бесцеремонно» входит ко мне, когда я занимался) или какие-нибудь другие высокие соображения?

Тебя люблю изо всех сил! А романтику очень даже не хочу отменять, но ты-то не очень ее поддерживаешь!.. Целую пальчики.

Твой.

Почему ты не ответила насчет шагомера? Была ли у Н. П.,— что написала Наташа Челпанова⁴ насчет Беркли⁵?

4 Дочь Г. И. Челпанова.

5 Шпет переводил в Томске «Три разговора между Гиласом и Филонусом» Дж. Беркли. Книга опубликована Соцэргизом в 1937 без имени переводчика.

№ 69. Н. К. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 VI 15.

Дорогая моя, наконец-то в сегодняшнем письме ты сообщаешь подробнее об экзамене Сережи. Я ведь не знал даже толком по каким предметам ему держать.

Дело с Крутиковым оставь до приезда Н. Ил.; надо прежде еще посоветоваться в Комиссии советского контроля. О <неразборчиво> я писал: прежде всего надо узнать в бухгалтерии, переведено или нет, а затем поговорить с их юрисконсультom, а потом можно пойти (если будет надобность) к самому Талину, юрисконсульту; скажи о доверенности, что ты хочешь перевести для себя и сына (на жизнь) и что, если они отказывают, ты подашь жалобу в Комиссию советского контроля. Целую.

Твой.

Сегодня с утра очень болела голова, ставил горчишник. Холодно и дождь, так что не гулял. В первый раз здесь был чудный закат.

№ 70. Н. К. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 VI 16.

Дорогая моя, что-то скверно стали письма приходить? Опять ничего нет, и неизвестно, выяснится ли точнее день твоего отъезда. А тут вдруг Марго заволновалась и хочет (или вернее, из-за Кота: чтобы освободить его от детей и дать отдохнуть,— считает нужным) уехать раньше, чем я предполагал; я думал, что она уедет не раньше 23-го, а ей захотелось быть в Москве не позже 27-го и, значит, выехать не позже того же 23-го. Если ты выедешь 25-го, то, значит, один я побуду дней 7-8.

Мне очень жаль, что отменен порядок твоих ответов на мои просьбы: многое вспоминается, о чем я просил, а ты — ни звука. Поискала мое инвалидное удостоверение? Целую.

Твой.

№ 71. Н. К. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 VI 17.

Золотая моя Натуля, одно письмецо (1/2 листика) от неизвестного числа, другое от 11. Вызвали они у меня какое-то неудовлетворенное чувство: о себе ничего не пишешь (то есть что делаешь), а прочее (ответы на мое) — какое-то внешнее, как будто ты отсутствуешь, когда это пишешь, то есть пишешь, а думаешь совсем о другом. В «деловой» части такое безразличие, что чувствуется, ты вконец устала; не только ничего «делать», предпринимать не хочется, но даже думать и писать об этом. Бедненькая, скорее бы уже сюда приезжала да передохнула; и чего там сидеть, — все равно, и нет ничего, и нет сил у тебя что-нибудь начинать. Все-таки слабенькая ты у меня, — приезжай скорее!

Вечер. Сегодня неожиданно засиделся, вернее, проболтал с Марго, когда она зашла проститься, и уже 2 часа, но пишу, потому что, может быть, это последнее письмо — с завтрашнего утра начинаю ждать телеграмму о билетах.

Вчера Н. Ил. сменила по настроению Марго: тоже захотела в Москву, потому что очень забеспокоилась отсутствием телеграммы от своих (сама уже «молнию» было послала), но телеграмма пришла, и она успокоилась. Марго хочет ехать все-таки 23-го и предлагает Н. И. остаться, мне не хотелось бы, во-1-ых, хочется попробовать остаться одному, а, главное, во-2-ых, боюсь, что после отъезда Марго у меня будет очень скверное настроение, и не хочется его демонстрировать при других. Поступление Марины на этнографический — глупость; она не знает, что такое этнография (вроде как у Сережи появилась археология!); тут нужна хорошая лингвистическая подготовка и по истории материальной культуры, по фольклору, — откуда ей взять? Нужно быть

готовой в любой момент изучить новый язык — народа, которым занимаешься. Глупая выдумка невежественного человека.

Как же умная Анна Васильевна ставит «хорошо», если Сережа отвечает на «отлично»? Ты так и не говорила с нею? Или мне не сочла нужным написать. Очень рад улучшению твоих отношений с Таней; я ее очень люблю и всегда огорчаюсь, когда вы не близки,— передай ей это, если найдешь нужным. С займом ничего не понимаю, — что просрочено? и, значит, выигрыш тоже пропал? или я и на беспроигрышной умудрился не выиграть? Не понимаю, зачем звать Н. Н.¹? видно же по содержанию, какой перевод! И мне не столько нужен самый перевод, сколько мои примечания. Что же тебя останавливает сказать Мар.², как они водят тебя за нос? Какие могут быть колебания? Может ли или нет Мих. Л. поговорить с Луполом, я предлагал спросить прежде всего у него самого; он и сказал бы сам, видит в этом смысл или нет; а он мог бы убеждать, ссылаясь на циркуляр декабрьский, да и вообще нашел бы что сказать, если бы захотел. А как и почему: как представитель «Красного креста» и потому что — представитель его «начальство» — Пешкова³. Ничему «поверить» Луполу ты не могла, потому что он ничего тебе не обещал. Ничего «нескладного» не вижу. Об этом, очевидно, я и писал: раз бумага потеряна, то естественно заявить, что сейчас же подашь другую (да еще с новыми мотивами, ссылка на постановление Комиссии советского контроля), а значит требование свидания с прокурором. К чему об этом звонить Абр., не понимаю! Это свидание, если бы не устроилось через канцелярию, можно просить устроить М. Ив.⁴ Вопрос твой: «С каким прокурором М. Л. обещал устроить свидание» — по меньшей мере странный,— тебе лучше знать, какому прокурору подана бумага об Academia. Все это непонимание моих мыслей и все эти недоразумения объясняю тем, что ты просто устала от

этого всего — до того, что просто энергии нет возиться со всей этой безнадежностью! И брось, приезжай лучше поскорее ко мне отдыхать и лечиться; замоталась ты вконец! А в Томске хуже, чем на даче, потому что «за город» — далеко. Съехать отсюда едва ли удастся, потому что найти сдаваемую комнату почти невозможно, а покупка имеет свои неудобства. Да и целесообразно ли это? Тут много хороших сторон; но об этом поговорим.

1 Не установлено.

2 Не установлено. Возможно, Марков,— см. письмо № 48.

3 Пешкова Екатерина Павловна (1876-1965) — председатель Политического Красного Креста.

4 Калинин Михаил Иванович.

Николай Иванович в больнице; ему предстоит операция; но говорить об Марине все равно с ним не к чему: он не в университете, а в Транспортном институте. Впрочем, если бы он был и в университете, разговор бесполезный; экзамены назначаются на определенные дни, и никто не станет собирать экзаменационных комиссий из-за Марины, в какие-то ей удобные сроки! Просто непонятно,— откуда у тебя эта мысль?..

Ничего не делай, ни о чем не думай, а приезжай! Люблю, целую.

Твой.

№ 72. М. Г. Поливановой

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2. 936 VI 25.

Славная моя дочечка, моя перламутровая Маргариточка! Долго, долго видел я твою руку, когда выражение лица уже мог только представлять,— и было грустно, потому что я представлял себе его невеселым... Потом побрел; хотелось думать о тебе, а думалось о последних днях, подпортивших и наше расставание. Но все-таки утешал себя: может быть, хорошо, что ты не одна, может быть, Н.

И. тебя развлечет. А потом опять жалко: пусть два денька, но они были бы целиком наши (а к вечеру сегодня было так чудесно,— как хорошо прогулялись бы!). — На вокзале был у меня короткий, не очень приятный разговор с Н. И. По ее словам, я обидел ее сегодня: на ее план,— послать тебя вперед,— (сквозь сон) сказал «все равно», а потом ей пришлось ехать вперед! Я сдержался и серьезно ответил: «Вы демонстрировали нам свое отношение к Софье Яковлевне¹, а не видите нас; так вот представьте на моем месте С. Я., а на месте Марго — себя, и пусть третий будет даже самый близкий Вам человек, например, Ваша Таня²,— Вы не предпочли бы ехать с С. Я.?» — Она как будто растерялась: «Я не собиралась ехать с Вами, а одна». — «Ну, так Вы одна и поехали». — «Но я так плохо себя чувствую и мне трудно стоять в очереди». — «Но ведь Вы и не стояли, а Марго, наверное, не справилась бы с этим». — Она замолчала и ничего не ответила,— не хотела или не нашлась. — При многих ее превосходных качествах,- в ее натуре — неудержимое стремление быть на первом месте и заслонять собою всех,— на сей раз это лишило ее присущей ей сообразительности. Очень жаль. Дома Симмен меня растрогала, сказала, что очень сдерживалась, чтобы не заплакать, потому что видела, как тебе хотелось остаться, но боялась своими слезами еще больше расстроить тебя! — (Вот тебе еще раз — и в который-то раз — «мещанство»!..) — Потом она добавила: «Однако, если окажется, что мать Н. И. не очень больна, то «это» — непростительно!» — Дома телеграмма от моих: «Выезжаем 28»... и если бы ты осталась до 28-го, и, может быть, тебе веселее было бы от того, что вместе следили бы, как часы одновременно сокращают твое расстояние от деток и мужа, а мое — от моих... Где-то вы встретитесь теперь, но ты знать не будешь, а они будут, потому что я послал телеграмму о твоём отъезде. Если бы у меня был новый индикатор, я мог бы посмотреть и телеграфировать о месте встречи:

нашим в Москву, а тебе в О — в Омск (где Н. И. будет все равно спрашивать о телеграмме из Москвы),— может быть, встретились бы где-нибудь на остановке! Поспал, пообедал — Симмен очень ухаживала и была мила — от тебя записочка! Золотая моя дочурка, представляешь, как я обрадовался? («Представить» ведь легче, чем самой выразить радость?..) Моя хорошая, моя любимая! Не утомило это маленькое свидание, а только разожгло желание видеть тебя! — Пиши, по крайней мере, и побольше конкретного о себе и о детках, и о муже (мне очень бы хотелось наладить с ним личные и непосредственные отношения,— но как теперь это сделать? — Вот не успел с тобою даже поговорить об этом, а собирался). Передай ему сердечный привет, скажи, что по моим наблюдениям — честным и объективным, а не пристрастным! — ты очень даже заслуживаешь, чтобы он любил тебя! — Деток расцелуй и пришли карточки, если будут — и с тобою вместе, специально для меня. Целую так же крепко, как люблю.

1 Игнатова Софья Яковлевна — мать Натальи Ильиничны.

2 Игнатова (Коншина) Татьяна Ильинична (1892-1972) — сестра Натальи Ильиничны.

Твой Па.

26/VI. Золотая моя, получил уже письмо из Тайги; хоть и грустное оно, но страшно приятно, хорошая моя девочка,— все время чувствую тебя и живу с тобою! Еще целую.

№ 73. М. Г. Поливановой

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 VI 27.

Моя чудная Маргариточка, получил твою открытку: все еще Тайга! 26-го 12 ч. — значит, сутки!.. И ни с места... А

как бы хорошо мы с тобою провели эти сутки, 2, 3 дня,— мысли пленной раздражение, а не уходит эта мысль... Мне тем более она неприятна, что связана с некоторым острым чувством против Н. И. — Стараюсь думать о другом: представляю себе, как будут тебя встречать твои малыши, как будут возиться с кедровыми орешками и рассказывать тебе о своих событиях... — А я сижу за Гегелем; погода хорошая, но как-то нет охоты итти гулять: боюсь, что будет только грустнее. — А из-за неурядицы в расписании я не могу даже мысленно следить за тобою и представлять себе, где ты. Догадаешься прислать телеграмму откуда-нибудь с дороги?

29/VI. — Вчера вышло так, моя девочка, что все время думал о тебе, а за перо не взялся — написать тебе несколько слов. От тебя тоже ничего не было. Только телеграмма из Омска: пересели в курьер. Порадовался за тебя: и скорее, и удобнее. — Сегодня открытка от Н. И. из Новосибирска,— неинтересная. Я сейчас настроен против нее (за то, что отняла у меня тебя) и, может быть, несправедлив, потому что вижу ее только в одном аспекте и не вижу других ее сторон. А вижу преимущественно — любовь к первому ряду кресел в любом обществе и эгоцентризм + усилия быть острой и видеть только такие черточки — внешние — в людях, которые делают их смешными, мелкими и недостойными (чего? — во всяком случае, не зубоскаления и пережевывания их косточек), — в людях не «своих», а «свои» — носители преувеличенных достоинств — тоже «первые», — то есть и это связано с эгоцентризмом! — Пишу об неинтересном и не о том, что хотелось бы тебе рассказать, но так выходит, потому что соответственные чувства беспокоят и хотя бы в этой форме получают исход. — У меня всё по-старому. Н. И. дала какие-то «инструкции» Симмену — опять «тайное» благодетельствование!.. — и получается чепуха: она горда исполнительностью, а мне это не нужно, да и дорого обходится <...> Мои попытки изменить что-либо в

этом — успеха не имеют, ибо — таков «Госплан», продиктованный Н. И.!.. Не думай, что я «жалуюсь»; я просто веселюсь, и свои методы борьбы у меня есть: когда им надоест питаться тем, чем они кормят меня, мне будут делать то, что я хочу. — Какой-то «Госплан» относительно меня вручен и Подгорянам¹, так что и от них мне покоя нет,— ни утром, ни к ночи! Для назидательности не скрывай этого от Н. И., а также сообщи и мое обобщение: тайные благодеяния суть злодеяния! — Ну, пока до свидания... на этой страничке, моя чудная Маргариточка! — Ты писала, что у тебя появляется желание «заглянуть» ко мне и «кажется», что это можно сделать; а я все время жду, что ты вот, вот, забежишь, а тебя позову к себе и поцелую.

1 Имеются в виду Пригоровские — Софья Николаевна и Георгий Михайлович (1884-1937), профессор истории, сосланный в 1932.

30/VI. — Хорошая моя, сегодня уверен был, получу от тебя письмецо! Только телеграмма из Вятки,— но, значит, ты уже в Москве! — И сегодня же телеграмма из Перми: «Едем, жди»,— так что, надо думать, в ночь с 1-го на 2-ое они будут здесь. — Сегодня все Виленчикусы уехали за город; обедал на Пригорье²: претензия у мадам на «как надо» (*comme il faut*), но... избави нас Боже от ученых женщин, а от такого хозяйства мы и сами избавились бы!.. Недалеко (на Тверской) — огромный пожар, выгорело пять усадеб; некоторые пожарные части прибыли только к финалу, их толпа встретила свистками и улюлюканьем,— впрочем, может быть, они приняли это за выражение восторга,— посмотрим, что будет сказано в газете. — Жара бешеная. — А в 9 1/2 — телеграмма от Константина: очень милая и веселая! Поздравляю! Жду теперь писем от тебя: как ты нашла деток и как они тебя встретили?

2 Имеются в виду Пригоровские — Софья Николаевна и Георгий Михайлович (1884-1937), профессор истории, сосланный в 1932.

1/VII. Ну, сегодня я даже немножко обиделся на тебя,—
немножко! — сразу три открытки от Н. И. и ничего от тебя!
Ее открытки так написаны, что половину разобрать
нельзя, а в остальном — претензии на «бодрое»
остроумие и ни звука о тебе,— как будто тебя и нет...
Сегодня же телеграмма от Н. И. уже из Москвы. — У нас
бешеная, по всем правилам - <резко> континентального
климата, жара,— у меня несколько утешительнее, чем у
Виленчиков. — От наших второй телеграммы нет: не
знаю, насколько опаздывают и когда их встречать. К утру,
во всяком случае, должны быть.

6/VII. Ну, вот, моя золотенькая, как задержалось письмо.
— Наши нормально приехали 2-го. С тех пор каждый день
собирался отослать тебе это и, вот, дотянул до сегодня:
выбили меня из колеи, и я успевал своего Гегеля кончить
только к постели; теперь утряслось, и сегодня — первый
вечер (с 6 ч.) свободен от Гегеля. — О тебе много говорю
с Н. К., и это приятно, потому что она тебя действительно
любит. — Тем временем получил от тебя письмецо из
Тюмени (зря ворчал) и две открыточки,— из них одна из
Москвы, вокзал. Жду описаний первых встреч с детками и
с мужем. Не забудь спросить у Н. И. 300 рублей, о
которых мы говорили.

Целую крепко и нежно.

Твой Па.

Коту — сердечный привет. Деток целую.

P. S. Кот, ты говорила, увлечен садоводством; не
согласился бы он из любви к тебе и к цветам —
пересадить у меня в новые горшки те из моих сирот-
растений, которые в этом нуждаются, — в первую

очередь: Odilaria, который висит на окне в столовой, и кипарис, а прочие,— по его (Кота) усмотрению.

№ 74. Л. Г. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 VII 26.

Золотой мой Норик, очень мне приятно, что нашла время возобновить писание писем мне. Очень бывает тоскливо, когда от любимых не получаешь вестей! После каждого письма такой человек представляется конкретным, и кажется, как будто отделяющее от него расстояние сократилось. Но почему же ты ни слова не пишешь мне о главном у тебя событии, или вернее, о твоём новом состоянии, которое у нас почему-то называется «положением»?.. Сперва Марго предположительно, затем Н. К. уверенно, и наконец Марго же положительно уведомили меня об этом, а ты молчишь! Все ли идет благополучно и нормально? Как ты переносишь это непривычное для тебя «бремя»? Что и когда «ждешь»? Довольна ли ты? С новой жизнью ведь и твоя жизнь станет совсем новой. Надеюсь, что все будет благополучно, и потому радуюсь. Огорчительно, конечно, что я не проведу с тобою хотя бы месяц, о чем мечтал, но буду утешаться тем, что новое — важнее в твоей жизни.

Внешне моя жизнь протекает очень похоже на то, что ты видела, только вместо свободно выбираемой книжки я сижу над «обязательной»: над Гегелем. Я хочу кончить перевод к январю (хотя срок — апрель), впрочем, после перевода надо еще все перечесть и проредактировать: работа очень ответственная,— не внешне только, а по существу; и потому сижу много. Процессом работы доволен. Всколыхнулось, конечно, свое «исконное»,— что само по себе и приятно, но имеет и огорчительную сторону (о последнем стараюсь не думать).

Томск летом значительно богаче природою, чем Енисейск, но зато енисейское полностью впитывалось, а здешнее — далеко, где-то «вокруг», доходит только кусочками, приезд Сережи, впрочем, способствовал приближению ко мне здешней природы благодаря тому, что мы с ним очень часто, почти через день, катаемся на лодке. Жары, которая тебя так мучает, у нас нет; было несколько жарких, но вполне выносимых дней, а к вечеру всегда прохладно. Весна была паршивая, а прохладные ветерки — даже днем — напоминают уже об осени; согреться я так и не успел и о бесконечной здешней (с ветрами) зиме думаю не без жути, особенно если и с отоплением будут такие же фокусы, как в прошлом году.

Что это за сыпь у тебя? Отчего? Не связано ли это с твоим «положением»?

История с Н. Н.¹ явно раздута: первая придирка — натянута и бестолкова, — чувствуется что за этим должно быть что-то более серьезное, но и в последующем ничего осязательного я не уловил. Видимо, большую роль играет впечатление от общей его манеры вести себя, — вообще говоря, препротивной какой-то гипокризии. На мой взгляд, пощелкать его не мешало, но это — уже травля; а когда травят даже зайца (хотя у данного субъекта больше сходства с лисою), удовольствия это — если ты сам не участвуешь в охоте — доставляет мало.

1 Не установлено.

Жионо² еще не читал; прочту, напишу. Рассказ Марго ты, видимо, приняла более пессимистически, чем следовало. Ее приездом в целом я все-таки остался очень доволен, она была со мною очаровательна. Я сам был за то, чтобы она одна приехала, и лучше осенью, но Марго так зависит от детей, что, раз ей было нужно ехать теперь, я не возражал; а Н. Ил. так настаивала на совместной поездке, что я передал решение вопроса Москве (главным образом Н. К.). Но фактически более всего был подпорчен

конец и расставание; но у Н. Ил. было все же основание нервничать, как теперь выясняется. Но в общем как раз досада на последние дни теперь у меня изживается, а что я пожил с Маргариточкой, остается как очень отрадное чувство и воспоминание.

2 Жионо Жан (1895-1970) — французский писатель. В те годы им многие увлекались.

От «ячменей» здесь я вылечил бы тебя в один день; тот самый доктор, который лечил меня (и помог, как ты можешь судить хотя бы по моему почерку), изгоняет такие «ячмени» мгновенно.

Софокла я получил (позавчера была посылка от Н. Ил.), а «маразм», действительно, отталкивающее явление, так что, пожалуй, и не присылай. Почему ничего нет о продолжении или прекращении твоих собеседований с Комитетом искусств? Это — заманчиво, но потребует напряженного внимания к каждому своему слову; работа может быть очень интересной, но увлечешься самой работой и не заметишь, как какая-нибудь «тетя Наташа» подставит ножку!

Передай привет маме и Володе и всем, кто вспоминает меня!

Целую тебя, мою милую, любимую девочку! Пиши, золотая.

Твой Па.

№ 75. М. Г. Поливановой

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 VIII 2.

Драгоценная моя Маргариточка, хотя давно я не писал тебе, но ты ведь знаешь, что думаю я о тебе от этого не меньше и не менее нежно! Времени у меня, как-то меньше стало: 1) я решил кончить Гегеля к январю, чтобы в остающийся срок (3 мес.) еще раз все внимательно проверить; для этого надо переводить по 2 1/2 стр. в день, то есть требует не меньше 8 часов (впрочем, дольше количество часов сократится); 2) хорошая погода преобладает, и мы с Сережей почти через день катаемся на лодке, а в остальные дни, если нет дождя, гуляем (открыли одно изумительное место,— вот, там бы жить!); 3) хочется же еще и почитать. Внешне мой день распределен так же, как было и при тебе; только я устроил себе «выходные» — раз в семидневку. — Плохое впечатление от последних дней понемногу стерлось; а вообще твое пребывание здесь ушло куда-то неопределенно далеко в прошлое. — То, что ты зарылась сразу в работу, меня очень огорчило — и за тебя, и за деток. И зачем это? Ты пишешь, в расчете — неопределенном к тому же — на будущую хорошую работу,— но ведь с августа Кот должен был начать новую службу, которая обещала лучше устроить вас! Август уже и пришел,— какой же смысл был в том, что ты месяц — да еще такой невыносимо жаркий — просидела в Москве и, наверное, сил потеряла больше, чем получила удобств? Ты у меня милая, но не разумная и совсем не эпикурейка, то есть не умеешь отказать себе в пустяке и тщеславии дня, чтобы сохранить за собою ценное. — Получается у меня вроде морали, но, может быть, это влияние Гегеля?.. — (Взяла ли ты деньги у Н. И., о которых мы говорили?)

Норочка мне так и не написала о своем состоянии-положении,— узнал от Н. К., да, вот, ты теперь подтвердила. Если все будет благополучно, я рад за нее; но, конечно, огорчен, что она не сможет приехать ко мне. Зимю готовлюсь быть один (Н. И. говорила о своем

возможном приезде, но, видимо, состояние Софии Яковлевны исключает эту возможность, а повторение весенней истерики — вещь ненужная). О детках ты мне мало написала; пиши всякие их изречения, я хочу им составить сказочку и повставлять. Мишутке все не соберусь ответить: требуется настроение,— чтобы больше ни о чем не думать. Кстати, хочешь сохранить первое письмо Миши: на память и о его первом ответе и обо мне? Я пришлю, если хочешь. — а о Коте совсем ничего,— как же сошла у него защита диссертации? Мне Галина Маврикиевна¹ прислала одну сказочку Андерсена (Мать — на 22 языках), и только я еще больше заскучал по нем. Не знаю, найдет ли Н. И., которую я просил,— а потому подбей Норочку выслать мне ее Андерсена: меня это очень утешит (а как только Н. И. найдет, я вышлю обратно Норин).

1 Ванькович Галина Маврикиевна — жена М. Ф. Гнесина: оба музыканты, друзья Шпета.

Привет маме и Коту. Целую крепко мою любимую девочку.

Па.

Пиши хотя бы понемножку, хотя бы открытки.

Я забыл,— кто не получил бочоночков? Н. И. мне не написала, как они были приняты теми, кому она доставила, и я даже путем исключения не могу определить, кому еще нужно.

№ 76. М. Г. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 VIII 11.

Моя милая — долженствующая сожалеть, что не осталась со мною на лето (ни разу не достигавшее не то, что 36°-го, но даже 30°-го расплавления человеческих тел и разжижения в названных телах заключенных мозгов: товара, дефицитного на всех рынках, недоступного даже, как об этом свидетельствуют газеты, самым энтузиастическим спекулянтам) и не вкусила от плодов сибирского воздухотворения,— Маринаша! (Переведи это простое обращение отца к дочери на хитрую английскую «мову»!.. Попробуй!)

Итак, я давно собираюсь написать тебе умное, содержательное, трогательное, прикиновенное, необыкновенное письмо, но так как я не Грин, не Чкалов и не Михаил Кольцов¹, то прежде, чем писать, мне пришлось обдумывать... Но пока я обдумывал, мой необдуманный сын, а твой необузданный брат,— единственный, а потому, хочешь, не хочешь, любимый,— потребовал, чтобы я тебе написал, а он «за это» доставит.

1 Грин Александр Степанович (1880-1932) — писатель-романтик. Чкалов Валерий Павлович (1904-1938) — летчик-испытатель. Кольцов Михаил Ефимович (1898-1939) — очеркист.

(Здесь кончается вступление и начинается изложение.)

Живу, слава Богу, так, что один день похож на другой,— и если бы я тебе начал описывать их,— дни,— ты, наверное, скоро меня остановила бы и сказала: «Довольно, сама знаю»,— после чего я растерялся бы и замолчал, а тут ставлю.

О своих делах, проделках, сделках и подделках ты мне так мало пишешь, что мне остается только догадываться. Ну, хорошо, я догадался,— что же из этого? Все равно, пока ты сама не напишешь, я должен притворяться, что ничего не знаю и не понимаю.

Орехи будут, когда будут,— тогда же тебя и извещу.

Виленчикус, когда услышал, что я его так называю, запротестовал, потому что, мол, хотя и не каждую неделю, но он моется и бреется,— потому не он — «ус», а Сима — предки которой основали Русь: Рюрик, Трувор и Симеус².

2 Игра слов,— брата Рюрика и Трувора звали Синеус

А теперь дело:

1) Свинство,— я просил 3 тома Hegels Geschichte der Philosophie³, а ты прислала только один,— и отыгрываешься на том, что он — 3-ий! Итого, пришли еще 1-ый и 2-ой, ибо они мне нужд («д» — евфоническое: чтоб не было похоже на то... место!)нее 3-го!

3 История философии (нем.).

2) Попробуй поискать: а) Richter'a («Spinoza», Terminologie) и b) Eiken'a (Geschichte der philosophische Terminologie⁴) — в шкафу № 3 (возле умывальника) последняя, нижняя, припольная полка.

4 История философской терминологии (нем.).

3) Найди синюю папку («Марьина роща»), где рукописи «Макбета»: перевод С. Соловьева (переписанный на машинке и мною правленный), мой собственный (тоже переписано на машинке) перевод и все, что в этой папке,— и всё перешли мне.

4) Найди перевод Радловой «Отелло» (переписано все на машинке и моя правка) и, как все предыдущее, тоже перешли.

5) На книжице № 13 — 3 (три, а не 3-ий) тома Willman, Geschichte des Idealismu^{s5},— пришли.

5 История идеализма (нем.).

б) Тетрадки из хорошей бумаги, тетрадки из хорошей бумаги!

В общем и целом целую!

Твой-ой, твой ли — Па! А про краску тебя не касается, спроси Сережу.

№ 77. С. Г. Шпету

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2. 936 VIII 12.

Мой дорогой Сереженька, вернулся я домой, — и как скучно без тебя!.. Опять пусто около меня: никто не кокочет, не постукивает за стеною молоточком, некому прийти за книжкой или с диктантом — распутывать перепутавшиеся «не» и «ни»... Опустело в доме, а еще пустее представляется вне дома, — с кем же совершить хорошую прогулку и поболтать по дороге о разных мелочах, а подчас — и не-мелочах? А уж Томь — моя Томь — совсем уплыла и плещется где-нибудь в Оби!..

Не знаю, удалось ли мне хотя бы сколько-нибудь приблизить тебя к себе и показать, что я вполне могу понимать твои интересы и разделять их по-дружески, по-товарищески; как не сомневаюсь, и ты мог бы принять участие во многом из моей внутренней жизни. Когда ты был еще маленьким, я мечтал о возможности между нами таких отношений, которые были бы отношениями полного взаимного доверия и искренней дружественности. Когда я видел соответствующие примеры, мне всегда казалось, что дружеские отношения сына с отцом — одни из самых красивых, самых честных форм человеческого интимного отношения. Эти полтора года, разорвавшие нас, мне очень помешали: они пришлись на время твоего интенсивного физического и духовного роста; какие-то промежутки твоего развития для меня пропадают, я вижу только результаты. И вот, мне кажется, что это до известной степени мешает. А виделись мы так мало, что

только, только начали подходить ближе друг к другу, как опять надолго расстались...

На соответствующие мысли в прежних моих письмах ты как-то не отвечал,— не ответишь ли теперь? Отвечай прямо и искренне; если ты считаешь, что такие отношения, какие мне мерещатся, между нами невозможны, напиши и это прямо и откровенно; если ты видишь причины, препятствующие установлению между нами таких отношений, — лежат ли эти причины во мне или в тебе, или в чем-нибудь третьем, субъективном или объективном,— напиши и об этом. По тебе я очень скучаю и твоих писем буду ждать нетерпеливо.

Пиши подробнее об экзаменах и об школе; очень бы хотелось, чтобы у тебя все сошло благополучно и дальше пошло гладко. Ведь всего год напряжения, и школьная обуза свалится с плеч. Очень люблю тебя и крепко обнимаю. Твой Па.

Все поголовно Виленчикусы — и более всего «сам» — обижены на тебя за то, что ты не зашел проститься с ними. Придумай какое-нибудь извинение: был взволнован, постеснялся, думал, что «самого» нет дома или что увидишь его на улице, или что-нибудь такое, и пришли это нам, а еще лучше изобрази это на открытке, адресованной «самой» Сим-мин-вил-енчи-к-Ус!

Твои пюпитры, лампочка, штепсель,— все так живо говорит о тебе, что кажется, ты здесь и вот, вот, из дома...

Пригор¹, оказывается, ходил на Басандайку²; в рюкзаке у него был котелок, щепки, хлеб и пр.,— не было только воды и перцовки,— вернулся часов в 8; от обрыва, где мы были (от палаток), до Басандайки всего 2,5 — 3 километра, и овраг, перед которым мы видели в бинокль кучку (дальнюю) людей, был устьем Басандайки!

1 Пригоровский Георгий Михайлович.

2 Речушка близ Томска. Ее устье видно из Лагерного сада, с высокого обрыва над Томью, ныне превращенного в ряд безликих террас.

№ 78. Л. Г. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2. 936 VIII 16.

Дорогой мой Норик, получил сегодня твою посылку. Спасибо! Подбор — очень удачен, нет ни одной вещи, которую можно было бы найти здесь. Многие вижу впервые. Все дошло благополучно. Очень обрадовался раковым шейкам и зеленому сыру, который давно не видел (зеленый сыр, говорит Н. К., лучше посылать тертым, а то он стал твердым, и трудно его тереть,— но от этого не менее вкусен, говорю я). Отчего же ты не пишешь, моя хорошая? Или поправилась и опять заболела? Как Комитет? У нас солнышко уже усталое, и по утрам прохладно.

Н. К. целует тебя. Передай привет маме и Володе! Как его племянница?

Крепко целую. Твой Па.

Дорогая Норочка, целую тебя крепко, крепко. Твоя посылка привела папу в восторг и очень тронула той заботливостью, с которой она подобрана. Бываешь ли у нас? Зайди. Как твоё здоровье? Не забудь написать про племянницу, а то расписала так страшно и замолчала.

Привет Володе. Твоя Н. Шпет.

№ 79. С.Г. Шпету

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 VIII 28.

Дорогой мой Сережа, твое письмо во многих отношениях доставило мне радость... Главными в твоём письме считаю два пункта: 1, твое согласие со мною относительно принципиального значения связи отца с сыном, 2, добрая воля с твоей стороны,— с моей уже давно засвидетельствованная,— к установлению соответствующих отношений. Рад я, конечно, и твоему признанию, что это лето сблизило нас. Я это и сам чувствовал, как чувствовал и то, что еще не все «перегородки» между нами пали. В чем они состоят, и как они возникли, и при каких условиях они могут исчезнуть до конца,— вопрос сложный; и, я думаю, его легче и интереснее разрешить в устной беседе, тем более, что такая беседа сама по себе была бы не только выражением интимности, но средством углубить последнюю. Во всяком случае, хочу надеяться и надеюсь, что наше сближение не остановится на достигнутом, а поднимется до степени, котирую мы будем иметь право назвать,— пользуясь твоим выражением,— «возвышенною».

Что касается твоих планов, то для меня остается не до конца ясным, почему ты отвергаешь путь самый простой и короткий, а выбираешь сложный и более длинный. Остаться в этой же школе (или,— что — несколько сложнее,— в другой) я называю самым простым и коротким, потому что, как я говорил тебе, многое в классе дается легче и «задаром», т. е. не через книжку, а непосредственно «на слух». Но что-то тебя отталкивает от этого, — а что? — я и не знаю. Отношения с учителями или с товарищами? Или тебе трудно переменить теперь общую линию поведения, если ты считаешь, что взятая до сих пор была неправильна (особенно, если ты решил твердо идти на «отличника»)? Конфликты с некоторыми учителями были у тебя, но ведь зато можно опереться на других, — чего в экстернате нет, ибо там всё — гадание. «Связывающие» отношения к товарищам или

«репутация» в классе,— но это легко преодолимо, если ты решишь «поразить» класс «отличничеством»; во всяком случае, легче, чем преодолевать самому кучу, предметов, в том числе особенно такие, которые без лабораторной наглядности вообще едва ли усвоятся как следует. Но, повторяю, я гадаю, а настоящих причин твоего решения не знаю. Кажется мне, что причины твоего нерасположения к школе более психологического свойства, но и это — только «кажется». Может быть, рационально было бы избрать путь компромисса: сдав экзамены, остаться в этой школе и в течение первой же четверти выяснить,— если отношение к тебе переменится или ты сам найдешь новый нужный тон, продолжать, а в противном случае, действительно, проститься с этой школой и тогда уже обдумать и решить, переходить ли в другую или сразу готовиться держать экстерном.

Надеюсь на то, что ты скоро приедешь ко мне, здесь еще больше оснований поступить именно в школу,— по причинам, о которых я говорил тебе; да и условий здешнего экстерната мы не знаем вовсе.

«Бочоночек», по-моему, лучше отдать Антону, не дожидаясь маминого приезда, тем более, что я хочу нагрузить маму книгами и орешками (для Ольги Леонардовны, Елизаветы Николаевны, да и для тебя); скажи, что хотел набрать орешков, но не вышло, не сезон (прошлогодние исчезли, а свежих еще не было, теперь уже появились, но мало), а что, мол, ты передашь ему бочоночек наполненным моими приветами! Кланяйся и жене Антона Николаевича (скажи, я рад, что с Ниной кончилось благополучно), и — Володе Воронину!

У меня все по-старому; погода шалит: то рыдают облака, то небо улыбается... Про Томь только вспоминаю... вместе с тоскою по тебе!

Пиши о себе побольше: и факты, и происшествия, и мысли свои.

Обнимаю тебя крепко.

Твой Па.

№ 80. С. Г. Шпету¹

1 Приписка в письме Н. К. Шпет Сергею.

9/IX-36.

Дорогой мой Сереженька, после наших бесед я твердо был уверен, что ты хорошо сдашь переэкзаменовки, и мечтал, что вернешься сюда и поступишь в 10 кл. до маминого возвращения в Москву (думал, что еще и на лодке покатаемся!) И почему ты остального не сдавал? С одной историей можно было бы все-таки здесь поступить в 10-ый класс (сдал бы ее в течение 1 четверти).

Но все-таки, действительно, не унывай, хотя придется работать теперь гораздо больше! Помни печальный пример Дымка² и не иди по его стопам! Сдать же тебе экстернат в 37 г. нужно обязательно, чтобы тотчас же попасть в ВУЗ,— иначе, по новому закону о военной службе, в 1938 году тебя в ВУЗ уже не примут. Пиши, и побольше, о своих занятиях и планах.

2 Шапошников Вадим,— см. письмо № 64.

Крепко обнимаю тебя.

Твой Па.

№ 81. М. Г. Поливановой

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 IX 13.

Золотая моя Маргариточка, давно же я тебе не писал,— посмотрел в свои записи: целый месяц и с хвостом! А так как мысленно беседую с тобою каждый день, то такое чувство, что пишу «все время».

Поздравляю тебя с Мишенькой¹, и Кота поздравь! А хорошо бы вечерком забежать к вам, деток посмотреть да тебя поцеловать...

1 19 сентября — день рождения старшего внука — Миши.

Твоя летняя служебная неудача, надеюсь, уже забыта, а какие у вас, у обоих зимние планы, ты мне еще не писала.

Карточка голеньких малышей мила, но темновато,— зато Оку можно принять хотя бы за Енисей: в такой туманной дали тот берег... Худышки твои мальчуганы — очень, но, может быть, просто в твое отсутствие их не очень аккуратно и внимательно кормили. Мишенькина «серьезность», вероятно, пройдет, раз ты сняла с него «заботы» о Котике. А заикание Котика, если само собою быстро не пройдет, не запускай; во всяком случае, это — вполне излечимо. Но если затянется, поговори (кроме врачей) с дочерью директора Приюта для глухонемых; я забыл ее фамилию,— английская какая-то; она исправляет речь и дикцию актеров; по-моему, можно или помочь, или дать хороший совет.

Н. К. едет через недельку; удастся ли ей приехать зимою, еще не знаем. Октябрь я, во всяком случае, остаюсь один, а там — виднее будет.

Пиши почаще, милая моя детка. Коту сердечный привет.

Целую крепко.

Твой Па.

Благодарю Кота за пересадку моих растений. Пересадил ли он в большой горшок од ил арий, висячий, что в столовой над окном,— в нем, вероятно, уже ни крошки земли, а сплошной запутлявшийся корень!

Напиши мне, когда именины всех членов твоего семейства — поголовно!

№ 82. С. Г. Шпету

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 X 8.

Дорогой мой Сереженька, что же ты перестал мне писать? Потому что мама мне пишет? Но ведь и я пишу маме,— значит, могу тебе не писать?.. И разве у тебя нет своих тем, которые ты мог бы обсудить со мной?

Ты спрашиваешь, не рассердился ли я на твое поведение в связи со школой. Рассердиться я не рассердился, но за тебя огорчен очень. Ты как будто нарочно создаешь самому себе препятствия и выбираешь самый трудный путь там, где есть более легкие! Скачки с препятствиями, может быть, и веселей, чем бег по ровному месту, но не каждая лошадь может скакать, да и та еще подлежит суровой тренировке. И ты не из тех, кто способен «скакать»: тут и здоровье твое, которое иногда вырывает у тебя по несколько дней, так что никакой строгий план тренировки невыполним; да и характер неподходящий: надо обладать упорством Сережи Шторха для выполнения твоей цели, а ты — из воска: что бы ни надавило, на тебе отпечаток! Не учитываешь ты и мое положение. Обеспечить тебя настоящими учителями я не могу; теперешнего моего заработка едва хватает на прожитье (да и то он гарантирован ненадолго), приходится прибегать к сдаче комнат, предстоит продажа почти всей библиотеки, надо ликвидировать квартиру и т. д.

Алексей Савельевич¹ берется тебе помогать, но это только часть программы; и мама пишет, что он отказывается от гонорара, — а какое же основание мы имеем злоупотреблять его добротой и пользоваться его неоплаченным трудом? Его предложение услуг имеет для меня, скорее, моральное значение: есть даже посторонние люди, которые больше помогают мне, чем близкие и самые близкие...

1 Магит Алексей Савельевич (1905-1965) — преподаватель русского языка и литературы, друг юности К. М. Поливанова. Зимой 1936 подружился с С. А. Шторхом, а через него и со всей семьей Шпета.

Ты предлагаешь «быть уверенным» в тебе, как ты сам уверен... Субъективно мне больше ничего не остается, но объективно я вижу многое, чего ты не видишь. Я тоже не любил школу, но видел, как даже способные товарищи и материально обеспеченные (как, например, мой друг Николай Луначарский, отец Коли, 6 лет готовился к экстернату и едва одолел) при больших материальных затратах и настоящем упорстве с великим трудом едва добивались, если добивались,— другой мой друг, Алексей Окулов, так и не добился! — того, что мы в школе одолевали легко. А ты даже на Курсы не хочешь! Есть еще много соображений высшего характера: предстоящая воинская провинность, общие суровые требования, предъявляемые к каждому работнику в нашей стране, и т. д., и т. п., но всего в письме не перескажешь. Грустные перспективы всего твоего будущего,— это не «сердит», а глубоко, глубоко, — как крушение своих собственных планов и надежд,— огорчает и расстраивает.

Возьми самый приступ твой: вместо того, чтобы сразу, с места в карьер, отбросив все остальное, приступить к занятиям, ты уже потерял целый месяц! Чтобы достигнуть цели, ты должен бы отказаться от всего: от радио, чтения, работы с Антоном Николаевичем, болтания с гостями и пр., и пр.,— а вместо этого? — ты все откладываешь, где

не может быть и одного дня отсрочки! Ты сам понимаешь, при таком начале, мысли рождаются самые мрачные! Не знаю, окончательно ли невозможно вернуться в школу, но ведь Курсы еще не ушли, а это все-таки было бы для тебя облегчением.

Я живу по-прежнему: сижу над Гегелем.² Обеды у Пригов внесли мало разнообразия в мою жизнь. Вспоминаю наши летние прогулки и лодку, все-таки мало я побыл с тобою — приехали вы поздно, а уехал ты рано. Я писал маме, что если бы ты успел подготовиться к весне и мог приехать сюда совсем готовый, может быть, имело бы смысл здесь держать экзамены, но практически это едва ли осуществимо...

2 К этому времени издательство в одностороннем порядке расторгло договор, о чем Шпет не знал и 20 августа 1937,— см. письмо № 106. Приводим два документа.

Издательский договор № 2234

Москва, 1936 г. 13 апреля

СОЦЭКГИЗ-Георгиади и Шпет Г. Г.

Перевод «Феноменологии духа» Гегеля, 30 печати, листов.

К 1/IV 1937 г. в 2-х экземплярах.

Гонорар в 225 руб. за авт. лист.

Орликов пер., 3.

Российская гос. библиотека (РГБ), ф. 718, карт. 23, ед. хр. 7.

Гос. социально-экономическое изд-во.

Орликов пер., 3.

27/325

27 июля 1937 г.

Шпет Г. Г.

Брюсовский пер., д. 17, кв. 16.

Заклученный с Вами договор за № 2234 от 13/IV-1936 г. на перевод Гегеля «Феноменология духа» расторгнут 25 сентября 1936 г.

И. о. зав. изд-вом: Баскаков.

РГБ, ф. 718, карт. 24, ед. хр. 41.

Новый договор на издание «Феноменологии духа» в переводе Шпета был заключен с его детьми 8 июня 1959.

«Плутонию»³ твою еще не читал. До вчерашнего дня было очень хорошо: тепло и солнце. Вчера погода изменилась, а сегодня и совсем холодно, надо надевать осеннее пальто. Пиши.

3 Фантастический роман В. А. Обручева.

Крепко обнимаю и целую, мой дорогой!

Твой отец.

№ 83. Л. Г. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 X И.

Золотая моя Норочка, нескладно у меня выходит с письмами к тебе: как получу твое, хочется ответить немедленно, но откладываю до «выходного» (своего), а там прдворачивается какая-нибудь экстренность или необходимость отвечать на еще более старое письмо,— а там и собственный «ответ» теряет смысл, ибо «события» уходят, а наши состояния меняются. Но надеюсь, твои письма — или отсутствие их — не зависят от моих писем — или отсутствия их! А теперь мне особенно недостает твоих писем: 1) я — один; 2) приближается твой срок, и хотя уверен, что все у тебя будет гладко и нормально, я начинаю понемногу волноваться, тем более, что произойдет это без меня,— не потому, что я «помог» бы,

а потому, что я присутствовал бы и все знал непосредственно; 3) приближается зима, и я вспоминаю, как в это время уже начал ждать тебя в Енисейск, а там — «веют», как изумительно сказал Баратынский, «возвратные впечатления»¹ от нашей тихой, уютной и, с твоей стороны, такой нежной жизни...

*1 На что вы, дни! Юдольный мир явленья
Свои не изменит! Все ведомы, и только повторенья
Грядущее сулит.
Недаром ты металась и кипела,
Развитием спеша,
Свой подвиг ты свершила прежде тела,
Безумная душа!
И, тесный круг подлунных впечатлений
Сомкнувшая давно,
Под веяньем возвратных сновидений
Ты-дремлешь; а оно
Бесмысленно глядит, как утро встанет,
Без нужды ночь сменя,
Как в мрак ночной бесплодный вечер канет,
Венец пустого дня!
1840*

Одиночество мое оказалось, — пока, по крайней мере, — далеко не столь угнетающим для меня, как можно было думать. А что касается внешних неудобств, то я так же в полной мере их еще не испытал, пока не наступили настоящие холода. Зато в одном отношении это одиночество и хорошо, оно наново разжигает жажду видеть всех своих и быть с ними. Конечно, большое значение имеет, что у меня есть работа, которая определяет сроки и заполняет время; хотя иной раз я и жалею, что у меня нет полного досуга для какого-нибудь еще «Эноха» или для собственных измышлений. Но в том-то и есть движущая сила духа, что он хочет одновременно быть и дисциплинированно занятым, и свободным... Как видишь, я сам впадаю в «стиль» Гегеля, что, впрочем, и не плохо.

Твое сообщение о Чижике² у меня вызвало много воспоминаний, в том числе и о том, что тебе не вспомнить, если ты даже при этом присутствовала, — вот

как давно это было! (как видишь, и стиль Андерсена со мною,— спасибо за него; еще поддержку и пошлю тебе). Жоржа³ же я, к сожалению, совсем почти не знаю, но думаю, что дело не в «сентиментальности», а просто как у натуралиста по специальности, то есть человека, который больше изучает природу, чем живет ею,— плохо обстоит и с культурой сердца; но может быть, я и ошибаюсь, плохо зная Жоржа.

2 Чижик — прозвище киевской семейной приятельницы.

3 Шпет Георгий Иосифович (1905-1978) — двоюродный брат Шпета, генетик, зоолог, жил в Киеве.

Насчет «детей» своих (ты уже во множественном числе пишешь!) не бойся,— прав Володя: ведь какой-то спец по наследственности установил, что дети талантами выходят в матерей, а характерами — в отцов; что касается красоты, то это технически исправимо,— в случае неудачи!

А насчет того, будто ты с Марго доставляли больше огорчений, чем радостей,— Марго недаром говорила (маленькая) — «Норочка-врушка»! Для подсчета «радостей» не хватило бы чисел, а для подсчета «огорчений» — счетные способности Котика дадут больше цифр, чем надо! Если под моим «чадолюбием» С. Н.⁴ понимает любовь к детям моим, то это — верно, а если любовь — к клизмам детским и к посыпанию некоторого местечка пудрой или тальком, то это — неверно!

4 Луначарская Софья Николаевна.

Поручение, моя девочка, могу сейчас дать тебе только одно: пиши почаще!

Приветы маме, Володе, Софье Николаевне — и кому еще это может быть нужно. Крепко обнимаю тебя, моя милая, моя любимая.

Твой Па.

P.S. Симонова⁵ в Хлестакове мне очень Оы хотелось посмотреть! Симонова недооценивают, он больше, чем принято о нем думать и говорить.

5 Симонов Рубен Николаевич (1899-1968) — народный артист РСФСР, режиссер театра им. Вахтангова

Idem.

№ 84. М. Г. Поливановой

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2. 36 X 14.

Моя драгоценная Маргариточка, только что получил твое письмо (от б/Х №, письма стали приходиться ко мне на 7-ой и 8-ой день!) и сейчас же отвечаю, потому что «стыдно» стало когда прочел, что ты ждешь от меня письма к 18-му¹, а я не написал; хотя хорошо помнил все время, что этот день приближается. Поздравляю тебя, моя золотая, моя утешительная девочка! Когда же в этот день я снова буду с тобою?.. Я просил Н. К. вручить тебе к этому дню Новалис^{а2}, — уж романтики, то романтики! Но если у тебя он есть, я выберу что-нибудь другое, — немецких романтиков у меня много; напиши, кем из них ты больше интересуешься.

1 18 октября — день рождения Маргариты.

2 Новалис (1772-1801) — немецкий писатель и философ.

Карточка деток мила, но Миша просто не похож; я сперва думал, что он так изменился, но вот же на маленькой, которую ты раньше прислала, я узнал его. Я даже заволновался... Но когда прочел разъяснение в твоём письме, успокоился: не так еще время нас разделило.

Ты вспоминаешь, как ты вот здесь шила эти рубашечки, но ты не представляешь, как комната изменилась. Ширмы нет ни одной; я — по самой середине комнаты под лампой; рояль направо от меня, ящики с книгами убраны, и на их месте обеденный столик...

В том, что я мало тебе пишу, ты нимало не «виновата»; я все откладываю письма на свой «выходной», а потом их скопляется несколько и подворачивается какая-нибудь экстренность или обнаруживается письмо, еще долее ждущее ответа. И Н. И. здесь не при чем. То раздражение давно исчезло, хотя теперь я наново огорчен и до известной степени даже оскорблен ее поведением: я так и столько просил извещать меня о ходе моих дел, находящихся в ее руках, что ее упорное нежелание считаться с моей просьбой меня больно задевает; да и практически это неудобно,— я дезориентируюсь в собственных делах. Одну мелочь я прошу тебя выяснить. Опять «бочонки». Только распуталось с Любовью Яковлевной, запуталось с Верой Нечаевой³. Я помню, что ей предназначался один, а Н. К. мне пишет, что хочет передать Вере по указанию Н. И. В чем тут дело?

3 Нечаева Вера Николаевна — жена В. В. Нечаева.

То, что ты пишешь о Норе, очень приятно, но боюсь, что у Норы такое оздоровление духа — временное только. Конечно, и то уже хорошо! «Однако» (сибирское,— которое неизвестно, что значит) в письме ко мне она передается свойственной ей Griibelei⁴ по поводу — чего бы ты думала? Детей своих (уже во множественном числе), которые могут причинить столько огорчений, сколько она с тобою причиняли своим родителям!.. Конечно, слушать такие вещи весело,— особенно, когда речь идет о моих золотых девочках! — но ведь она-то говорит серьезно!

4 Бесплодные раздумья (нем.).

Какое это письмо твой Кот все пишет, пишет, пишет?.. Все-таки это письмо не диссертация? Призвать бы Мишеньку на помощь! Как представитель поколения, которому принадлежит светлое будущее, он окажется, несомненно, смелее! — Кстати, что же ты не написала, как Мишенька принял второе мое письмо к нему? Сказочку им я непременно напишу, надо только подходящий mood⁵. Еще в Енисейске наклевывалась очень хорошая, потом тут всплыла другая, именно с их «изречениями», да тоже расплылась; я и просил тебя об новых «изречениях» в надежде, что какое-нибудь из них «вдохновит». — Фрейденберг⁶ я, по совести, предназначал Норе,— ты же велела, после моего промаха с Марлинским, тебе дарить романтиков, а Норе — классиков: так что уж делитесь сами! — Кстати (или не кстати), Нора просила надавать ей поручений; в ответ я не нашел ничего (кроме пожелания, чтобы она почаще писала), а теперь передай, что очень тоскую по польской литературе,— если может найти что-нибудь, пусть ищет и шлет. — О Манон еще отложим; мне нравится этот роман, но его автор — не в первом десятке моих кумиров, да и не во втором, а, знаешь, 20 кумиров — уже неприлично. Когда же ты от Гомера перейдешь к трагикам? Смотри только, не погибни там! Впрочем, не я тот, кто будет тебя «спасать» в этом случае!

5 Настроение (англ.).

6 Фрейденберг Ольга Михайловна (1890-1955) — филолог, профессор Ленинградского университета. В 1936 вышла ее книга «Поэтика сюжета и жанра. Период античной литературы».

О заикании Костюшка ты не пишешь,— значит, лучше? Н. К. мне писала, что лучше.

Еще раз поздравляю и обнимаю. Деток нежно целую. Сердечный привет Коту и маме.

Твой Па.

Получил нежданно письмо от Левушки Бачинского. И факт, и тема (его мысли о стихах), — одно — приятно, другое — интересно; но что значит заключение: «Приветствую из кутузки» — и приписка: «Это — дисциплинарное наказание. Адрес — домашний»? — Кстати, какой № его дома (1-й?) и как теперь называется их переулок (Ковригинский?).

№ 85. М. Г. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 X 20.

Милая моя Мариночка, хотя ты мне и не пишешь, но не думаю, чтобы причины этого были таковы, что могли бы и меня заставить не братья за перо. Хотят правду сказать, если бы не желание заранее поговорить с тобою о приближающемся 12/ХІ, я, может быть, еще не дотянулся бы до этого листка. Обо мне ты знаешь от мамы; а если сверх того у тебя есть о чем спросить, то спрашивай сама. То немногое, что мама пишет о тебе, никак меня тобою насытить не может; но я — в худшем положении по сравнению с тобою: на мои вопросы ты обыкновенно молчишь. Я догадываюсь, конечно, что за этот год, — считая со времени твоего прибытия в Енисейск, — ты набрала у жизни столько впечатлений и поучений, что размышлять о них можно хотя бы десять лет, а практически распутывать в течение всей твоей жизни. Но... влезать в твое сердце силою я не хочу.

Каждый теперь денек все чаще заставляет вспоминать тебя: пока эти воспоминания больше вяжутся с воспоминаниями о Енисейске, но я предчувствую, первый снежок, — хотя мы довольно видели его и в Енисейске, — перенесет с собою и тебя сюда ко мне... Порою даже странно, как же наступит зима, а я без моей Мариночки:

никто не будет входить сюда в пимах, краснощекий, морозный; некому будет сказать: «Ну, раздевайся скорее!» — никто не будет на полу расставлять посуду, угощать новым сортом копченой рыбы, приносить подарочки, а вечером — по всем направлениям измерять длину комнаты длиной собственного тела, — словом, будет все то — не то!..

К 12/Х1, Маринаша, тебя учить не надо, как сделать все, чтоб мамульке было приятно; разработайте план сообща, — если поистратитесь, я восстановлю, когда пришьешь счет. Кого пригласить, кроме родных ее детей, сообрази сама; т. е. я имею в виду Сережу Шторха, Алешу Магита и Дрюшу¹; с Норой и Марго можешь говорить свободно и никакого «промаха» ты не сделаешь. Ну, а я уже буду один о вас всех думать! Да, может быть, мама захочет через Со или у Со (Priggischman²) что-нибудь для меня сделать, то по возможности предотврати это, — с ними в этот день мне было бы неприятно, — все-таки они, хотя и добрые люди, — из профессорского теста леплены, а олады из такого теста — не на мой желудок, — тем паче — сердечный!..

1 Губер Андрей Александрович.

2 Со — заочное прозвище Софьи Николаевны Пригоровской, Priggischman — шуточная переделка ее фамилии

Прошло ли твое желание взять посох и айда по свету гулять или еще «бродит» в душе молодое вино?..

Не забывай своего «папульку», — он у тебя все-таки один... Ну, каламбур нечаянно получился! — я хотел сказать, что именно у тебя — один; а здесь — его и «одного» нет, потому что большая часть — с вами!

Крепко обнимаю тебя!

Твой Па.

Здесь тебя часто вспоминают с искренней любовью; написала ли ты хотя бы открытку Дине (за одни «гупки» нельзя забывать) и Соне?

К 12-му закажи маме горшочек или маленькую корзинку с белыми цветами, пусть нарочным доставят.

Прилагаемое письмецо маме, как ты догадалась уже, надо вложить в цветы, чтобы утром, еще в постель!

27/X. Конфиденциально Маринаше Ша.

Маринаша моя, подарочек маме к 12/XI я все-таки придумал: рисунок Феофилактова³ (который маме очень нравился: рисунок, а не Феофилакт!), что у меня над белым столиком, под «Каруселью» — лежит длинная голая с письмом в руке; повесь ей над кроватью ночью 11/XI, чтоб она увидела, когда будет ложиться спать (наверное, после 12 ч. уже!). Гвоздик прибей незаметно раньше; и картинку повесишь, как сказано. Скажешь, что, мол, видно, сама прилетела.

3 Феофилакт Феофилактов Николай Петрович (1878-1941) — художник, график; оформлял журнал символистов «Весы». Шпет был близок с этим кружком. У него было много картин и рисунков Феофилактова, которого он часто дружески выручал в финансовых затруднениях в последние годы жизни в Москве. На нужном рисунке — «длинная голая» и черная птица с письмом

А где же письма от тебя. Целую.

Твой в снегах... Па.

№ 86. Л. Г. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 X 25.

Милая моя Норика, спасибо за коврик и за фрукты! Все дошло хорошо; только две груши (длинные) немного помялись да на некоторых красных яблоках от ударов

пятнышки. Так как в домино играть мне не с кем, то я решил поступить с ним, как умные дети поступают с шоколадными папиросами. Марго поблагодари и скажи, что ее подарочек мне не менее приятен был <бы>, если бы она прислала одну обложку, а содержимое поделила между моими внуками. Печенье пришлось очень по вкусу, а пирожки, надеюсь, ты сама делала,— заранее завидую твоим детям! Мыло как раз какое я люблю. Почему такой причудливый подбор «Книжных новостей», и самый свежий № — 30 июня!

Получил вчера твое письмо: я тоже все вспоминаю Енисейск этой поры, хотя здесь ничто не напоминает его. Получил письмо от Левушки Бачинского; собираюсь ответить,— передай ему это вместе с приветом.

Пиши почаще. Привет маме и Володе. Крепко обнимаю мою любимую. Когда же внук и как его назовешь? Целую.

Твой Па.

№ 87. С. Г. Шпету

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 XI 21.

Дорогой мой Сережа, две недели прособирался я с ответом тебе и до известной степени пристыжен, получив от тебя еще письмо!.. Внешняя причина моей медлительности — педантизм, который я завел в работе: не братья за другие дела, пока не выполню «урок»; но важнее — внутреннее: я выполнял урок так поздно, что не мог добраться до других дел, потому (что поздно принимался за работу, долго «раскачивался», а это происходило из-за того, что плохо себя чувствовал по утрам.

Я думаю, ты правильно подметил, что настроения, которые тобою овладевают по . временам, а порою и тяготят тебя, настроения «возраста»,— того возраста, когда человек настолько возмужал, что чувствует в себе достаточно сил стать на ноги и идти самостоятельным путем, но еще не с достаточной ясностью видит перед собою свой путь. Но, понятно, к этому примешиваются и индивидуальные особенности: влияние ближайшей среды, от которой предстоит, как от берега, оттолкнуться,— и вопрос: покидает данный человек «край чужой» или «берег отчизны»? Затем, конечно, духовный и душевный склад и характер. Ты очень самолюбив, чувствителен и пылок,— под влиянием этих душевных движений готов порвать с нами и уйти, но также по существу — мягок, нежен (по-мужски, конечно, не по-бабьи), привязчив и достаточно чуток, чтобы распознать подлинную исключительную любовь к тебе всей семьи (всей, то есть включая Нору и Марго, в нежно-любовном отношении которых к тебе я убедился из разговоров с ними),— порвать, значит много потерять, а приобрести?.. Нас (мужчин) легче вырывает новая, чисто мужская любовь, но она далеко не всегда «разрыв» с семьей, ибо «разрыв» — разрушение и ущерб, а «новая любовь» нормально — рост и развитие той же семьи. Наконец, в твоих настроениях известную роль играет и то, что ты ушел из школы: твой внутренний «раскол» начался на несколько месяцев раньше «нормы». В школе меньше думается о «дальнейшем», потому что есть близкая цель — кончить ее. Правда, эта цель у тебя есть и теперь, но в школе она кажется более самодовлеющей, а теперь — как будто уже «начало» чего-то другого; там как-то откладываешь решительные вопросы, кончу, мол, подумаю, а здесь они более лезут в голову; кроме того, там слышишь какие-то суждения и мнения, сравниваешь, противопоставляешь, а здесь и «да» и «нет» приходится одному самому и воображать, и отражать. Не в этом ли также источник твоей остро почувствованной потребности

в друзьях, и в особенности в твердом, надежном, интимном друге? Впрочем, и другие причины должны влечь тебя в эту сторону, и потому эту тему я пока отложу.

Возвращаюсь к семье. Ты слишком общо написал о своих настроениях, чтобы я мог сказать тебе что-либо конкретное. О таких вещах легче говорить, когда можно быть достаточно пространным. Ограничусь одним общим замечанием, а об остальном поговорим, если хочешь, когда увидимся. Мне не ясно, что значит «внешний» разрыв с семьей; по-моему, может быть только внутренний,— и это — единственно существенное; ибо если внутренний налицо, то не все ли равно, продолжает человек жить с семьей под одной кровлей или уходит? Поэтому может быть только выраженный или невыраженный разрыв, а по существу он — внутренний. С другой стороны, «внешний» в смысле «ухода», как я уже намекнул, не есть «разрыв», то есть разрушение, а может быть естественным ростом той же семьи. Если хочешь, например, Нора и Марго стали со мною ближе, когда обзавелись собственными семьями. И это — нормально. Подробнее войду в это, когда ты захочешь поделиться со мной более конкретным материалом из своих дум.

Против мысли Маяковского: «Где, когда» и т. д. не стоило бы возражать, поскольку это «стихи», то есть вроде поэзии; но так как Маяковский в гораздо большей степени моралист, чем поэт, то возражать можно было бы, и даже очень. И дело не в том, что Маяковский фактически неправ, а дело — в соображениях другого рода. Одно — психологическое. Оно иллюстрируется анекдотом из древнего мира. Какой-то гражданин с восторгом читал на монументе, воздвигнутом в честь какого-то божества, имена моряков, молившихся этому божеству о спасении от кораблекрушения и им спасенных. Другой гражданин по этому поводу заметил, что если бы был воздвигнут

такой же монумент от молившихся и не спасенных, там имен было бы больше. Счел ли Маяковский тех, которые выбрали путь не «протоптаный» и оказались не «великими», а ничтожными? А сам Маяковский? В своем сознании, по крайней мере, он шел путем не «протоптаным», — но сделал ли его именно его путь (в особенности до революции) «великим»? Нет, — он был только смешон в своей пресловутой «желтой куртке». А когда он, наконец, нашел свой настоящий путь (в революции), он оказался надломлен и нежизнеспособен, — подвернувшаяся девчонка — только повод, а не причина его выстрела себе в грудь. Второе соображение — логическое. Тут, прежде всего, круг: путь «великого» — всегда путь «непротоптаный», и причина — в «великости» человека, а не в пути, поэтому нет обратного движения в этом круге: великие идут непротоптаным путем, но это не значит, что те велики, которые ходят непротоптаными путями! Так, все Иваны — люди, но это не значит, что все люди — Иваны. Третье соображение — принципиальное. Хотим мы или нет, но до поры до времени мы все идем путем протоптаным: от груди матери и до... вот, до какого момента? Давно замечено, что легче всего сокрушаются всякие теории, школы и академии людьми в 15 лет, когда голое «не» кажется самым убедительным аргументом, ибо до сих пор все встречалось бессознательное «да». Но и «не» — не есть еще сознание, а только проблеск его; и оно легко произносится, потому что кажется разрушительным, а ни умения, ни обязательства строить у 15-летних нет. С каждым годом затем это «не» произносится все с большим трудом, но труднее всего его произнести, когда школа, академия пройдены. Вот тут только подлинно великие произносят свое «не» и начинают свой непротоптаный путь. Так шли Коперники, Декарты, Шекспиры, Пушкины, Канты, Гегели, Марксы! Легко вырвать из книги заглавный лист и изорвать его в клочки, но трудно это сделать с книгою, и тем труднее, чем она

объемистее! Но это все же легкий физический труд по сравнению с духовным: одолеть эту книгу, чтобы ее преодолеть; усвоить ее «да», затем только сказать против него «не», и тогда сказать свое «ДА», которое стало бы на место первого «да», — вот путь «великих» и вплоть до «ДА» большими буквами — путь все протоптанный.

Очень радостно, что заключительное обещание этого письма: «Теперь буду чаще писать», — ты выполнил! Также радостно, что и по твоим словам, и мама пишет, ты здорово взялся за работу. Я и раньше был убежден, что ты можешь справиться, а теперь уверен, что ты и действительно справишься. Считай только месяцы, а там и — освобождение! — для меня тем более радостное, что это обещает мне и свидание с тобою. Как о многом теперь хочется поговорить! В том числе и о том, куда тебе поступить. Сейчас не углубляйся в это, поговорим подробнее летом; но всякие внешние сведения собери. Вот не думал, что математика тебе не по душе, а мне она нравится своей пустотою: вроде как подумал («вроде», потому что настоящей содержательной мысли в ней нет), сообразил, и теория, да и вся наука эта — в кармане!

Строки: «С каждым днем все рушатся надежды...» мне незнакомы, но готов за ними почувствовать автора, хотя и неопытного, но мне близкого и дорогого... Так ли?

О поэтах еще поговорим. Не пойму только, — чем пленил тебя Минский? Ведь это так: вроде — сукно, а вроде — кочма... Блок пройдет, кроме каких-нибудь 5-10 стихотворений, которые останутся. А из Шершеневича, увы, ничего не вышло.

Ну, надо кончать; у меня уже около 4-х часов, — а у тебя около 12!

Брать работу из-за 90 р. не стоит; да и пока ты готовишься, ничем отвлекаться нельзя. Я понимаю, что

тебе может быть неприятно обращаться с денежной просьбой ко мне или к маме, но другое дело, если я сам тебе предложу, и в особенности, если добавлю, что с моей стороны это просто досадный промах, что я тебе не предложил этого летом. А если тебе неприятно просто «брать», давай играть, как в Англии, где считается, что деньги, затраченные на воспитание детей, даются им в долг, который они выплачивают по мере возможности старикам, когда сами становятся на ноги. Бери, пока есть у меня, тем более, что и немного нужно тебе; потом когда-нибудь отдашь, когда у меня не будет. Я напишу маме, чтобы давала тебе ежемесячно с 1-го декабря.

Пиши почаще, мой любимый. Крепко обнимаю тебя.

Твой отец.

№ 88. М. Г. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 XI 27.

Итак, моя Маринаша, через три дня я мог бы праздновать месяц со дня получения твоего письма!.. Чтобы избежать такого торжества, принимаюсь сегодня, хотя времени у меня всего 20 мин., — но надо хотя бы начать. Я много уже сочинил тебе писем мысленно; они были разные, но начинались неизменно: первый раз ты, Маринаша, со мною заговорила, а потому... но теперь, через месяц, это «потому» — уже неуместно, хотя соответствующие лирические чувства во мне живут. Итак, к делу.

Ты попала, можно сказать, в самую середину диалектической сети: «житейская мудрость — собственный опыт»! Как прийти к общему, не имея своего индивидуального? И как осуществить свое индивидуальное, не нарушая общего? Кто же не прошел через эти вопросы? Если житейская мудрость есть

накопленный годами опыт, то как же ее приобрести, не делая собственных опытов? И просто, конкретно, по-бытательски, какая юность не задавала старости своего вопроса: а вы не делали тех же глупостей? Хотя ответ: «делали» — ровно ничего не значит; а «не делали» — значит только, что и судить не можете, раз не делали!.. И т. д. И все это — правда. Но ложь, будто «глупости» делаются для приобретения опыта и будто эта мнимая цель их может оправдать; и такая же ложь, будто сделанная «глупость» лишила человека чего-то такого, без чего он и жить дальше не может, и будто она навеки в чем-то связала его и какие-то пути ему заказала.

Вот почему, Маринаша моя, и твои слова: «Даже жить не хочется и кажется все не то бессмыслицей, не то игрушкой», — тоже ложь! Не ложь, к сожалению, то душевное состояние взбаламученности и «самоедства», которое вызывает такие мысли и слова, но ложь — содержание и смысл этих мыслей и слов. Так как именно это душевное состояние окрашивает и своей краской густо покрывает все мысли и смысла, то трудно об этом говорить, — чтобы не получилось голое «рассуждение», — иначе, как взявшись за руки и заглядывая в лицо, потому что взгляд тут часто весит больше всей Британской энциклопедии, а пожатие руки говорит больше, чем могли сказать до сих пор все моралисты всего света, начиная от Фалеса и Пифагора до наших сложных дней!

Но когда так поговорим и поговорим ли так когда-нибудь, неизвестно! А если все-таки «рассуждения» без такого магнетизма чувства чего-нибудь стоят, то об одной стороне я скажу несколько слов.

30/XI. Ну, так вот, — прямо к центру вопроса: «бессмыслицей или игрушкой» нам кажется «все», пока мы в этом «всем» не нашли своего места. Прежде всего — ложь, будто в этом всеобъемлющем «всем» кому-то нет места; думать, что именно для «меня» его нет, могут

только природы ничтожные, но претенциозные, не довольствующиеся скромным местом, потому что воображают, будто призваны к великому. «Место» надо искать по своим способностям, данным, склонностям,— и оно уготовано для каждого. Но чтобы найти свое место, надо знать цель и видеть путь, хотя бы его начало. И вот вторая ложь: многие воображают, будто эта цель — счастье,— почти всегда, сознательно или бессознательно, к тому же эта «цель» сжимается в комочек, в атом, так что получается даже комически, когда во всеобъемлющем «всё» звучит тонким голоском формула цели: «мое счастье!»... И так как невольно каждый чувствует, что произносит ложь, ибо, суживая на словах до атома свою цель, до «моего», он в то же время само «счастье» воображает чем-то необыкновенно огромным,— таким огромным, что если бы удалось его «объять», то это «мое», «я» растянулось бы, как если бы кто-нибудь задумал втиснуть землю в волейбольный мяч!.. И вот оговорка: «хотя бы на миг!» И из-за этого «мига» готовы совершить любое безрассудство, воображая, что идут на подвиг или, по крайней мере, осуществляют вольный порыв свободной души, «большой» любви, широкой природы — и как там еще в таких случаях выражаются! Но подлинная ложь — не в определении степени доступного нам счастья, а в самом определении цели. Счастье (как и наслаждение), если под ним разуметь не просто «удачу», «случай»,— кои по существу не могут быть целью,— а чувство, то, каким бы ни казалось оно сложным по составу, интенсивным по силе, бесконечным по широте, поглощающим по качеству,— все равно, оно, как и самое малое чувство, не есть самодовлеющее и самостоятельное. Оно есть только переживание, сопровождающее то, что действительно самостоятельно. Поэтому оно может сопровождать достижение цели, осуществление замысла, воплощение мысли в жизнь, в дело, но не может быть целью, замыслом, мыслью, делом. Найди достойную цель, и

счастье откроется еще раньше, чем она будет осуществлена,— по пути к ней. Но, вот, цели-то и нет!.. Будто!.. Если это не ложь, то — самообман; а если самообман, то тут-то уже указан и источник: в «самообмане» человек не только обманывает себя, но, главное, сам обманывает, а обманывает потому, что вертится в своем «сам», как в заколдованном круге, и вырваться из него не хочет. Он поставил себя самого в центр и обводит около этого центра круг за кругом: я сам, самое мое близкое, просто мое, просто близкое, безразличное, далекое и т. д., и т. п.¹! — это и есть эгоцентризм! Стоит «я» само в центре им же самим обведенных вокруг себя самого кругов и — ничего кроме себя самого не видит, — ясно, что «цели» нет, и не найти, и смысла нет ни в чем, и все пути заказаны... — одно неподвижное созерцание самого себя! Но оторвись от созерцания собственного «я», подними голову и оглянись вокруг: во все стороны, во всех направлениях, к миллионам целей идут люди, такие же ценные, такие же достойные, как и твое собственное «я»; и несут к своим целям свой труд, творчество, любовь, а вместе волокут и горе, нужду, свои слабости; падают и поднимаются; страдают и радуются.

1 В письме эта запись изображена в виде концентрических кругов.

Глядя на себя, себя и вводишь в обман; жизнь и смысл — не в тебе, а вокруг. Если заблудилась в себе, вырвись в настоящую жизнь, присмотришься вместо себя к другим, и если не сразу увидишь свою цель, то и то утешение, что узнаешь цели других, а вместе узнаешь, что и они, может быть, не сразу находили свои цели и тоже мучались этим, пока не оторвались от самосозерцания; убедись в их горестях и радостях, и еще в том, что твое участие в их горе — им облегчение, а участие в их радости — им увеличение радости... И ощутишь, наверное, и свою жизнеспособность, и силы, и нужность другим, и

радость,— и кто знает? — может быть, как подарок, испытаешь и настоящее человеческое счастье,— и как рукой снимет «даже жить не хочется»... До чего же мы забываем, что живет не «я», а «мы», что вне этого «мы» одно «я» — не жизнь, а пустота; но попробуй зато вырвать это свое «я» из «мы», и в самом «мы» образуется незаполнимая навеки брешь, своему «мы» нанесется незабываемая, неисцелимая рана,— горе на всю жизнь этому ущербному, надломленному, осиротевшему «мы». Я знаю, что против воли человека иногда приходят мысли о «жить не хочется», о самоубийстве и т. п. Но знаю и то, что эти мысли не могут продержаться более 5 минут, потому что на это время человек забывает тех, кто его любит, и не рисует себе образа тех, кто его любит. Мысли лезут против воли, потому что воля не оказывает им сопротивления; но если она слаба или временно ослабела, то надо звать на помощь память и воображение. И достаточно, думаю, вызвать живой образ любящего тебя человека: матери, брата, сына, друга,— и только представить себе, как искажается горем и болью это любящее лицо при одной мысли, что любимая дочь, сестра, друг, терзается этим «жить не хочется»,— достаточно, говорю, вызвать в своем воображении эти картины, чтобы воля оказалась способна к сопротивлению, чтобы вспыхнули другие чувства и появились другие мысли, среди коих и мысль о том, что «всё» — не «бессмыслица» и не «игрушка».

Но довольно об этом; столько не собирался писать, хотел сказать несколько слов, ибо все-таки без «руки» и «глаз» это полностью не «дойдет», и не потому, что не все сказано,— тут можно говорить ой как долго,— а потому, что... и говорить-то это надо без «потому что»! Но не сердись на столько морали: во-1-ых, как тебе известно (не знаю; откуда?), старики болтливы, и, во-2-х, как значится на первой страничке, мы «говорим» с тобою впервые, а, как известно, в-3-х (спроси у бабушки), все начинающие и

неопытные ораторы хотят сразу рассказывать все, что знают...

I/XII (сквозь тайгу смотрит на нас этот месяц!)²

2 В декабре 1935 Шпет с Ленорой и Мариной переезжали в Томск из Енисейска. До Красноярска по тайге ехали на санях.

Насчет Л. — ты права: не говорили мы, когда это было в настоящем (и казалось настоящим), не стоит говорить, когда оно хотя и в прошлом, но таком свежем прошлом, что от прикосновения к нему могут остаться следы, которые не исчезнут и тогда, когда оно «затвердеет». Если это была ошибка, она уже преодолена; если это — твоя натура, взнуздай се. В вольном табуне мы выбираем самого дикого скакуна, но только потому, что на нем хорошо носиться, когда он будет взнуздан и оседлан.

Ты упоминаешь, что «виновата» перед мамой и мною «без конца». Что ты имеешь в виду, Мариноша? Я вижу твою вину, — хотя это — больше ошибка, чем вина, — передо мною только в том, что ты было окружила себя некоторым туманом скрывания, утайки, маскировки и, значит, лжи. Но от этого страдала и ты, ибо за этим туманом мне казалось не все таким «светлым» и чистым, как хотелось бы видеть у тебя, и, быть может, ты не встречала иной раз себе отклика с моей стороны там, где он должен был бы быть и был бы сочувственным. Если здесь есть «вина», то и она искуплена тем, что несмотря на сердечную тягу к другому месту ты оставалась возле меня в целом бодрой, жизнеспособной, деятельной помощницей и другом. Так что, взвесив даже на аптекарских весах, получится больше того, за что надо благодарить и любить тебя, чем того, за что можно было бы «винить» или что можно было бы прощать. Не рассуждениями, а на деле ты показала, что твой

«эгоцентризм» — преходящее состояние, а не характер твой.

Итак, Магит оказался скорее магнетическим, а выронил «наш» («н») в своей фамилии, должно быть, из скромности! Но мне он таинствен по-прежнему. Физики только хвастаются, будто у них всё яснее и известнее, чем у нас: магнит — куда таинственнее, например, такой простой вещи, как «влечение», если только «намагнитить» не значит то же самое, что «увлечь»...

Что тебе полюбились Софокл, Еврипид и пр., меня радует, как наилучший подарок! Если ты войдешь в них как следует, заживешь новой жизнью, и настоящей, — не «медным блеском». Они — всегда возрождение души! Вероятно, ты и сама уже выискала, что могла у меня по-русски найти об античности. Если же нет, то посмотри на № 12, вторая полка к концу, — всё, что есть Зелинского («Из мира идей» и др.); затем на № 11 просмотри 2-ю и 3-ю полки, там есть полезные сборные работы (Вельгаузен и др.) «Эллинская культура» и «Эллинистическая», а также что есть Буасье, и его же поищи на № 8 — там было кое-что по-русски. Есть (или было!) на № 11 же две превосходные книги по-английски — о Греции и о Риме, — Stabborn'a, — хотя бы просмотри их, там много иллюстраций (но эти книги страшно береги и даже не показывай никому). Если заинтересуешься чем-нибудь специально, пиши; и впечатления пиши.

Насчет перемены, как у нас выражаются, специальности надо бы подробно и толково поговорить, а так — трудно. Но что бы ни было, английский останется тебе «приобретением навеки» (так выражались греки).

Что же ты мне не написала, как прошло 12/XI, как мамуля осталась довольна, какая она была? И что я вам должен?

Пиши, Маринаша, хорошая моя! Это письмо мне много приятного принесло, я почувствовал тебя живую!

А тут всё так же, но без тебя — не так же! Крепко, крепко целую...

Па.

Ты начала переписывать «комнатку»³ и бросила! Забыла или некогда?

3 Речь идет о переписи библиотеки Шпета. «Комнаткой» назывался угол кабинета, с четырех сторон отделенный книжными шкафами и полками с одним узким проходом.

№№ 89-90. Л. Г. и М. Г. Шпет¹

1 К 18 декабря, дню выезда из Енисейска в Томск, Леноре и Марине были посланы почти одинаковые открытки.

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

936 XII 13.

18/ХП. Колокольчик динь-динь, динь!

Мослаково,

Усть-Тунгузское! — Уф!..

Аблаково — Казачинское!.. Пфуй, пфе!..

Пинега-а-а!

Бобровка — Трах-тракт-трах-пр-трах-трах!

Мурта — Зусс-гз-sss-згsss...²

2 Шпет выехал из Енисейска с Ленорой и Мариной на почтовых лошадях до Красноярска. Перечисляются населенные пункты, встречавшиеся по пути, с их

звуковым сопровождением: то тихий спокойный колокольчик, то ветер, то трактор перед лошадьми проехал, как бы обрубив с двух сторон дорогу и сани кувыркались в снег то направо, то налево. Последний перегон от Мурты проехали на легкой машине.

Краснояр! — — — — —

Тайга,

Томл — Тоск — Томскл — Томлск!..

<Леноре.> Что же ты меня забыла? Неужели только потому не пишешь, что я не отвечаю?.. (свету нет). Или Марцеленочка³ вытеснила все и всех?

3 Так Шпет иногда называл внучку Аленушку. Составлено из сочетания имен Клена и Марцелитш (мать Шпета).

Всем приветы. Целую мою любимую.

Па. До свидания, Норочка!

<Марине.> — — — — —

Прощай, Маринаша!

Обнимаю и целую.

Па.

№ 91. Л. Г. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

937 | 8.

Моя милая, нежно любимая дочечка, поздравляю тебя, мою славную, с многими летами! Не обижайся за запоздалое и такое кургузое поздравление. Московские неврастенические методы работы определили и мою

суету последних дней,— ты, конечно, в курсе дел, связанных с Голдсмитом¹. И вот — получается привет тебе, ни по содержанию, ни по виду, ни по сроку несколько не соответствующий тому, что мне хотелось бы! А хотелось бы сказать и выразить так много нежности, как у меня, кажется, и не бывало еще — даже к тебе. Впрочем, причина¹ такого прилива — твоя Марцеленочка — тебя же и отвлечет, и утешит, дабы ты не придавала такого значения моему «манкированию», какое оно могло бы получить в твоих глазах при других условиях. Хотя никаких индивидуализованных отношений у меня с нею еще нет, но я заметно для себя скучаю по ней. Спасибо за карточки с нею.

1 Голдсмит Оливер (1723-1774) — английский писатель-сентименталист. Шпет что-то перевел в Томске из Голдсмита.

Брентано², которого ты получишь, я хотел подарить тебе еще в ноябре, пусть будет «за одно» (точнее «за два»). Дарю его, потому что считаю его одним из 10 лучших немцев и к нему также питаю нежность. Если ты к нему равнодушна,— обменяю.

2 Брентано Клеменс (1778-1842) — немецкий писатель-романтик.

Целую любимую, хочу поближе прижать к себе. Всем приветы.

Твой Па.

№ 92. С. Г. Шпету

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

937 III 25.

Дорогой мой Сережа.

Твоя записочка застала меня врасплох: так сразу, вдруг, с места в карьер надо выполнить твоё желание,— написать к 2/IV. А мне теперь на все надо «раскачиваться», подготавливаться...

Во всяком случае,— без этого сегодня не обойтись,— поздравляю тебя, обнимаю, жалею, что я не с тобою, от души желаю тебе сбросить тяготеющее на тебе бремя 10-летки... и стать свободным! О том, что же дальше — хочется много и подробно с тобою поговорить; это можно будет сделать при свидании.

Мне жаль и горько, что наша переписка оборвалась в самом же начале, но ты так ничего и не пишешь о себе! А темой можешь быть только ты: твои мысли и дела,— а об них-то я ничего и не знаю. Мои дела: Гегель, и это — всё; мысли — о вас всех; а быт — знаешь со слов мамы. Итак, только о тебе могли бы мы поговорить. И несмотря на твоё упорное молчание я все-таки надеюсь, что наступит момент, когда тебе захочется поделиться собою со мною.

Мама писала, что тебе понравился Пыпин, по-моему, он — сух, туповат и педант, но раз он тебе нужен, преподношу его тебе. Посмотри, что тебя ещё заинтересует по истории литературы на № 9.

Кем из поэтов ты теперь увлекаешься?

Ещё поздравляю и крепко целую! Побольше бодрого напора на школьную науку.

Твой отец.

Посылаю тебе ещё 3 книжечки,— если не нужны, отдай, кому захочешь.

№ 93. С. Г. Шпету

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

937 IV 20.

Дорогой мой Сережа, захотелось сразу ответить на твое письмо, но ответ как-то отодвигается, и решил оправдаться хотя бы открыткой! Огорчился, понятно, некоторым упадком твоего настроения,— хотя уверен, временным,— да еще и физическое недомогание! Держись, дружок, и бодрись,— осталось немного: всего месяц до начала твоего «испытания», а там — и свобода. Впрочем, я уверен, приближение срока поднимет твои нервы, а тем более взвинтит их само «испытание». И пронесешься через него, как на крыльях! А летом обещаю тебя развлекать: обдумываю планы увеселительных прогулок — не в самом бы Томске, а вокруг.

Крепко тебя обнимаю.

Твой Па.

Эта открытка не ликвидирует долга моего ответа, а, напротив, расписка в нем.

№ 94. Л. Г. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

937 IV 20.

Дорогая моя Норочка, получил твое письмо с опоздавшим поздравлением. Спасибо! Ты одна у меня не считаешь, что если я не справляюсь со своей корреспонденцией, то мне и писать не нужно...

За посылочку тоже благодарю тебя и всех пайщиков; особо поблагодари маму за память. Моя внучка на карточке очаровательна: я прямо слышу, как она похрапывает, втягивая в себя воздух и не зная, что с ним делать, таким прерывистым контральтиком! Помести се портрет в «Советское искусство» (отдел «Кино») как образец счастливого и веселого сознательного советского

дитяти. Что думается о возможности ее путешествия к деду?

Целую мою любимую.

Па.

№ 95. М. Г. Шторх¹

1 26 января 1937 Марина вышла замуж за С. А. Шторха.

6/V — вечер.

Маринаша, Маринаша!..

Я так огорчен и расстроен отсутствием хотя бы нескольких строк от тебя, что кроме этого ничего написать не могу!..²

2 Письмо, отправленное Мариной с дороги, по возвращении из Томска, не дошло. Записка Шпета была вложена в чье-то письмо.

Па.

№ 96. М. Г. Шторх

21/V.

Маринаша, моя полная красotka, не бери примера с пожилых дам, что если не ответить на что-нибудь, значит от него отделаться! Миленькая, это признак пожилого тупоумия. Не подражай,— подражай в другом, например, в остроумии ответа. Из того, что мне приходилось слышать и испытать, самые остроумные ответы всегда бывали самые короткие. Вроде: «Можешь ли ты сказать «да»?» — «Да!» — «Можешь ли ты сказать «нет»?» — «Нет!» Это — Предисловие. Изложение: сие по поводу моего телефонного поручения Любви Яковлевне. Заключение: целую тебя за расторопность и точность исполнения.

До гробовой доски твой единственный и незаменимый,
ответственный

Па.

№ 97. С. Г. Шпету

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

937 V 27.

Дорогой мой Сережа, мама, вероятно, говорила тебе, что я тут здорово поболел (помнишь, как называется такая «фигура речи»?), так что не мог дней десять и заниматься; не написал и письма, обещанного тебе. Ты уже не сердись, что и теперь откладываю, хотя по другим причинам: у тебя начинается экзаменационная горячка, и тебе, конечно, не до размышлений над письмами; а мне как раз хотелось поговорить с тобою о некоторых затронутых тобою общих вопросах. Но ждать осталось немного, и поговорим устно.

Итак, меньше месяца осталось до твоего освобождения! Желаю тебе полного и блестящего успеха. Я уверен, что все сойдет благополучно. Соскучился по тебе до крайнего возможного предела, — мечтаю побродить с тобою и покататься на лодке.

Bon courage¹! Обнимаю тебя и люблю. Жду вестей об удачах на экзамене, а еще больше жду тебя самого.

1 Не падай духом! (фр.).

Твой Па.

№ 98. В прокуратуру

Шпета Густава Густавовича,

Томск, Колпашевский п., 9, кв. 2.

Заявление

В ночь с 14 на 15 марта 1935 г. я был арестован в Москве; по окончании следствия административно выслан в Енисейск на 5 лет. В ноябре того же года меня перевели в Томск, где я нахожусь и поныне.

Следствие предъявило мне обвинение (по ст. 58, 10-11) в том, что я возглавлял антисоветскую группу, сложившуюся в период существования Гос. Ак. Худ. Наук (т. е. до 1930 г.), состоявшую из проф. Габричевского А. Г., Петровского М. А. и Ярхо Б. И. Материалом обвинения послужили показания Петровского и Габричевского, арестованных и допрошенных примерно в одно время со мною. Голословность и бездоказательность этих оговоров частично вынуждены были признать и следственные органы. Никаких конкретных показаний, которые раскрывали бы, в чем выразилось мое «руководство» группой, мне предъявлено не было. Следствие не обратило внимание даже на то, что с одним из членов «группы», с Б. И. ^{Ярко}¹, я просто мало знаком; он никогда у меня не бывал, и наши научно-педагогические позиции противоположны. Я более знаком с Петровским М. А., но и с ним расходился в научно-идеологических воззрениях. Единственно я был близок с Габричевским А. Г., но как раз он признан по этому делу невиновным и, во всяком случае, никакому наказанию не подвергнут. Каковы принципиальные политические установки названных лиц, до сих пор точно не знаю, ибо никогда и никаких разговоров на эту тему у нас не велось; отрывки и цитаты из их признаний, читанные мне следователем, вызвали у меня резко отрицательное отношение. На очной ставке с Петровским и Габричевским им поочередно был задан следователем всего "один вопрос, подтверждают ли они свои показания (мне конкретно неизвестные), показания от такого-то числа; мне не позволено было задать им

какие бы то ни было вопросы и требовать разъяснений.

1 Ярхо Борис Исаакович (1889-1942) — литературовед, переводчик.

Предъявленное мне обвинение я не признал и не мог признать, хотя в порядке самокритики допускал и признавал, что своей общественной и политической неактивностью и недостаточным вниманием к окружавшим меня мог дать, сам того не подозревая, повод к неправильному толкованию моего отношения к Советской власти. Это, по-видимому, и привело следствие к противоречивому выводу, что будто я стоял во главе контрреволюционной группы, сам того не сознавая.

Если бы следственные органы более внимательно и критически отнеслись к показаниям оговоривших меня лиц, а также к моей действительной работе в 27 г., равно как раньше и позже, вплоть до момента ареста, то понятно выяснилась бы вся вздорность опорочивающих меня показаний и приговор, осудивший меня на 5 лет высылки, стал бы невозможен. Никогда я не принадлежал к тем буржуазным профессорам, которые встретили враждебно Октябрьскую революцию, но, убедившись в выгодах пайков и охранных грамот КУБУ², пришли к признанию Советской власти. Революцию я встретил радостно, приветствовал и работал для Советской власти с 1917 года.

2 Комиссия по улучшению быта ученых, учрежденная в 1921.

Я хочу, и несмотря на свой возраст могу, еще работать на фронте нашего культурного строительства. Моя основная специальность философские науки, но знания в области истории науки и языкознания, истории театра, а также знания почти всех европейских языков (англ., нем., франц., итальянск., испанск., польск., шведск., норвежек.,

датск., украинск., болгарск., латинск., греческ.) дают мне возможность работать и в других областях.

При моем теперешнем положении, вопреки твердым обещаниям, данным мне в НКВД, что работой я буду обеспечен, с момента моей высылки мне был поручен только перевод одной книги Гегеля «Феноменология духа».

Прошу, приняв во внимание изложенное, мои годы, отбытие половины срока высылки и кроме того желание работать на пользу социализма и нашего культурного строительства, вернуть меня в число полноправных граждан моей социалистической родины. И прошу дать мне возможность работою на пользу ее реабилитировать себя не только от обвинения и оговоров, но и от подозрения в моей причастности к каким бы то ни было контрреволюционным организациям, группам, действиям или замыслам.

4/VI-1937.

Г. Шпет.

№ 99. Н. К. Шпет¹

1 Обрывок письма, судя по чернилам, от 1937.

<...> Все забываю написать: на большом столе в черном ящике есть большая папка (черная или рыжая, забыл), в которой хранились остатки рукописей, подготовлявшихся ко II тому «Мысли и слова»; среди них должна быть рецензия Бачинского на русский перевод «Начал» Ньютона (перевод академика Крылова). Поищи и отдай эту рукопись Бачинскому (через Марго). А что моя розочка — такая же чудная как всегда или еще лучше стала?

<...>на, так как, я думаю, откажут, то практического значения это не имеет.

Это сенсация, что договор 48 в Academia все-таки нашли! А работа по нему не только сдана мною, но была сдана в типографию... и разобрана!

Вот тебе и вознаграждение за визит к Васе: сведения о его дачном соседе²: если бы Васю научить, Вася сумел бы поговорить, и вот тут и я верю, что было бы сделано решительно все!

2 Не установлено

№ 100. Л. Г. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

937 VII 3.

Золотая моя девочка, пусто стало, как ты уехала, и ничем эта пустота не заполняется! Всё — не то: и утро не то, и день без тебя и Аленушки не тот, и вечер без тебя и Аленушки не тот! (Даже живот не тот: перестает болеть!..) И Чики¹ пришептывают: «Скучно без Аленушки...»; а Си заобожала тебя. Сегодня ждал письма — нету... Очень приятно было получить телеграмму 30-го же из Тайги. Потом из Новосибирска и Подъомска, порадовался, что пересели в мягкий. 1-го же открыточка из Тайги с укором моему перу (и кажется, что я поднадул тебя,— попроси Володю проверить, не отклеился ли резиновый резервуарчик; он должен быть прочно приклеен, тогда нет вот таких фокусов; а то придется высылать тебе обратно твое черное сам-перо (Selbstfeder)).

1 Виленчики.

Что-то, расставшись с тобой, жду без энтузиазма завтра гостей: им и вдвоем тебя не заменить! Да еще с Алешкой!

Ты заметила уже, что она забыла у Со свою погремушку,— Наташа² днем принесла; а я ей обрадовался,— очень живое напоминание (тоже комфорт?..).

2 Наташа — дочь Пригоровских. Алешкой Шлет иногда называл Аленушку.

6/VII. Письмо с описанием твоих мытарств и слез, маленькая моя, пришло после телеграммы из Москвы о благополучном прибытии, а то бы я тоже поплакал... Сегодня еще открытка из Перми, посланная 3-го,— дух — лучше, уже почитывается «Тибо»³!

3 Роман Р. Мартена дю Гара «Семья Тибо».

Чик, возвращаясь со службы, неизменно вопрошает: «А где наша Аленушка?..» С Н. Ил. пока ладим много лучше, чем в прошлом году.

7/VII. Что же, Норик, неужели больше ничего с дороги не будет?.. Жду теперь с нетерпением письма из Москвы. Интересно,— как-то тебя встретит твой Барбаруса⁴?
10/VII. Норик, Норик, уж с Ел. Ник. я ждал непременно письмеца... Пришла только картинка: очень милая, особенно ослик; но чья это, не знаю,— никогда раньше не видел; из музея Изобразительных искусств? Знаю о тебе только то, что писала Н. К. о твоих трех визитах к ней (один раз с Алешкой); один из них в день твоей свадьбы,— мне приятно было, что ты отпраздновала этот день «у меня» (chez moi)! Как вышло, что я не поздравил тебя и Володю? Это вышло так: я собирался, пошел на телеграф (6-го), но нужно было послать телеграмму Н. К., я так задумался над ней, что и дома написал только ее, и послал одну, уверенный, что сделал все, что собирался сделать!.. На следующий день хотел в письме написать несколько слов поздравительных, начал о чем-то другом, опять «задумался», потом отложил листок, опять в

уверенности, что то, что нужно, сделано. Повествую тебе об этом подробно, чтобы показать, какие иногда нападают на меня теперь obsessions⁵!

4 Не установлено.

5 Наваждения (фр.)

У меня сегодня две камерфрейлины, но если бы их было и двадцать, они не заменят тебя, мою любимую, с Алешкой! (Чик до сих пор восклицает: «А где наша Алenuшка?») Скупой и скудный рассказ о твоих делах навеял на меня большую грусть... А ты всё не пишешь...

18/VII. А от Норика все нет ни строчки! Очень пользуясь твоим самопером,— лишний раз тебя вспоминаю и угрызаюсь совестью, что обидел мою девочку, отнял хорошее перо... Непременно напиши, удалось ли тебе наладить рыжее,— если не удалось, я пришлю тебе это.

21/VII. Золотой мой Норик, наконец-то от тебя письмо. Я так рад! Только что же — Ел. Ник. преувеличила твои неприятности с Барбарусою или ты приуменьшаешь? Адрес всегда пиши,— хороший европейский обычай! Помнить и думать приходится столь о многом, что надо избавлять других помнить и думать о твоём адресе. «Факт» (как говорила Надежда Дроздова⁶), твой адрес я всегда путаю,— 41 или 43? (узнаю из твоего письма, что 47!), а Маргушин и за 10 рублей не вспомнил бы!

6 Дроздова Надежда Васильевна — театральная актриса.

Завидую, что ты видела хороших эксцентриков: это самое замечательное и самое великое, чего может достигнуть человек в овладении собою! Тост Нины Сухоцкой⁷ меня тронул; передай ей, что если хочет поскорее чокнуться со мною, пусть приедет ко мне погостить, а я буду так ласков, что она не пожалеет о приезде! Так будет поцелуй реальнее, чем ты передала ее поцелуй мне.

Испанский не бросай,— чудный язык; если нужно, возьми у меня учебник и словарь на № 8 (Н. К. или Марина покажут где).

7 Сухоцкая Нина Станиславовна — режиссер, племянница Л. Г. Коонен, близкая подруга Леноры.

Приветы маме и Володе! По Алешке очень скучаю! Не пугай ее на ночь дедом! Крепко целую тебя.

Твой Па.

№ 101. М. Г. Поливановой

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

37 VII 29.

Итак, моя распушённая Маргариточка — примерная дочка: подтверждает гипотезу своего любимого единственного отца, хотя эта гипотеза показалась ей не вполне лестной... Стоило нашей благодетельной Норушке что-то написать,— напомнить! — о бытии несправедливого старика-отца, и этот жестокий старец получил, можно сказать, подряд три милых Маргариточкиных письма! Память воскрешена! — А по поводу повода к этому, то есть по поводу слабой эмоцпамяти не убивайся, родная! Во-1-х, ты ее не благоприобрела, а унаследовала от своего жестокого старика, а, во-2-х, это не так уж безнадежно плохо, ибо если у нас с тобою не горят непрерывным пламенем высокие чувства, зато не пылают и низкие! Например, разве мы с тобою злопамятны?

Мимоходом по поводу твоего «рассуждения» о понимать, значит, простить. Видишь ли, я иначе думаю: кто все прощает, тот ничего не понимает! А вообще-то говоря,

прощают не по пониманию, а по любви, хотя бы даже и не все было понятно. Но у нас с тобою нет повода говорить о «прощении», — как если бы я в самом деле сомневался в твоих нежных чувствах. И «причин» не надо; некоторые считают, что когда нашли причины, объяснили, то факта как будто и не было. Например, это я толкнула локтем стакан, и он разбился, потому что ты его тут поставил... Но ведь это же только подтверждает факт, что стакан разбит, а не опровергает факта. Это — о причинах; а «виноват» — не локоть же и не тот, кто «поставил», а виноват старичок Ньютон, который придумал свой смешной опыт, — однако у всех физиков удающийся, — опыт падения твердых тел на землю... Все сие приложимо и к писанию писем, — всегда есть причины и писания, и неписания, и чем их больше, тем убедительнее факт, что письмо написано или не написано. Виноват же тот первый безымянный учитель чистописания, который придумал опыт, не всегда удающийся: положить перед собою лист бумаги, взять в руки перо и... писать. — Ну, как видишь, и я умею «рассуждать»! Но не довольно ли?

В одном из писем ты написала чудовищную вещь: не наполнять же мне письма рассказами о том, что делают дети каждый день... А почему бы не наполнять? Если бы ты нечаянно «наполнила» этим не 8 страничек, а 800, — как ты думаешь, мудрая моя головка, я читал бы это с меньшим интересом и наслаждением?

Я очень обрадовался, когда узнал, что ты вновь пленена Крымом¹. Я боялся, как говорил Норочке, что ты можешь разочароваться. Бывает, что пленившее нас место мы еще раздуваем в мечтах и фантазии, бежим опять к нему, и, оказывается, оно не отвечает нашему воображению. Рад, что с тобою этого не произошло. Я был на Кавказе 41 год тому назад, но до сих пор во мне живы некоторые просто зрительные картины и всегда меня тянуло туда, но всегда же я боялся, что, если бы удалось еще раз

посетить Кавказ, я больно воспринял бы, если бы он не соответствовал тому, что дала когда-то юношеская восприимчивость и додала фантазия.

1 В 1926-1929 Ленора и Маргарита ездили в Коктебель, жили в доме М. А. Волошина и прочно вошли в коктебельскую компанию. Там началась дружба Маргариты и К. М. Поливанова, окончившаяся их свадьбой в 1929.

Да, не думаю, чтобы встречи с Сашей² тебе доставили удовольствие. Мне писала Н. К., что он собирается в Крым, и я огорчился за тебя. — Сон Кота, правда, очень реалистичен; что касается рассуждений Али³ и его источника Наташи Г.⁴, то тут доля правды есть. Мое непосредственное чувство к нему не так напряженно, как у некоторых «моих» (и не только со стороны «бабья», некоторые «мужи» еще более нетерпимы). Но ведь кроме непосредственного чувства есть еще одна сторона и притом более важная, чем мое чувство. Деморализация некоторых кругов общества привела к тому, что очень уж легко принимается метод защиты и самосохранения путем оговора и себя, и других. Безмерный эгоизм Саши, боязнь быть выброшенным из его глубокой постели толкнули его туда, куда он пошел. Не выразить своего омерзения его поведением значило бы самому поддаться этой деморализации и поощрять соответствующую психологию и поведение. Каковы бы ни были мои чувства к нему, я не считал бы себя вправе поддерживать с ним отношения. Но вопрос о нем еще сложнее. Когда понадобилось только выразить желание исправить допущенную им, говоря мягко, «ошибку», — как он поступил? Миша, по крайней мере, сразу и без колебаний изъявил желание, если можно, исправить сделанное им (хотя практически это не имело значения и последствий). Саша же откровенно признался, что его брюхо и московские постели, в которых он валяется, — содержание его «красивой жизни»! — ему дороже его чести. Миша вспомнил о сыне, которому придется носить

имя отца; Саша же и вообще ни о ком, кроме себя, не помнит. Таким образом, если поведение Миши повлияло на отношение к нему в одну сторону, то поведение Саши толкает в сторону прямо противоположную. Наконец,— чтобы покончить с этим,— если бы Саша и Наташа рассчитывали на какое-то «прощающее» отношение с моей стороны, они, наверное, нашли бы способ так или иначе помочь моей семье или хотя бы предложить свои услуги в этом направлении, а это делалось людьми и более далекими, чем был для меня Саша.

2 А. Г. Габричевский ежегодно проводил лето в Коктебеле, дружил с М. А. Волошиным.

3 Сухотин Алексей Михайлович — филолог, завсегда́тай Коктебеля, друг Поливановых.

4 Габричевская Наталия Алексеевна — жена А. Г. Габричевского.

Внучка моя очаровательна, но... с малютками мне «не везет»! Когда вы были,— мои собственные дети,— в таком возрасте, я был сам мал и глуп и не ценил прелести маленьких человечков, а когда дорос до понимания их,— с Алешкой мы чудно разговаривали и понимали друг друга,— моя внучка мне только улыбнулась и улетела... А к ней ты своих ревнуешь напрасно! Да еще считаешь виной свое воспитание (то есть воспитание их, а не тебя!), не догадываясь, что может быть, их-то все любят... несмотря на твое их воспитание!?.

Моя жизнь течет так, что иной день самым большим событием бывает смена календарной цифры на следующую по порядку. Впрочем, и каждый день это есть некоторое событие. — Лето у нас плохое, весна была отвратительна, а между тем за воротами уже раздаются подозрительные посвисты ангелов осени.

Пиши, моя девочка, помня, что единственная убедительная отговорка: «Что-то не хочется»...

Коту дружеский привет! Внуков целую! Скажи им, что когда,— и если увидимся, я научу их таким штукам, что, у мамы их поднимутся волосы к небу!..

Крепко обнимаю и целую мою Маргариточку.

Па.

№ 102. М. Г. Шторх

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

937 VII 30.

Милая, любимая Маруля, это письмо — не настоящее, а только «к» прилагаемым исправлениям. Потому что спешу. А настоящее будет готово в три счета:

1 (раз!) сочинить,

2 (два!) написать,

3 (три!) отослать!

4 Значит, жди с распростертыми.

Обними Танюшку мою, скажи, что очень скучаю по ней, а письмо тоже появится в три счета. Мужу поклонись,— его слушайся и бойся! Дрюше — привет.

Подари Алеше¹ один «Холодный дом» ГИХЛ'а и, если есть еще, «Тяжелые времена» «Молодой гвардии»².

1 Магит Алексей Савельевич.

2 Романы Ч. Диккенса, вышедшие в переводе Шпета.

Спасибо за симпатичное письмо: Тебя:

стр. 1, строка 3 св. разлюбили любящий,

" — " — " — 7 сн. нелюбовь обнимающий,

"— 2 — " — 6 сн. люблю Ура! целующий,

"— " — " — 3 сн. любимая тоскующий Папулище.

Никому не говори, что я тебе хорошее письмо написал, потому что я его не написал, но между собою давай условимся! Хорошо? Наверное хорошо, ты же — скромнуля!

К письму приклеена вырезка из газеты:

Случай

На швейной фабрике в течение почти целого года начальник индивидуального цеха Байбулатова держала в должности цехового сторожа... собаку. А так как на содержание сторожа средств по смете не предусматривалось, го Байбулатова провела собаку по ведомостям как работницу Петрову. Бухгалтер т. Павлов выписывал, кассирша Горшкова выдавала государственные деньги.

Во время полочки за неграмотностью «Петровой» в ведомости расписывалась и получала денежки Байбулатова.

И жила себе спокойно «Петрова», ей даже администрация повысила зарплату со ста трех рублей до ста тринадцати.

Только недавно под нажимом общественности фабрики собаку изгнали из цеха. Байбулатову это событие, конечно, расстроило, и фабричный комитет швейфабрики спешно отправил ее на курорт.

№ 103. М. Г. Шторх

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

937 VII 31.

Мой Мар

милад*!

** В испанских словах, оканчивающихся на «д», последнее не произносится. Idem.*

Когда в один день приходится проверять столько Гегелей, сам понимаешь, что тут не до писания умных писем! На ходу целую.

Твой единственный

Па.

№ 104 М. Г. Шторх

937 VIII 9.

Дорогой Маринаш, сам понимаешь, что когда с Гегелем, то не до любовных записочек!..

Твой единственный.

P. S. Напиши мне, пожалуйста, №№ договоров с ГИХЛ'ом на «Холодный дом» и на «Тяжелые времена».

Тот же.

№ 105. М. Г. Шторх

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

937 VIII 13.

Мармилаша!

I

Часть деловитая

А. 1) стр. 277, строка 6 сн. — вместо — чувственная
непосредственная предентация — чувственное
непосредственное наличие.

2) стр. 620 — !Все аккуратно! — В Оглавлении же —
пропуск. Вставь, как тебе хочется, то есть после ... и под
ним, сиречь под «с» — I. Эпос инд.

В. В магазине Могиз'а № 15, Москва, 15-6, ул. Горького,
(15х2) — 4, тел. (15-10) — (15х3) — (15-2)1, — выторгуй и
перешли мне: Н. Н. Полянский, «Уголовное право и
уголовный суд в Англии», 1937. Стр. 237. Ц. 4 р. 50 коп.
Юриздат.

II

Часть бездельная

Плюнь тому в глаза, кто скажет, что может объять
Маринашу!

Целую.

Твой Па, ответственный и незаменимый.

№ 106. М. Г. Шторх

Томск.

937 VIII 20.

М

о

я

Ма

риночка!

«Оглавление» и «Предисловие» переписано и не проверено очень аккуратно. Так что:

1 Надо решить сей арифметический пример, т. е. Москва-9, ул. Горького 26, тел. 5-45-13.

стр. 690 наверху вписать:

!Подчеркнутое — жирным шрифтом!

Оглавление Гегеля к первому изданию

!Квадратные скобки!

стр. 691 — 3. «Я» и вождение, стр. 161.

стр. 694 ! Пропуски!

1. Непосредственное направление движения самосознания...

2. Содержавшееся в этом направлении обращенное движение, становление моральности, стр. 307.

694 — I. Чувственное влечение, стр. 313.

695 — . Проверяющий законы разум.....

и женщины, как брата и сестры

VI. Дух.....
376-583

696 — В.
Отчужденный.....420-518

697 — С. Дух достоверно... моральность .
.....518-583

698 — VII. Религия.....
584-670

А. Естественная
593-602

В. Художественная.....
603-6J7

699 — С. Религия..... 637-
670

701, строка 2 св. !в скобках!: (Bamberg und Wurzburg bei J.
A. Gobhardt, 1807).

"—" 9 сн. детализующими

"—" 8 сн. облегчают

702,— 12 сн. !пропуск!: других частей речи или же

"—" 8 сн. Гегель сам

"—" 6 сн. и конкретнейшим",

703,— 2 св. из того, что он именно

3 сн. Введение

704 — 9 сн. Гегеля

705 — 9 сн. Гегеля 6 сн. Выдвигает

1 сн. много языка» и признаётся,

706 — 3 сн. !пропуск!/: лагавшихся у нас переводов такого
рода выражений и терминов, переводчик все же старался
в общем по возмож-

706,— 10 сн. — и (его) сопоставлений

703,— 3 св. как раз

Целую крепко любимую девушку мою.

Па — среди дождей и грязей!

№ 107. Л. Г. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

937 IX 3.

Золотой мой Норик, данным давно получил от тебя посылочку, а до сих пор не собрался поблагодарить! Одна из причин: рука совсем испортилась! Пока сидел над Гегелем и писал каждый день, она как-то еще держалась, а теперь разъехалась: трудно писать, а в особенности видеть эти каракули.

Си¹ осталась очень довольна твоим подарком: в день получения человечество отдыхало, ибо голов было сорвано меньше обыкновенного! Свои чувства она обещала сама излить тебе, и, кажется, это уже сделано. Со приняла книжечки Наташе как должное, — это ее обычная манера, а может быть «принцип». Мне очень понравилась коробочка — очень приятной формы. Спасибо за галетики. Картинки так себе: пейзаж Рембрандта скучноват; Rothenburg сначала думал завлечь меня, но не удалось (забыл уже, — почему? должно быть, не выдержал рядом с дюреровским Нюрнбергом, что у меня над столом).

1 Виленчик Сима Минеевна.

От Немировича² у меня лучше впечатление, чем у других. Его почему-то считают умным, и все ждали умной книги, — отсюда разочарование. А книга такая, как он сам: поверхностно, грустно и по-актерски. Сравни с Орленевым³, например, тот же тон и тот же уровень! Я ждал худшего, а потому мое впечатление более благоприятно: из-под цилиндра и за бородою видна все-

таки любовь к своему делу и искусству, и сколько бы он ни напускал на себя «умных» штампов, это — заурядная жизнь театрального человека; и это — хорошо. Чехова он любил, от него не отрекся и его не выдал, — его театр, по Немировичу, все-таки театр Чехова. И о К. С.⁴ он пишет лучше, чем я ожидал; пусть это — деланное «благородство», но у К. С. по отношению к Вл. Ив. и этого нет. Несколько искусственно вставленный пассаж из переписки Чехова с Ольгой Леонардовной достигает цели, так как заранее даст оплеуху пошлякам, которые не сумеют оценить этой переписки; как раз это умно.

2 Немирович-Данченко Владимир Иванович (1858-1943) — режиссер, народный артист СССР. В 1936 вышла книга его воспоминаний.

3 Орленев Павел Николаевич (1869-1932) — актер.

4 Станиславский Константин Сергеевич (1863-1938) — режиссер, народный артист СССР.

К Никиф. не заходил, жалею, что мы с тобою не застали ее, — теперь просто «дайте меду» неловко.

Почему не шлешь Аленушку? Наверное, Володя много наснимал. Или хочешь сразу представить мне ее невестою?

То, что ты пишешь о Песках⁵, то самое, о чем я мечтаю. Особенно порадовался твоей оптимистической открыточке, вызванной Песками. Только надолго ли? Москва не любит оптимизма!

5 Дачная местность в сотне км от Москвы, где находится поселок художников и где жил дядя мужа Леноры. Шпет мечтал завести дачу под Москвой и проявлял повышенный интерес к подобным местам.

Театральные марьяжи, по меньшей мере, забавны. Для Таирова⁶ эксперимент (он их любит): как из двух бездарных трупп сделать одну? Соединение Симонова и Судакова⁷ (у которых общее только первые буквы фамилий) показывает, что Керженцев⁸ не лишен юмора, — хотя кто бы ожидал этого от него? Симонову не

завидую; если бы к каждому пальцу рук и ног ему привязали по пудовой гире, ему было бы легче... Выиграл один Хмелев⁹, и не знаю Ермоловской студии, но видел сопливую компанию Хмелева,— что ни дай ему, все будет лучше. А в целом, выходит, по образцу МХАТ'а к маленьким Станиславским прибавлено по еще меньшему Немировичу!

6 Таиров Александр Яковлевич (1885-1950) — режиссер, основатель Камерного театра. Шпет дружил с ним и его женой, известной актрисой А. Г. Коонен.

7 Судаков Илья Яковлевич (1890-1969) — артист, с 1937 главный режиссер Малого театра.

8 Керженцев Платон Михайлович (1881-1940) — историк, политический деятель, в то время председатель Комитета по делам искусств.

9 Хмелев Николай Павлович (1901-1945) — народный артист СССР, режиссер МХАТ'а, с 1937 главный режиссер театра им. Ермоловой.

Как же устроился или устроится Володя? Как твои дела и отношения с Барбарою (Barbaroja — испанизм в честь твоей новой специальности)? Кланяйся Софье Николаевне.

Август был омерзительный: дожди и холода (однажды был даже заморозок, утром всё в инее), а с 1/IX обнаружилось солнце и некоторое количество тепла; деревья, в особенности лиственницы, бледнеют и желтеют. Но если сентябрь такой продержится, это будет некоторая компенсация.

Пиши, Норик! Побольше об Алешке тоже.

А как Шекспир? Или запирается «делами»?

Привет маме и Володе.

Целую тебя, любимую. Твой Па.

№ 108. М. Г. Шторх

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

937 X 2.

Дорогая моя дочка Мариночка, приди мне на помощь. 18/X — рождество Марго; мне надоело моим дочерям дарить книги, а им надоело получать. Итак, я хочу подарить Марго картинку. Для этого ты должна под дубовой лестницей¹ найти свернутые в трубочку и завернутые в газету гравюры Пиранези. Их должно быть пять штук; но я не помню, какие у меня (помню только «Колизей», который был у меня на стене на Долгоруковской). Если бы ты могла сегодня же переписать мне их названия (подписи под ними, только то, что крупным шрифтом) и вкратце напомнить содержание, я выбрал бы и успел бы тебе сообщить, что именно презентовать от меня Маргуше.

1 Кабинет Шпета в его последней московской квартире был на полэтажа ниже; к нему вела внутренняя лестница.

Понимаю, что сын есть такая часть собственности матери, над которой она непрерывно дрожит головой, ногами и руками, так что писать ей почти так же трудно, как мне,— но чужой (хотя бы даже твоего собственного дорогого, любимого и единственного отца) внук² (я имени его не знаю, хотя хочу узнать...) не может вызвать такой универсальной дрожи, а потому пиши о нем законному деду, а заодно побольше и об его маменьке (его: внука, а не деда!). Целую.

2 12 сентября у Марины родился сын, четвертый внук Шпета.

Твой Па.

Некрасиво, если твой сын зовет тебя «мамка»,— отучай!

№ 109. М. Г. Шторх

937 X 14.

Дорогая моя Маринуля, довольно понятно, что Ванька¹ вытеснил все на свете из твоего сердца и занял место этого «всего», заставил тебя забыть и про твоего единственного отца, но все же из этой понятности не вытекает для забытого старика никакого утешения... А потому найди с помощью Дрюши на нижнем этаже № 11 томик трагедий Эсхила на греческом языке и в ближайшей посылке препроводи его мне.

1 Один из вариантов имени новорожденного (нареченного Алексеем) сына Марины

Не теряющий еще надежды получить письмо от матери моего собственного, хотя и младшайшего, внука.

Твой терпеливый отец.

Открытка с видом на Каменный мост через Ушайку.

№ 110. Н. К. Шпет <21 октября 1937.>

Дорогая Натуленька, твою руку видел долго, долго — пока поезд не повернул налево... Настроение: стараюсь быть бодрым, чтобы выполнить твое пожелание. Прошелся приятно, — воздух мягкий и теплый. Желудок начал давать знать себя только к концу пути. Дома опять был потрясен. Дорогая Натуленька, и Миша тоже¹, целую тебя крепко. Сейчас собираюсь к зубному. Спать так и не ложился, может быть, после зубного.

1 Т. е. М. Л. Петровский арестован.

Твой.

Читать даже ничего не могу.

У зубного в 2 1/2 был уже свободен. Готово будет совсем 27-го. Дождусь ли?

Целую еще.

№ 111. Н. К. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

937 X 21.

Натуленька, вернулся от зубного еще в таком возбуждении, что заснуть не мог. После обеда долго лежал, потом все-таки заснул минут на 20. Поковырялся в книгах, но ничего в голову не идет. К. половине 7-го,— проклятые сумерки! — ничего с собою не могу поделывать: спазм душит горло, «комок» никак не удается проглотить... В 7 — твоя телеграмма. Спасибо, милая! Хорошо, что ты уехала,— сегодня я совсем бы тебя расстроил... Сейчас еще пренеприятное явление (оно бывало довольно часто летом, когда на солнце выходил гулять): ослепляющие полосы и зигзаги в глазах; это один из симптомов так называемого множественного склероза; причина — волнение.

Поужинал шарлоткой и сливками... комок не отступает от горла... все, все напоминает о тебе и твоих заботах! И единственно, на чем могу еще сосредоточиться — на тебе. Это и вызывает судорогу в горле, но зато и «успокаивает» в других отношениях... Зябну, хотя термометр показывает 15°.

10 1/2. Да, для тебя хорошо, что ты уехала, а мне, ой, как плохо!.. В комнате почему-то потеплело, 17° по градуснику, а меня так знобит, что сижу в платке; при тебе лег бы в постель; С. М. предлагает: «Так ложитесь, а я буду подавать, что нужно...» (Самовара почему-то нет, но для меня вода была вскипячена в кастрюле.)

Ну, и денек, ну, и ночка! Как дотянется до утра?..

11 1/2. Ну, в куреньи сегодня нарушены все мои достижения! Не могу заставить себя достать шарлотку или выпить сливки. Как будто глотка — засорившийся мундштук, который нужно прочистить.

3 1/2. Немного спокойнее, ложусь; спокойной ночи.

22 — 1 1/2. Едва встал, весь разбит, сил никаких. Дождит. Керосин появился; Си стояла долго в очереди: «Всякое безобразие...» Промокла насквозь, но не дождалась, потому что «Берта¹ такая мать, что оставила ребенка одного...» и пр., и пр. мало утешительное. Просила нашу «почтальонку» (от моего имени обещала щедрое вознаграждение). От тебя милая открытка и еще более милое письмо из Тайги. Вечер последний с тобою я тоже вспоминал, ты была очаровательна. И шарлотку, когда ел, все вспоминал тебя — от этого только больше сжимало в горле...

1 Родственница Виленчиков.

По «логике» сегодня следовало бы «волноваться» больше, чем вчера, а я спокойнее,— впрочем, день мой только начался. Сейчас побреюсь, пойду на почту и спущусь к портному,— авось, шуба готова, а то — плохо еще и без шубы...

Спасибо, золотая, за письма,— они очень поддерживают. Целую крепко, крепко.

Твой.

С Васей, считаю, или сильный нажим и сразу или ничего не выйдет.

Еще целую.

Я хотел достать Эсхила в здешней библиотеке, но так как теперь не могу, то тем более постарайся найти мой и пришли (по-гречески).

№ 112. Л. Г. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

937 X 24.

Золотой мой Норик, давно, давно ничего не получаю от тебя!.. Знаю, что среди причин, мешающих тебе писать, и моя собственная пассивность... Кое-что тебе расскажет и объяснит Н. К., может быть, это поможет тебе преодолеть не одну только эту «причину». Почему же ты мне не прислала ни одной «новой» Аленушки? Пришли хотя бы к годовщине ее. Ты, кажется, не получила одного моего письма, потому что второй раз спрашиваешь о Мерике¹, а я писал, что драм его не знаю, не читал.

1 Мерике Эдуард (1804-1875) — немецкий писатель-романтик.

Приветы!

Крепко целую любимую дочку и внучку

Ваш.

Открытка с видом на Каменный мост через Ушайку.

№ 113. М. Г. Поливановой <25 октября 1937.>

Золотая моя девочка, получил твое <неразборчиво> письмо. Обрадовало и то, что у тебя чуточку меньше забот: у Норы няня, у тебя все здоровы. —

Поздравительная телеграмма тебе вышла «средняя», потому что Н. К. непременно хотела присоединиться, но моей любви в поздравлении не меньше, чем если бы я послал один. — Я рад, что тебе понравился Пиранези. — А «гроздочка» все-таки остается у тебя одной, у других,

как ты сама пишешь: «привески» или, скажем, «висюльки»!

Получил сегодня письмо и от Норы; поцелуй ее (я вчера ей послал такую же открытку, а ответ откладываю).

Сердечный привет Коту; внуков нежно целую, как и тебя.

Твой Па.

Маргулик, передай Норику, что ни в ее телеграмме, ни в письме о Брюсовском не было ничего, что огорчило бы меня или могло огорчить. Целую обеих!

Открытка с видом на Каменный мост через Ушайку и отдельно клочок бумаги. Датируется по штемпелю на конверте.

№ 114. Н. К. Шпет

Томск, Колпашевский пер., 9, кв. 2.

937 X 22.

Сумерки, состояние невыносимое... Хотел выпить сливок,— почти невозможно: комок к горлу, и проглотить невозможно; сливки особенно напоминают о тебе... С утра встал с трудом в 12 1/2, весь разбит. Твои письма поддержали. Обедал в 3, цветная капуста (остаток твоей); чуть лучше, чем вчера, но больше заказывать не буду (сухая, вялая, а не разваренная, самые головки подгорели). Пошел за шубой; помнит, что обещал доставить, но не готово; завтра!.. Погода сырая, грязь, дождик, но теплее, чем вчера; итти по улице без тебя тоскливо до невозможности... Все вижу по-особенному: четко и мертво,— как бывает при маленькой температуре. Ко всему во время ходьбы и желудок тянет и ноет. Дома в 5 1/2, но темно, как в 7,— настроение сумерек... Начинаю

бояться приезда Н. И. — в таком моем состоянии будет не легче, а тяжелее (если бы не другие обстоятельства, — болезнь и пр., отменил бы этот приезд).

С утра и до обеда Си намаялась с мальчишкой, но раздражалась не так, как можно было бы ожидать. Впрочем, кажется, уже есть новая няня (сейчас появилась). Курю меньше, чем вчера, но больше, чем при тебе. Пробовал лечь — невозможно: такая тягота душевная... И мальчишка разошелся, а я каждый звук слышу обостренно... Долго не было света, я зажег свечу... и опять комок к горлу!.. Делать ничего не могу, все валится из рук... Могу только писать тебе: за этим занятием мог бы проводить все свое время!

10 1/2. На ужин сварил себе два яичка: ни до чего нельзя дотронуться что ни вызвало бы сжатия в груди и комка в горле: керосинка, жестянка консервная, масло, варенье... Ем на твоём дешевом блюдечке (тарелочке) с зеленым кантом. Поставил молоко на простоквашу. Придумал новое блюдо (но еще не делал): «бедный рыцарь»¹ со сливками. По неизвестной причине в доме все уже спят кроме Сарочки. Поднялся ветер, завывает и присвистывает... Жутко!..

1 Хлеб с вареньем, залитый молоком.

Прошелся в уборную; когда вернулся и вошел в другую комнату, так сжалось сердце, что остановился у порога... Вспомнил, как мама стояла у порога моей опустевшей комнаты, когда я ушел от нее (я видел в окно со двора). Если нам суждено еще увидеться, не бросай больше меня!.. Не знаю, доживу ли я еще до одной встречи с тобою, но если доживу, то больше разлуки не вынесу, сознательно!

1 ч. ночи. Сделал себе «бе(погас свет)дного рыцаря», насколько было бы вкуснее, если бы сделала ты, или хотя

бы попробовала! Болит голова, по-особому, от нервного напряжения.

3 ч. 20 м. Ветер почти утих; на крышах, заборах — везде снег. Вчера пропустил, а сейчас задумал наполнить пузырь, обжег руки, и 25% на полу. Первый раз, вспоминая тебя, улыбнулся. ну, спокойной ночи! А свет так больше и не зажигался, сидел при свечах.

23/Х. За ночь очень похолодало; метет снегом — мелким, но частым. Шубу принес портной; сделал неплохо (за воротник — 12 р.). Света не будет до 25-го (авария на станции). Только хотел написать, что ждал телеграмму, а ее нет, как телеграмму подают! (Сейчас 11 ч., встал в 9 — разбудил портной.) Телеграмма из Омска, а ты уже скоро в Свердловске, где получишь мою первую. Зато письмо из Новосибирска читал уже в 10 ч. Спасибо, милая! В Москве ты должна быть через 102 ч. 15 м. по выезде из Томска, т. е. 25-го в 12 часов (когда у нас появится свет, — на этот раз ты увезла не только тепло, но и свет!). Из Москвы телеграммы нет! Около 12 заснул и проснулся только в 2 1/2 — приходила продавщица дров: будто хотела сначала 60 р., потом 80, а теперь 90; Си пойдет советоваться с Вл. Л., стоит ли брать...

Ну, целую нежно, нежно, как люблю.

Твой.

37 X 26. Еще один день ушел, а что впереди, все не видно... Проснулся в 9, мальчишка шумел, но, должно быть, подтолкнуло и ожидание телеграммы. Получил в 10. Рад, что, наконец, добралась, в остальном телеграмма загадочна: думай и гадай, что угодно! Почему не просто: «Марго не может приехать» или «ее приезд неопределен»? Почему так сложно?.. Потом, потом ведь не только о Маргоше речь; я думал, что ты пошлешь ночью (все равно получаю я утром), когда больше будешь

знать и можешь сразу написать и о других делах. Как Сережа? что говорят о квартире? Каково общее настроение?

У нас зима настоящая; этот снег уже не сойдет. В комнате пока тепло; запотело,— значит, всегда будет замерзать,— только одно окно, которое возле стола с ящиком. Да, я в первый же день «переставился»; вместо: <рисунок> теперь: <рисунок> (так что твоя карточка теперь прямо перед моими глазами). На столе появилась (откуда-то!) твоя карточка кругленькая... Ночью, при электричестве ты на стене особенно хорошо и ярко видна. К сожалению, света-то этого до сих пор нет, хотя объявление в газете сообщало — 25-го в 8 ч. Душевное состояние все то же, но расписывать не хочу, нового ничего не сообщу. В добавку ко всему боюсь, судя по сегодняшней телеграмме,— присоединится еще беспокойство по поводу неясных и неполных информации о московских делах.

3 ч. Пообедал. Выдал 1/2 стакана рису, вышло 2 тарелки переваренного; одну съел, другую оставил на вечер, положив в него, пока горячий, масло.

3 1/2 ч., а нет ни писем, ни газеты, м. б., не вышла из-за отсутствия света, а писем просто нет. Пробую переводить, читать просто не могу. Сижу в твоих «шубенках»², тепло!

2 Суконные ботинки домашней работы, надевающиеся поверх обуви (перешло в 1930-е из опыта неустроенного быта 1919-1921).

4 1/2 ч. Таки получил и газету, и письмо,— просто никто не потрудился заглянуть в ящик. Письмо из Свердловска. Признаю, что аккуратно приходят.

Люблю изо всех сил.

Твой.

Подлинники: №№ 1-7, 13, 14, 16, 20, 21, 23, 24, 27-64, 66-91, 94-96, 98-105, 107-114 — семейный архив Г. Г. Шпета; №№ 8-11. 17-19, 25, 26, 65, 92, 93, 97 — РГБ, ф. 718, карт. 24, ед. хр. 9, 10; №№ 12, 15 — Российский гос. архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф. 131, он. 2, ед. хр. 295; № 22 — ТОКМ 10815/9; № 106 — ТОКМ 10815/186. Публикация и примечания М. Г. Шторх. Письма №№ 87, 88 опубликованы впервые: Начала, 1992, № 1, с. 55-61; № 98 — Лица. Биографический альманах. Т. 1. М.-СПб., 1992, с. 39-41,— с некоторыми неточностями.

Все письма публикуются полностью, исключение — купюра в письме № 73. Правописание приближено к современному, с сохранением авторских особенностей. Восстановлено не употреблявшееся Шпетом удвоение согласных в словах иностранного происхождения — однако сохранено для имен собственных (Иофе, Шилер и пр.) и в характерных случаях (образец в письме № 26 и каламбур в письме № 36).

Еще два письма и четыре телеграммы см. в тексте воспоминаний М. Г. Шторх «В Сибирь и из Сибири», — наст, изд., с. 215, 220, 239, 243, 249, 250.

Возможны новые находки сибирских писем Шпета — в частности, С. Г. Шпету и другим адресатам.

Компьютерная база данных "Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы" составлена Сахаровским центром.
Тел.: (495) 623 4115;; e-mail: secretary@sakharov-center.ru
Политика конфиденциальности

Шпет в Сибири: ссылка и гибель / сост.: М. К. Поливанов, Н. В. Серебренникова, М. Г. Шторх ; ред. Н. В. Серебренникова. – Томск : Водолей, 1995. – 336 с. : ил.

Компьютерная база данных "Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы" составлена Сахаровским центром.

Региональная общественная организация «Общественная комиссия по сохранению наследия академика Сахарова» (Сахаровский центр) решением Минюста РФ от 25.12.2014 года №1990-р внесена в реестр организаций, выполняющих функцию иностранного агента. Это решение обжалуется в суде